

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С.ПУШКИНА

***ПУШКИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В АРХИВАХ РОССИИ***

К 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА

МОСКВА — 1999

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С.ПУШКИНА

*ПУШКИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В АРХИВАХ РОССИИ*

К 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА

Материалы
научно-практической конференции
16 февраля 1999 г.

Составители:

**Занина Т. Г. (ответственный составитель, предисловие),
Виноградов А. Г.**

Пушкинские материалы в архивах России. Материалы научно-практической конференции 16 февраля 1999 г., Москва. М., 1999, с. 128, цв. илл.

СОДЕРЖАНИЕ

Михайлова Н. И. Вступительное слово. «О сколько нам открытий чудных...»	6
Шмидт С. О. А. С. Пушкин и архивы.	9
Краснобородко Т. И. Факсимильные издания рукописей А. С. Пушкина: прошлое, настоящее, будущее	20
Козлов В. П. Народ безмолвствовал	32
Волкова Н. Б. А. С. Пушкин и его эпоха в документах Российского государственного архива литературы и искусства	38
Болдина Е. Г. Документы Центрального исторического архива Москвы о А. С. Пушкине	43
Шабанов В. М. Документы, связанные с семьей и окружением А. С. Пушкина, в фондах Российского государственного военно-исторического архива	46
Чиркова Е. А. Документы Государственного архива Российской Федерации о А. С. Пушкине и его окружении	55
Долгова С. Р. Пушкинские материалы в фондах Российского государственного архива древних актов	60
Перфильева Л. А. Архангельское при Б. Н. Юсупове (1831— 1849) (по материалам Российского государственного архива древних актов)	68
Мстиславская Е. П. Окружение А. С. Пушкина в дневнике Е. А. Соймоновой 1833—1835 гг. (по материалам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)	82
Сидорова М. В. Пушкинские материалы в архивах органов политического сыска Российской империи	90
Петрушева Л. И. А. С. Пушкин и российская эмиграция	98
Тугова Т. С. Увековечение памяти А. С. Пушкина в Москве и Подмосковье	108
Викторович В. А. Архив пушкиниста Д. С. Дарского в Российском государственном архиве литературы и искусства	111
Иванова Т. В. Творчество А. С. Пушкина в звукозаписях, хранящихся в Российском государственном архиве фонодокументов	120
Дерябин А. С. Пушкинская тема в отечественном неигровом кино (по материалам Российского государственного архива кинофотодокументов)	122

В 1999 году исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. Этот юбилей широко отмечался по всей стране.

В соответствии со Сводным планом мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, составленным на основе утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 1997 г. № 506 Плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина (1997—1999 гг.), Федеральной архивной службой России и Государственным музеем А. С. Пушкина были проведены выставка «А. С. Пушкин в московских архивах» и в рамках ее — научно-практическая конференция «Пушкинские материалы в архивах России». Эти мероприятия, по существу, открыли юбилейный пушкинский год, имели большой общественный резонанс.

Открытие выставки «А. С. Пушкин в московских архивах» состоялось 2 февраля 1999 г. в Государственном музее А. С. Пушкина. На церемонии открытия выступили заместитель Председателя Правительства Российской Федерации В. И. Матвиенко, руководитель Федеральной архивной службы России В. П. Козлов, председатель Комитета по культуре Правительства г. Москвы И. Б. Бугаев, директор Государственного музея А. С. Пушкина А. Е. Богатырев. На ней присутствовали члены Государственной комиссии по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, московского Оргкомитета по празднованию этого юбилея, федеральных министерств и ведомств, научной общественности, средств массовой информации.

В экспозиции было представлено 150 уникальных архивных документов, хранящихся в восьми московских архивах: Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном архиве литературы и искусства, Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном архиве кинофотодокументов, Российском государственном архиве фонодокументов, Центральном историческом архиве Москвы, Центральном государственном архиве Московской области. Большинство документов экспонировалось впервые.

Научно-практическая конференция «Пушкинские материалы в архивах России» состоялась 16 февраля 1999 г. На конференции

выступили заместитель директора Государственного музея А. С. Пушкина, академик РАО Н. И. Михайлова, руководитель Федеральной архивной службы России, член-корреспондент РАН В. П. Козлов, председатель Археографической комиссии РАН, академик РАО С. О. Шмидт, другие известные российские пушкинисты, историки, представители Государственного музея-усадьбы «Архангельское», Российской государственной библиотеки, федеральных государственных архивов, архивных учреждений Москвы и Московской области, хранящих материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта. В сообщениях выступающих прозвучала ранее неизвестная широкой общественности информация об имеющихся в архивных фондах уникальных пушкинских материалах, новых архивных открытиях в области Пушкинианы. Научно-практическая конференция имела большое значение для специалистов-пушкинистов, поскольку на ней впервые была представлена наиболее полная информация о материалах, связанных с А. С. Пушкиным, хранящихся в фондах российских архивов.

Надеемся, что издаваемые материалы научно-практической конференции будут полезны специалистам-пушкинистам, всем интересующимся жизнью и творчеством поэта в последующих научных и творческих изысканиях. В качестве иллюстраций в издание включены некоторые документы, экспонировавшиеся на выставке «А. С. Пушкин в московских архивах».

*Н. И. Михайлова,
заместитель директора
Государственного музея
А. С. Пушкина, д. ф. н.,
академик РАО*

«О СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...»

Нет необходимости говорить об особой ценности архивных материалов для постижения жизни и творчества А. С. Пушкина, осмысления его творческого наследия в широком контексте истории, литературы, культуры его эпохи, в движении эпох. При этом находка автографа великого поэта — всегда событие не только научного, но и общественного значения. Публикация связанных с Пушкиным документов, писем, дневников, мемуаров его современников вызывает интерес и исследователей, и просто читателей, и почитателей пушкинского гения.

Государственный музей А. С. Пушкина является тем учреждением науки и культуры, сотрудники которого собирают и хранят, наряду с произведениями изобразительного и декоративно-прикладного искусства, скульптуры, предметами мебели и убранства, книгами, журналами, альманахами и газетами, и архивные материалы, изучают и публикуют их, экспонируют на выставках и в постоянных экспозициях. Музей знакомит посетителей с архивными поисками и находками, позволяет им ощутить поэзию пожелтевших от времени листов, хранящих историю пушкинской эпохи, жизни Пушкина и его современников.

В рукописном кабинете музея хранятся материалы, связанные с родными и друзьями Пушкина, его современниками. Среди них — письмо С. Л. и Н. О. Пушкиных к деду Н. Н. Гончаровой А. Н. Гончарову, написанное в 1830 г. в связи с предстоящей женитьбой А. С. Пушкина, известное письмо А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву 1824 г., в котором речь идет о творческой истории «Горя от ума», письма М. Н. Волконской из Сибири, письма П. А. Вяземского, З. А. Волконской, Д. В. Давыдова, В. А. Жуковского и многих других. Особый интерес представляют

альбомы и рукописные сборники конца XVIII—XIX вв. (их около 100): они дают возможность рассмотреть произведения Пушкина в контексте альбомной культуры его времени. В альбомах рядом со списками пушкинских текстов — стихи неизвестных нам поэтов-дилетантов, рисунки художников-любителей, вышивки, записи на память. Альбомные страницы хранят автографы П. А. Плетнева, Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова. В рукописном собрании музея — и документы конца XVIII—XIX вв.: правительственные манифесты, указы, воззвания, купчие крепости на продажу земли и крестьян, вольные, временные отпускные, виды на жительство, выданные крепостным, заемные письма, векселя, хозяйственные расписки, подорожные, визитные карточки владельцев магазинов и мастерских, медицинские рецепты. Эти документы представляют пушкинскую эпоху в государственном и частном, в разнообразных бытовых подробностях ушедшего в прошлое жизненно-го уклада разных сословий.

Есть в музейном собрании и современные материалы по теме «Пушкин в движении эпох». Среди них — автографы А. А. Фета, А. А. Бюка, Б. Л. Пастернака, Б. Ш. Окуджавы, Д. С. Самойлова.

В музее хранится собранная Ю. Б. Шмаровым коллекция по истории русского дворянства (более 2200 родов). Среди документов — родословные схемы, поколенные росписи, письма, грамоты на дворянство, дипломы на чины и ордена, межевые книги.

В книжных фондах музея — книги с автографами В. Л. Пушкина, З. А. Жуковского, А. А. Дельвига, А. О. Смирновой-Россе, В. Ф. Малиновского, Н. Ф. Кошанского, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, К. Ф. Рылеева, А. Н. Оленина и многих других. Они дополняют и углубляют наши представления о взаимоотношениях литераторов пушкинского времени, о читательских вкусах и пристрастиях, о составе частных библиотек.

Музей хранит архивы пушкинистов — М. А. и Т. Г. Цявловских, Н. М. Волович, С. Т. Овчинниковой. Публикации музейных материалов несомненно внесли свой вклад в пушкиноведение, в изучение отечественной культуры. А. И. Фрумкиной принадлежит честь открытия автографа Пушкина (до предпринятого ею изучения хранящегося в рукописном кабинете музея рееста книг, взятых Пушкиным из Полотняного Завода, о том, что в том документе несколько строк начертаны его рукой, никто не знал). Благодаря исследованию С. Н. Тихомировой музей, пушкиноведение обогатились книгой из библиотеки поэта — «Баладами» Жуковского с его дарственной надписью Пушкину. Многие автографы, письма, документы введены в научный оборот в статьях Н. М. Волович, З. А. Бонами, Г. Г. Курочкиной-Светлово, Е. А. Пономаревой, Н. Г. Винокур, М. Ф. Уманцевой и других сотрудников музея.

В 1988 г. был издан подготовленный О. В. Асниной, Ю. Ю. Гречиховой, С. Н. Тихомировой аннотированный каталог «Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина». В 1998 г. начато многотомное издание «Материалов к летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» — картотек М. А. и Т. Г. Цявловских (подготовка текста Е. В. Гарбер).

Разумеется, научные исследования сотрудников музея, связанные, в частности, с изучением темы «Пушкин и Москва», невозможны без занятий в архивах Москвы, Петербурга, других городов. Так, автор этих строк опубликовала хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому, некоторые стихотворные тексты «Парнасского отца» великого поэта — эти публикации будут использованы во время работы над созданием экспозиции в доме В. Л. Пушкина на Старой Басманной.

В московском музее Пушкина на научных конференциях и заседаниях выступали и выступают известные архивисты, исследователи архивных фондов. Одним из учителей музея был выдающийся собиратель, исследователь и публикатор архивных материалов И. С. Зильберштейн. Благодаря его подвижническому труду музей получил в дар ценнейшие парижские материалы. В музейных залах звучали увлекательные рассказы члена ученого совета музея Н. Я. Эйдельмана — писателя, историка, пушкиниста, труды которого пронизывает пафос архивного документа. В музее начинали свой путь пушкинистов И. М. Ободовская и М. А. Дементьев. И именно в музее сообщили они впервые при большом стечении публики о своей находке в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) — писем Пушкина к Д. Н. Гончарову. Зарубежная архивная Пушкиниана была представлена в докладах И. Н. Бочарова и Ю. И. Глушаковой, Н. П. Прожогина, В. М. Фридкина. О материалах в московских архивах речь шла в выступлениях Н. Б. Волковой, Н. В. Снитко, С. Р. Долговой, Н. Ю. Болотиной, С. В. Шумихина. Дня дружба связывает музей с известным москвоведом С. К. Ромнюком, архивные изыскания которого чрезвычайно значимы для изучения московской пушкинской темы.

Многолетнее сотрудничество музея с архивами сказалось и в выставочной работе: в музее экспонировались выставки материалов из РГАЛИ и РГАДА, вызвавшие большой интерес.

В 1999 г., в год 200-летнего пушкинского юбилея, в Государственном музее А. С. Пушкина была открыта выставка «А. С. Пушкин в московских архивах». В ней приняли участие Государственный архив Российской Федерации, РГАДА, РГАЛИ, Российский государственный военно-исторический архив, Центральный исторический архив Москвы, Российский государственный архив

фонодокументов, Российский государственный архив кинофото-документов, Центральный государственный архив Московской области. Посетители выставки впервые увидели сто пятьдесят архивных документов, доступных лишь специалистам. Среди них — автографы Пушкина, его рисунок — портрет Н. Н. Гончаровой, письма к Пушкину. Среди них — редчайшие материалы, связанные с историей рода Пушкиных-Ганнибалов.

На выставке экспонировались такие драгоценности, как дневник А. Олениной, альбом З. Волконской, тетрадь И. И. Пушина. Вызывали интерес и материалы, рассказывающие о Пушкине в культуре второй половины XIX—XX вв. Выставка явилась событием в научной и культурной жизни Москвы.

Сотрудничество Государственного музея А. С. Пушкина с архивами будет продолжено. Архивные публикации последних лет дают основание надеяться, а иногда и прогнозировать появление новых открытий и, быть может, «открытий чудных».

*С. О. Шмидт,
председатель
Археографической комиссии
РАН, академик РАО*

А. С. ПУШКИН И АРХИВЫ

Тема «Пушкин и архивы» многоаспектна: архивы в жизни и творчестве Пушкина, Пушкиниана в истории архивов, пушкиноведческая тематика и архивная наука — два взаимосвязанных комплекса проблем.

Архивы в жизни и творчестве Пушкина — это и представление Пушкина об архивах и архивистах: архивы как хранилища исторических документов; и средоточие работы по выявлению, описанию, изданию, изучению письменных исторических источников; и работа самого Пушкина в архивах при подготовке трудов по истории времени Петра Великого и восстания под предводительством Пугачева; и обращение к документам прошлого в связи с современной служебной документацией как чиновника Коллегии иностранных дел; и взаимоотношения Пушкина с чиновни-

ками архивов, и особо — с причастными к деятельности Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД) «архивными юношами», с учеными, изучающими архивные материалы; и понимание Пушкиным историко-культурного значения архивной документации.

Пушкиниана в истории архивов — это и собирание, выявление, изучение, публикация документальных памятников, помогающих познанию жизни и творчества Пушкина, а также и истории пушкиноведения, которое стало заметной сферой культуры на стыке наук (нескольких гуманитарных наук и их специальных дисциплин), литературы, искусств, книжного дела; это и значение такого рода многообразной деятельности сотрудников архивохранилищ (т. е. и собственно архивов, и музеев, и рукописных отделов библиотек, научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений) и пользователей их материалов для развития не только пушкиноведения, но и архивного дела, археографической культуры, изучения истории архивов.

Некоторые из отмеченных аспектов привлекли уже серьезное внимание и основательно изучены, прежде всего наиважнейший из них — работа самого Пушкина в архивах, изучение и использование им архивных документов. Это — предмет и монографического исследования (особенно Г. П. Блоком, И. Л. Фейнбергом и Р. В. Овчинниковым). Все больше трудов об отношениях Пушкина и «архивных юношей», о контактах Пушкина с историками, изучавшими архивные материалы в научных целях, о соображениях Пушкина в связи с введением в научный оборот новых материалов или, напротив, сожалении по поводу гибели важных для истории документальных свидетельств. Огромная работа проведена по выявлению автографов Пушкина и данных об их судьбе, местонахождении. Постоянно обнаруживаются новые архивные материалы, используемые при изучении жизни и творчества Пушкина, а также истории пушкиноведения. Гораздо менее освещенной остается проблема «Пушкинская тема в развитии архивной мысли».

Вне сомнений то, что следует подготовить серьезный обзор литературы по теме «Пушкин и архивы». Но задача данной статьи — постановка вопросов, относящихся прежде всего к недостаточно еще изученным аспектам этой проблематики с целью вызвать больший интерес к конкретным исследованиям подобной направленности.

* * *

Понятие об употреблении Пушкиным слова «архив» и производных от него получаем ознакомившись со «Словарем языка Пушкина»¹.

Пушкин мог с ранних лет усвоить представление об архиве не только как о хранилище исторических документов, но и как об учреждении, где служат знакомые и родственники. С детства у Пушкина сложилось понимание того, что ценные исторические документы хранятся и в личных архивах: в аристократической среде, к которой Пушкин принадлежал по рождению и воспитанию, высоко ценили письменные свидетельства старинного родословия и роли предков в заметных исторических событиях. Осведомлен Пушкин был и о том, что в архивы приходится обращаться для выявления недавней и оформления современной документации (к документам о границах и размерах земельных владений, праве наследования и пр.).

После запрещения Павлом I зачисления на службу с раннего детства в гвардейские полки юных аристократов стали записывать на службу в МАКИД, где они не получали жалованья, но поднимались по лестнице чинов. Там были гнездовья аристократических отпрысков (это ярко и саркастически описано в мемуарах Ф. Ф. Вигеля и теперь детально изучено С. Р. Долговой, и особенно С. В. Чирковым)². Туда пытались устраивать и тех достигших совершеннолетия аристократов, которые не имели намерения становиться офицерами. (Об этом упоминание в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: в МАКИД устроил было своего сына Николая граф Ростов, но юноша предпочел, следуя примеру своего друга Б. Друбецкого, военную службу.) О такого рода молодых служащих МАКИД напомнил и Пушкин в неоконченной повести «Рославлев», изображающей события кануна войны 1812 г.: брат дамы, от лица которой ведется рассказ, «двадцатидвухлетний малый», по ее словам, из «сословия тогдашних франтов», «считался в Иностранной коллегии и жил в Москве, танцуя и повесничая»³. МАКИД и его служащие, разговоры об этом — среди ранних впечатлений московской жизни Пушкина: там ранее служил переводчиком М. М. Сонцов, ставший мужем его тетки Елизаветы; лица круга его дяди Василия Львовича тоже начинали службу в МАКИД. Семья Пушкиных имела близкое знакомство с семьей Малиновских, а А. Ф. Малиновский был одним из руководителей МАКИД; затем и его начальником. (Супруга его будет на свадьбе Пушкиных посаженной матерью со стороны невесты.) Брат его, видный дипломат и литератор В. Ф. Малиновский, — первый директор Царскосельского лицея, в семье которого лицеисты проводили немало времени (тем более что сын директора Иван тоже был лицеистом пушкинского курса). Сыном чиновника архива был и другой лицейский товарищ Пушкина — М. Л. Яковлев, в 1830-е гг. «староста лицейский», хранитель архива лицейской жизни; у него на дому праздновались лицейские годовщины.

Еще в лицейские годы Пушкин сближается с участниками кружка «Арзамас», введенными его в «большую литературу» и в круг виднейших тогда литераторов — многие из «арзамасцев» в юные годы числились по МАКИД: братья А. И. и Н. И. Тургеневы, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, Ф. Ф. Вигель, С. П. Жихарев, даже генерал М. Ф. Орлов. В МАКИД началась служебная карьера и гусара, героя войны П. П. Каверина, которым Пушкин восхищается в конце 1810-х годов. Пушкин убеждается в том, какие это высокообразованные люди и как часто мысль их обращается к явлениям и древней, и недавней российской истории. Когда вышли сразу первые восемь томов труда Н. М. Карамзина «История государства Российского», люди круга Пушкина высоко оценили и огромное значение «Примечаний» — Пушкин писал позднее: «Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылается на источники» — чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека⁴. Значительная часть примечаний — либо цитаты из архивных источников, либо указания на них.

Думается, что лишь тогда Пушкин смог по-настоящему оценить научные труды А. Ф. Малиновского⁵ и его сотрудников, и «ученой дружины» Н. П. Румянцева⁶, собиравшей и изучавшей рукописи. Тем более, что уважение к МАКИД стремился воспитать в общественном мнении и Карамзин — в «Записке о московских достопамятностях», составленной в 1817 г. «для некоторой Особы, ехавшей в Москву» (т. е. для персоны императорской фамилии), читаем: «...говоря о Москве, забудет ли историограф то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII? Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе. Его начальники, от независимого Миллера до А. Ф. Малиновского, с величайшею ревностью, с неописанным трудом привели все бумаги в наилучший порядок, коему удивлялся император Иосиф, сказав: «Я прислал бы сюда наших венских архивистов»⁷.

Осенью 1826 г., очутившись снова в Москве, возвращенный из ссылки Пушкин сближается с участниками философско-литературного кружка — «Общество любомудрия». Большинство из этих молодых людей — служащие МАКИД, как и С. А. Соболевский, в квартире которого он поселился. Именно для характеристики их Пушкин употребляет в «Евгении Онегине» придуманное острословом Соболевским словечко «архивны юноши» (это понятие относится только к ним, а не вообще ко всем отпрыскам московской аристократии, причастным к службе в МАКИД, со злобою и завистью изображенным тогда же Булгариним в романе «Иван Выжигин»⁸.) О таких философствующих эрудитах Пушкин писал (правда, не без иронии) и в прозаических набросках, изо-

бражающих события уже конца 1820-х гг.: «Эти люди одарены убийственной памятью, все знают и все читали, и стоит их только тронуть пальцем, чтобы из них полилась всемирная ученость»⁹. Эти слова, как установлено, относятся к В. П. Титову, в 1823—1828 гг. чиновнику МАКИД, впоследствии видному дипломату и председателю императорской Археографической комиссии¹⁰.

Для Пушкина 1820-х—1830-х гг. архивы — это воплощение истории. Характеризуя значение появления в XVIII в. «философов-историков» (именно так называл себя Карамзин), Пушкин находит показательную формулировку: «Вольтер первый пошел по новой дороге и внес светильник философии в темные *архивы истории*» (курсив мой. — С. Ш.)¹¹. Архивы, в понимании Пушкина, не только государственные хранилища исторических источников, но и письменные документы личных архивов («архивы роя», «разобрал всю родословную героя»)¹².

Можно утверждать, что Пушкин быстро обретал навыки работы с архивными документами. Быть может, помогало, и то, что в программу обучения лицеистов входило ознакомление с документами современного делопроизводства тех лет. В 1816 г. директору Лицея (тогда уже Е. А. Энгельгардту, сменившему скончавшегося В. Ф. Малиновского) разрешили, по его просьбе, выдать «дипломатические бумаги старых лет для приучения воспитанников к составлению из оных выписок».

Архивная документация оплодотворяла и его литературное творчество, находила отражение в художественных произведениях: самый очевидный и широко известный пример — «История Пугачева» и «Капитанская дочка». И показательно то, что сочинение, опубликованное под заглавием «История Пугачевского бунта» в 1834 г., имело две части, из которых вторую составили приложения — документы, извлеченные из архивов.

Известны высказывания Пушкина о ценности неопубликованных документов, особенно если они связаны с выдающимися событиями и знаменитыми людьми. Наиболее часто обращаются к словам из статьи «Вольтер». «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения — предмет наших изучений и восторгов»¹³.

Пушкин понимал значение мемуаров, сетовал, если узнавал об их гибели. В дневниковой записи от декабря 1833 г. — сожаление об утрате мемуаров российских императриц: «Государыня (т. е. супруга Николая I Александра Федоровна. — С. Ш.) пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алек-

с[еевна] писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Фед[оровна] также. — Государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елис[авета] хотела завещать свои Записки Карамзину (слыш[ал] от Кат[ерины] Андр[еевны] (супруги Н. М. Карамзина. — С. Ш.))¹⁴. Пушкин прилагал много усилий к тому, чтобы опубликовать карамзинскую «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», и счел необходимым назвать в статье «О Татищеве» и те его сочинения, которые «пропали, но важны по предметам своим». (Правда, принадлежность Пушкину этой статьи, известной лишь в писарской копии, не доказана, но ее включают в издания пушкинских сочинений.) Небезлюбопытны в плане архивно-источниковедческой тематики и замечания Пушкина об обычае оставлять записи (в «Истории села Горюхина») на календарях и вообще на документации, отражающей повседневный обиход.

Пушкин побуждал к написанию воспоминаний друга своего П. В. Нащокина, продиктовав ему в 1830 г. начало этих «Записок»; в 1836 г. он подарил актеру М. С. Щепкину тетрадь для будущих «Записок» и вписал в нее начальные строки, чтобы тем заставить Щепкина продолжать их¹⁵. Пушкин неумоимо расспрашивал стариков, причастных к придворной жизни XVIII в., о событиях тех лет, о дворцовых переворотах (и дочь княгини Е. Р. Дашковой в Москве, и старуху Н. К. Загряжскую — дочь графа К. Г. Разумовского в Петербурге) и старался сохранить память об этом в своем дневнике или в «Table-talk».

Вероятно, не только на печатное слово, но и на «изустные предания», а возможно, и архивные разыскания, опирался Пушкин, напоминая о событиях прошлого столетия в беседах на дипломатических раутах. Так, незадолго до гибели Пушкина 6 января 1837 г. был «восхитительный вечер» у австрийского посла Фикельмона (жена его — внучка полководца Кутузова), о котором сообщает в письме А. И. Тургенев: «Там образовался маленький кружок, состоявший из послов Франции и Пруссии, Пушкина, П. А. Вяземского и автора письма: «Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса... Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины...»¹⁶. Записывал в свой дневник Пушкин и рассказанное иностранными дипломатами: там и запись испанского посланника — свидетеля переворота Наполеона Бонапарта 18 брюмера. Дневниковые записи можно рассматривать как заготовки для мемуаров. В беседе с А. Н. Вульфом в 1827 г. Пушкин говорил о своем намерении написать историю не только времени Петра I, но и совсем недавнего, причем «Александрову — пером Курбского», то есть в духе его «Истории о великом князе Московском», и утверждал: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас сослаться. Теперь уже можно писать и

царствование Николая, и об 14-м декабря»¹⁷. Стремился Пушкин и «организовать» источники — записать то, что помнили современники Пугачева; старался встретиться с ними во время поездки в Оренбургский край, расспросить их родственников, знакомых (сохранились записанные Пушкиным устные рассказы, предания, песни). Таким образом, Пушкин оказывается и среди предтеч тех, кто обосновывал важное значение «устной истории».

Эти наблюдения в сопоставлении с другими данными позволяют признать тему «Пушкин и архивная мысль» имеющей самостоятельный исследовательский интерес.

То же, думается, можно утверждать и о теме «Пушкиниана в истории архивов». Установлено, что среди русской литературы, посвященной великим русским писателям, Пушкиниана — и самая обильная, и самая многообразная по проблематике. Значительная часть ее основывается на архивных материалах или является публикацией архивных документов. И именно обращение к изучению жизни и творчества Пушкина продемонстрировало новые возможности использования и сопоставительного изучения документов и из центральных и из местных архивов, из фондов и учреждений, и общественных объединений, из личных архивов, ставших личными фондами государственных хранилищ, и из находящихся в частном владении. А желание сохранить память о Пушкине побудило П. И. Бартенева еще полтора столетия назад выработать систему организации воспоминаний — он сам и записывал воспоминания о Пушкине или обращался с просьбой написать такие воспоминания, и публиковал эти материалы, прежде всего в основанном им журнале «Русский архив». Но не все и не полностью, а только то, что казалось ему «правдою», иногда давал на просмотр близкому знакомому Пушкина С. А. Соболевскому, знатоку исторических источников той поры М. Н. Лонгинову. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым» изданы в 1925 г. М. А. Цявловским. Материалы эти использованы в составленной А. М. Гординым книге «П. И. Бартенев. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников», изданной в 1992 г. Книгу предваряет статья «П. И. Бартенев — биограф Пушкина». Об этой деятельности Бартенева много подробностей в главе «Старейший из русских пушкиноведов» в книге А. Д. Зайцева «Петр Иванович Бартенев», вышедшей в 1989 г. Труд Зайцева переиздается в выходящей в 2000 г. книге избранных работ скончавшегося в 1997 г. историка.

Применительно к освоению творческого наследия Пушкина огромное значение архивных материалов для обогащения нашей культуры особенно очевидно — большой массив сочиненного Пушкиным оставался не только ненапечатанным, но и неизвестным даже близким ему людям. Среди неопубликованного при жизни и ранние вольнолюбивые стихи, и стихи самого последнего

периода, и такие объемные произведения, как «Медный всадник» и «Дубровский», не говоря уже о множестве фрагментов незавершенных сочинений, записей для себя. Естественно, что неопубликованными оставались и все автографы Пушкина, так сказать, делового назначения.

И лишь по прошествии 50 лет со дня кончины, когда стало возможным обратиться ко всему письменному его наследию, выяснилось, какого грандиозного масштаба и мыслителем, и моралистом, и политологом был Пушкин, и хотя он и величайший русский поэт, только поэтом называть его несправедливо. Многообразием литературных жанров и тематики, вызывавшей его интерес, Пушкин не уступал первому писателю России предшествовавшего периода Карамзину. Обращение к архивным материалам, прежде всего к написанному рукою самого Пушкина, позволило восстановить искаженное при печатании цензурой (и автоцензурой тоже). Все это обусловило возможность начала работы над действительно полным академического типа собранием сочинений Пушкина.

Подготовка изданий сочинений Пушкина, обращение к его творческой лаборатории стали школой формирования отечественной текстологии и выработки системы комментариев — языковедческих, литературоведческих, исторических. А изданный в канун Пушкинского юбилея в 1935 г. пробный том Полного собрания сочинений А. С. Пушкина — том седьмой «Драматические сочинения», можно признать эталоном археографической культуры второй четверти XX в. Том этот, увы, вызвал неудовольствие Сталина, и последующие тома выходили лишь с краткими текстологическими комментариями¹⁸. В архивных фондах (и Пушкинского Дома, и издательства, и в личных фондах пушкинистов) имеются ценные материалы о подготовке еще нескольких томов по такому образцу. Некоторые из них опубликованы в книге избранных трудов М. А. Цявловского в 1962 г. К архиву академического издания сочинений Пушкина за 1930-е гг. обращаются и при подготовке современного Полного собрания сочинений, приуроченного уже к 200-летию со дня рождения Пушкина. Очень интересны и в то же время слабо изучены материалы личных архивов пушкинистов тех лет: там и соображения (с обоснованием или предварительного порядка) оригинального характера о творчестве Пушкина, о его биографии и о лицах его окружения, об источниках (мемуарах, публицистических, художественных, научных сочинениях, актах государственной власти), важных для познания пушкинской эпохи. (Некоторые из такого рода архивных документов использованы и в моей статье «Г. О. Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова»¹⁹.) Немало дает обращение к наследию Ю. Г. Оксмана.

Вероятно, нет в истории русских гуманитарных наук другого примера такого сближения наук филологических и исторических. И дело не только в том, что и историки много писали о Пушкине (от В. О. Ключевского до Н. Я. Эйдельмана и наших современников). Литературоведы, комментируя сочинения Пушкина, изучая его биографию, неизменно обращались к методике работы историков и существенно обогащали ее (самый известный, пожалуй, и блистательный пример — труды Ю. М. Лотмана).

Пушкинская тема имела (пока еще недостаточно оцененное) значение и собственно для исторической науки. Вследствие этого не замирала такая научная дисциплина, как генеалогия (хотя при другой тематике штудии о генеалогии дворянства XVIII—XIX вв. признавались в лучшем случае неактуальными). Выявлялись и систематизировались данные по истории аристократии первой трети XIX в., и не только той ее части, которая придерживалась свободололюбивых воззрений (декабристы и так называемые «декабристы без декабря»). Об аристократах — современниках графа Л. Н. Толстого, при многообразной литературе, ему посвященной, мы знаем гораздо меньше, чем о современниках Пушкина и Лермонтова. Так как эти великие писатели жили в среде аристократии, а Л. Толстой, хотя и изображал повседневный обиход жизни петербургской и московской аристократии (и не только в «Войне и мире» о начале XIX в. по историческим преданиям и печатным материалам, но и о современной ему: в «Анне Карениной» и «Воскресении»), но жил в имении, и лица эти не принадлежали к тем, которые могли бы заинтересовать биографа великого писателя. А. А. Ахматова глубоко права, утверждая, что лишь благодаря Пушкину такие сановные и богатые люди, перед многими из которых трепетали современники, остались в истории, сейчас нам они интересны прежде всего их взаимоотношениями с Пушкиным, униженным тогда, по сравнению с ними, камер-юнкерским званием не по возрасту. (Напомним, что за камер-юнкера тогда приняли двадцатитрехлетнего Чацкого из «Горя от ума».) А «рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там проявляется магическое слово „Пушкин”»²⁰.

Это позволило сохранять и изучать и произведения изобразительного искусства (в частности портретные миниатюры и акварели), совершенствовать искусство атрибутирования предметов повседневного барского обихода. Как много дает для изучения этого мира аристократии недавно изданный «Итинерарий» знаковых Пушкина, подготовленный М. А. и Т. Г. Цявловскими²¹, книга Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», многочисленные исследования и популярные очерки о знакомствах Пушкина! Это удерживало и уважительный интерес к собиранию и изучению рукописных альбомов, домашних зарисовок той эпохи.

Несомненно очень велико значение личных фондов пушкинистов. Без обращения к ним нельзя написать историю пушкиноведения и определить его место в развитии науки, в сохранении науки, в сохранении культурных традиций. И очень отраднo, что все больше стали издавать неопубликованные при жизни труды пушкинистов — началось издание Картотеки «Материалов к летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» за 1826—1837 г. — незавершенного коллективного труда, начатого по инициативе М. А. Цявловского и под его руководством. На очереди издание других неопубликованных трудов Цявловского. Готовится издание трудов Г. О. Винокура. Много важного для пушкиноведов и в переписке, дневниковых записях, документах издательского делопроизводства, в архивах, где отложились протоколы научных и редакционных заседаний. Именно такие документы показывают руководящую организационную роль Л. Б. Каменева в подготовке юбилея и особенно юбилейных изданий²². Он, даже арестованный после убийства С. М. Кирова, но первоначально сосланный в Сибирь, работал в 1935 г. над жизнеописанием Пушкина. Полезно было бы подготовить книгу «Обзор архивного наследия пушкинистов».

А каким кладезем являются архивы для узнавания того, кем был Пушкин для россиян — и для его младших современников, и для последующих поколений, вплоть до наших дней! Здесь обнаруживаем написанное не для публикации, иногда предназначенное лишь самым близким людям, запечатленное в дневнике.

Из письма художника В. Д. Поленова сестре узнаем, каким светлым для него был Пушкинский праздник в Москве в июне 1880 г.: «Праздник был такой возвышенный, примирительный и вместе глубоко гражданский, что нельзя было не порадоваться», а из письма Ф. М. Достоевского жене сразу после произнесения им знаменитой речи — об экзальтации публики, вызванной этим выступлением²³. Из дневника студента С. И. Вавилова (будущего академика-физика и президента Академии наук) о его преклонении перед Пушкиным: «Пушкину я верю, Пушкина я люблю ...его фразы стали законом», о посещении им Святых гор, Михайловского, Тригорского²⁴. Показательно признание выдающегося историка академика М. М. Богословского. У него были дружеские отношения с академиком С. Ф. Платоновым, он останавливался в его квартире, приезжая в Петроград (так же, как Платонов в московской квартире Богословского). 3 марта 1924 г. он пишет Платонову из Москвы: «С каждым годом жизни все более и более люблю Пушкина и все Пушкинское. Отдыхая у Вас, с величайшим наслаждением перечитал некоторые его стихи, находя в них все новые и новые красоты, прежде незамеченные, потому ли, что их пропускаешь случайно, или потому, что для

каждого возраста в нем открываются свои красоты, незаметные для возраста более молодого»²⁵. Или написанное замечательным московским школьным учителем словесности И. И. Зеленцовым завещательное письмо с просьбой прочитать у его гроба «Вакхическую песню» Пушкина и посвященное памяти Пушкина стихотворение А. В. Кольцова «Лес». Подготовленный учениками и издаваемый к 50-летию со дня его кончины сборник имеет заголовок «Ты, солнце святое, гори. Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове», а эпиграфом сборника выбрали фразу из письма его девятикласснице: «Пусть солнце Пушкина осветит твой жизненный путь!». Выявление подобных свидетельств — одна из задач архивистов.

Плодотворные творческие взаимовлияния и воздействия архивной науки и пушкиноведения очевидны. Знания такого рода обогащают наши представления и о проблеме «Архивы в культуре России».

Примечания

1. Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 50.
2. Чирков С. В. Хохловский переулочек, 7 // У Покровских ворот. М., 1997, глава «Дедушка русских архивов»; Долгова С. Р. Архивны юноши // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 214—228.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Л., 1978. Т. VI. С. 132.
4. Пушкин А. С. Там же. Т. VIII. С. 50.
5. Долгова С. Р. Алексей Федорович Малиновский. Обзорение Москвы. / Сост. С. Р. Долгова. М., 1992. С. 176—229.
6. См.: Козлов В. П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999.
7. Карамзин Н. М. Записка о московских достопамятностях // Наше наследие. 1991, № 6. С. 43. Подг. к печ. В. Ю. Афиани.
8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 332—333.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. VI. С. 549.
10. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 435—436.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. X. С. 76.
12. Пушкин А. С. Там же. Т. IV. С. 248.
13. Пушкин А. С. Там же. Т. IV. С. 280—281.
14. Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 30.
15. Черейский Л. А. Указ. соч. С. 286, 507.
16. Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. Сост. В. В. Кунин. М., 1988. С. 406.
17. Пушкин в воспоминаниях современников. Первый том, СПб., 1988, С. 423.
18. Бонди С. М. Об академическом издании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2.
19. Новое литературное обозрение. 1997. № 3. С. 65—77. Переиздано в кн.: Винокур Г. О. Собрание трудов. Комментарии к „Борису Годунову“ А. С. Пушкина. М., 1999. С. 6—35.

20. Ахматова А. А. О Пушкине. Статьи и заметки. Л., 1977. С. 6.

21. Материалы к летописи жизни и творчества А. С. Пушкина. 1826—1837. Картотеки М. А. и Т. Г. Цявловских. Т. 1. Картотека итинерариев лиц ближайшего пушкинского окружения. М., 1998. Эту первую книгу трехтомного издания предваряют статьи С. О. Шмидта «Классика отечественной археографии», Н. И. Михайловой «Пушкинисты Мстислав Александрович и Татьяна Григорьевна Цявловские»; Е. В. Гарбер «Судьба незавершенного труда: работа М. А. и Т. Г. Цявловских над «Летописью жизни и творчества А. С. Пушкина».

22. См. об этом в вышедшей позднее статье: Крылов В. В. Л. Б. Каменев — директор Пушкинского Дома (Штрихи к портрету) // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. 2000. С. 447—450.

23. Цит. по: Шмидт С. О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 года // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 366, 372.

24. Шмидт С. О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 108.

25. ОР РНБ Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 2324. Л. 6 об.

*Т. И. Краснобородько,
ученый хранитель рукописей
А. С. Пушкина ИРЛИ РАН,
к. ф. н.*

ФАКСИМИЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ РУКОПИСЕЙ А. С. ПУШКИНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В 1994 г. между Пушкинским Домом Российской Академии наук и Форумом лидеров бизнеса под эгидой Принца Уэльского был заключен договор о факсимильном издании рабочих тетрадей Пушкина. В конце 1997 г. работа над изданием была завершена: вышел восьмой (последний) том¹. Масштаб проекта беспрецедентен: впервые воспроизведена самая ценная часть пушкинского наследия — 18 рабочих тетрадей, которые объединяют более 2000 рукописных страниц. Исключительна и организационная сторона проекта. Ему оказали финансовую поддержку представители английского королевского дома и лидеры европейского бизнеса. Над изданием рукописей Пушкина, которые сохраняются в Пушкинском Доме как реликвия общенационального значения, работали пушкинисты из Петербурга, издатели из Кембриджа, поли-

графисты из издательства «Compositori» в Болонье. Потому сегодня важно проследить творческую предысторию этого большого проекта, так как ему предшествовали другие замыслы: все они более или менее успешно начинались, все они — силою обстоятельств — не были завершены, но несмотря ни на что сама идея полного издания автографов Пушкина наследовалась, она осознавалась и утверждалась как неизбежность и — рано или поздно — была обречена на осуществление.

Пушкин сам предугадал судьбу своего рукописного наследия. Написав однажды: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» (XII, 75)², он предопределил по существу и тесно связанные между собой аспекты нашего последующего восприятия этого наследия — как «предмета изучений и восторгов». Устами героя элегии «Андрей Шенье» он говорил о рукописях поэта:

...тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный (II, 399).

Думаю, что научные факсимильные издания рукописей как раз и находятся именно в той точке, где пересекаются эти, прочерченные Пушкиным, направления — научное, мемориальное, консервативное.

С выходом полного собрания рабочих тетрадей поэта осуществляется мечта нескольких поколений архивных хранителей. Это издание прямо решает проблему сохранности пушкинских подлинников, которая с годами становится все более и более актуальной. Рукописи необходимо надежно хранить. Но этого все же недостаточно. Невостребованные, они мертвы, даже в самых защищенных хранилищах. Рукописи живы, пока их читают и изучают. Это бесспорно, как бесспорно и то, что они стареют не только от времени, но и от частого обращения к ним. Потому издание рукописи факсимиле, наиболее близкое к оригиналу, становится лучшей страховой копией уникального документа и к тому же открывает возможности его распространения «без границ» — в самом строгом значении этого слова.

По-хранительски эмоционально и категорично говорил об этом еще в начале века первый хранитель рукописей А. Ф. Онегин, который создал в Париже Пушкинский музей с богатейшим рукописным собранием. В октябре 1905 г. он писал известному русскому юристу А. Ф. Кони: «Я давно ратую (более или менее безуспешно!) за полное воспроизведение таким образом (т. е. фототипически.— Т. К.) всех рукописей Пушкина, чтобы к ним под предлогом новых редакций и не прикасались бы, не говоря

уже о возможности полного исчезновения при пожаре не только от огня, но и от воды, которой заливают огонь, как это уже случилось на Руси, — как это и везде может случиться»³.

Суждение Онегина было связано с конкретным поводом: в 1901 г. А. де Бионкур и Л. Бельский впервые полностью воспроизвели две пушкинские рукописи «Скупого рыцаря». Л. Бельский определял безусловное просветительское, научное, охранное значение, которое имеют факсимильные воспроизведения, сохраняющие рукописи «в точной передаче»: «Они удовлетворяют весьма понятной любознательности ко всему, что имеет непосредственное отношение к личности замечательного писателя, давая возможность приобретать точные копии его произведений и распространяя их в большом количестве экземпляров. Они облегчают изучение рукописей писателя, избавляя от необходимости заниматься рукописями только на месте их хранения. Они позволяют большему кругу лиц проверять печатные издания, весьма часто не сходные между собою и не близкие к оригиналам. Наконец, такие издания могут заменять оригиналы рукописей в случае гибели или утраты последних. Приведем в пример гибель рукописи «Слова о полку Игореве» во время пожара Москвы. Хотя с нее и было сделано печатное издание, но, как известно, оно нас не удовлетворяет, и имей мы facsimile этой рукописи, изучение «Слова» было бы гораздо плодотворнее»⁴.

Судя по всему, у А. де Бионкур и Л. Бельского не было выработано какого-либо определенного плана. Продолжение своего предприятия они ставили в зависимость от «благосклонного приема» публики, но прекратилось оно на втором выпуске, скорее всего, по более основательным и объективным причинам: факсимильное издание рукописных текстов — занятие медленное, трудоемкое и чрезвычайно дорогостоящее. Не случайно поэтому, что первый широкомасштабный проект такого рода (впрочем, как и последний тоже) возник под августейшим покровительством. В начале XX в. роль издателя пушкинского рукописного наследия принял на себя князь Олег Константинович — сын великого князя Константина Константиновича, президента Императорской Академии наук и поэта «К. Р.». Князь Олег первым в истории дома Романовых получил образование в гражданском учебном заведении: правнук Николая I стал воспитанником Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея. Замысел 19-летнего «пушкинианца» отличался поистине великокняжеским размахом, фундаментальностью и издательским максимализмом. На собственные средства он предполагал издать все автографы Пушкина: и те, что хранились в государственных учреждениях, и те, что находились тогда у частных лиц⁵.

В 1911 г., к 100-летию Лицея, появился первый выпуск издания. Он включал семнадцать стихотворных произведений из собрания лицейского пушкинского музея. Среди них — беловая рукопись «Кавказского пленника» с рисунками Пушкина, «Воспоминания в Царском Селе», «19 октября (1825)», «Пирующие студенты», послания «К Дельвигу», лицейские строфы «Евгения Онегина». Автографы всех этих творческих произведений оказались по преимуществу беловыми, без сложных творческих «лесов», характерных для пушкинских черновики. Поэтому августейший издатель мог сосредоточить все свое внимание на том, чтобы добиться полной иллюзии подлинности. Рукописи даже воспроизводились на бумаге, аналогичной пушкинской — по фактуре, цвету, качеству, обрезу.

Первый выпуск получился изысканным, эффектным и породил большие ожидания. «Осуществляется план как бы изъятия пушкинских рукописей из крепко-накрепко замкнутых музейных витрин и библиотечных шкафов, доступ к которым возможен лишь полноправным членам «ордена пушкинианцев», а не простым смертным»⁶, — писал В. М. Андерсон, соиздатель журнала «Русский библиофил». К сожалению, следующему выпуску не суждено было увидеть свет: практически законченная работа над рукописями прозы из лицейского собрания не была отпечатана. Князь Олег погиб на войне в сентябре 1914 года. «Нет сомнения — он был образцовым издателем»⁷, — писал в некрологе о нем известный пушкинист П. Е. Щеголев. К суждению Щеголева стоит отнестись с должным доверием: он наставлял князя Олега Константиновича на этом поприще. Несмотря на то что полное факсимильное издание пушкинских рукописей, задуманное в начале века, не состоялось, в нем бесконфликтно соединились — и это важно отметить — два трудолюбивых отношения к Пушкину: великокняжеское и демократическое. Профессиональный пушкинист Щеголев, крестьянин по происхождению, историк русского освободительного движения, незадолго перед тем освобожденный из тюремного заключения, поддерживал начинающего августейшего издателя. Его сотрудничество с князем Олегом было, как вспоминал другой известный пушкинист Н. В. Измайлов, одновременно и проявлением «широкой и свободной по своим воззрениям натуры», готовой «поддержать всякое начинание на пользу пушкиноведения, откуда оно ни шло»⁸, и проявлением принципиальной позиции исследователя.

Фронтальное обследование пушкинских рукописей было для П. Е. Щеголева вопросом метода. «Ни одно исследование, биографическое и критическое, — писал он, — не может быть оправдано, если оно оставило без внимания соответствующие теме черновики. Можно утверждать, что ежели бы с самого начала

была выполнена задача исчерпывающего изучения рукописей поэта, то история жизни и творчества Пушкина была бы свободна от массы догадок, предположений, рассуждений, а критики и биографы сохранили бы свою энергию и духовные силы, которые пошли на всевозможные измышления и толкования в области пушкиноведения»⁹. Приведенная цитата взята из большой работы Щеголева «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», которая, как известно, была посвящена частному вопросу — предмету «утаенной» северной любви Пушкина. Гипотеза Щеголева (он назвал имя М. Н. Раевской) была основана на строгом и последовательном применении заявленного им метода при анализе черновых вариантов «Полтавы».

Публикация именно этой работы совпала по времени с изданием князя Олега Константиновича. Именно это исследование Щеголев писал в петербургской тюрьме «Кресты», где отбывал срок как редактор-издатель историко-революционного журнала «Былое». В тюремном заключении Щеголев страдал от невозможности работать с подлинниками пушкинских рукописей или — по крайней мере — с копиями высокого качества. Может быть, с той поры он стал убежденным пропагандистом идеи полного издания пушкинского автографического фонда и инициатором нескольких проектов в подобном роде. На мой взгляд, можно без преувеличения говорить о том, что П. Е. Щеголев был истинным первооткрывателем этого направления в пушкиноведении. Между тем его деятельность в этой области не то чтобы недостаточно оценена, о ней просто ничего неизвестно. Разрозненные документальные свидетельства об этом (по преимуществу эпистолярные) удалось разыскать в почти неизученных архивах князя Олега Константиновича, Б. Л. и Л. Б. Модзалевских, М. А. и Т. Г. Цявловских, самого Щеголева. Во-первых, эти документы проявляют скрытую энергию щеголевских замыслов; во-вторых, они живо отражают яркую, разнообразно одаренную и деятельную натуру Щеголева.

Возвратимся к тюремному эпизоду в его биографии. Осенью 1910 г. Щеголев работал над Пушкиным в петербургских «Крестах» (такое было возможно). В это время в академическую Комиссию по изданию сочинений Пушкина прислали из Московского Румянцевского музея оригиналы двух рабочих тетрадей Пушкина — именно тех, которые были необходимы Щеголеву. Узнав об этом, он немедленно написал Б. Л. Модзалевскому: «Известие о получении тетрадей привело меня в крайнее возбуждение, а потому всеми небесными силами молю Вас доверить мне их на самое кратчайшее время, ибо по фотографиям я их уже проштудировал основательно, но остались недоумения в карандаше, а кроме того надо видеть почерк, чернила и т. д.»¹⁰.

Не дожидаясь ответа, он на следующий день повторил свою мольбу — уже в стихотворной форме:

«Услышав про тетради,
Не мог я ночью спать.
Пришли оне так кстати,
Стремлюсь их изучать.
Без всякого сомненья
Доверьте их вы мне.
От строгого храненья
Здесь не уйдут оне.
Тюрьма ведь это тот же
Румянцевский Музей:
Пожалуй, только строже
Хранит она людей.
Комиссии желанья
Музеи исполняют,
Что нужно для издания,
Нередко высылают.
Тюрьма сему примеру,
Увы! — не подражает,
Жильцов своих на веру
Из стен не выпускает!

Ну, пожалуй, надо прекратить мерную речь. Убеждайтесь ею и, когда можно будет, доверьте мне рукописи Пушкина»¹¹. Просьба Щеголева не могла быть выполнена. Преодолев огорчение, он стал беспокоиться об изготовлении хороших копий с оригиналов: «Не спешите их отсылать, — писал он Б. Л. Модзалевскому, — а тем временем снимите с них фотографии. Как известно, карандаш выходит плохо на фотографии, и есть какие-то особые пластинки (употребляются при судебной экспертизе) для трудных рукописей и карандаша, позволяющие прочесть гораздо больше, чем читает невооруженный глаз. Кажется, они (пластинки) зовутся ортохроматические, а может быть, и не так: я не специалист по этой части. Примите только к сведению это сообщение»¹². Можно сказать, что советы и технические предложения «неспециалиста» Щеголева все же оказались осуществленными, но через 85 лет. В 1994 г. при подготовке полного издания рабочих тетрадей Пушкина «угасающие» карандашные тексты, едва различимые в подлиннике, в большинстве случаев удалось усилить, «проявить» с помощью «эктахроматических пластин» — и на современных факсимиле, таким образом, они видны иногда даже лучше, чем в оригинале. Не зная тогда о скрытых в архиве письмах Щеголева, мы по существу следовали его пожеланиям.

Как свидетельствуют другие архивные документы, и первый опыт фототипического издания одной из рабочих тетрадей Пушкина также оказался прямо связанным с именем П. Е. Щеголева. В апреле 1930 г. он изыскал «денежные возможности» для начала издания и в письме М. А. Цявловскому предлагал московским коллегам отобрать одну из восемнадцати пушкинских тетрадей — «не очень уж исчерпанную, обильную рисунками, богатую вариантами — вообще показательную»¹³. Так была выбрана одна из последних пушкинских тетрадей — Альбом 1833—1835 гг. (ПД 845). Это издание, хотя и состоялось через девять лет после смерти Щеголева, было осуществлено по предложенному им плану. Фототипическое воспроизведение тетради сопровождало еще два альбома — транскрипций и текстологических и историко-литературных комментариев. В связи с его выходом в 1940 г. М. А. Цявловский определял первоочередную задачу исследования пушкинских рукописей: «Только после того, как прихотливо заполненные Пушкиным его знаменитые черновые тетради будут изучены, подобно тому, как это сделано С. М. Бонди по отношению к Альбому 1833—1835 годов, рукописи Пушкина в своей главной и труднейшей части будут наконец действительно научно описаны»¹⁴. И. В. Измайлов был также убежден, что без такой предварительной работы по изучению истории заполнения тетрадей невозможно было начинать новое академическое издание сочинений Пушкина¹⁵.

Столь категоричные утверждения крупнейших текстологов-пушкинистов понятны. Повышенное внимание, которое со времен первого пушкинского биографа П. В. Анненкова уделяли «черновым» книгам Пушкина, объясняется тем центральным местом, которое занимают они в наследии поэта. Анненков называл их «мерилом всего нравственного бытия поэта» и писал, что «они указывают нам почти безостановочно состояние его духа и путь, который он избирал», и, представляя «самую верную картину его уединенного, кабинетного труда», дают «драгоценный материал для истории происхождения его поэм и стихотворений»¹⁶. Пушкинская тетрадь — не простое механическое соединение известного количества отдельных листов под одним переплетом, но сложный творческий и биографический сплав, который предполагает принципиально иную форму существования рукописного листа. Ее анализ всегда ставит перед пушкинистом серьезную текстологическую проблему — понять логику заполнения тетради, восстановить (в известной мере, гипотетически) тот порядок, в котором на протяжении нескольких лет заполнялись ее листы. Положение в этой области пушкиноведения изменилось только в последнее десятилетие.

Фронтальное обследование рабочих тетрадей практически за-

вершено в Отделе пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом). «Истории заполнения» тетрадей, написанные В. Б. Сандомирской, С. А. Фомичевым, Я. Л. Левкович, Р. В. Иезуитовой, Н. Н. Петруниной, заложили фундамент текстологического комментария нового академического издания Пушкина. Их конкретный, практический результат — осмысление (или переосмысление) текстологии отдельных произведений, иногда — их замыслов, пересмотр целого ряда общепринятых датировок и адресатов. Но восприятие этих специальных текстологических работ, в которых исследователь постоянно обращается к анализу палеографических данных (почерк, чернила, перо), рассматривает положение текстов на рукописном листе и их соотношение, было чрезвычайно затруднено без опоры на сам предмет анализа. Два тесно связанных между собой этапа одной работы — текстологическое изучение тетрадей и их факсимильное воспроизведение — оказались разорванными хронологически, и теперь 8-томное издание рукописей ликвидировало эту организационную ненормальность. Кроме того, оно становится и необходимым документальным сопровождением нового академического издания сочинений Пушкина и дает подготовленному читателю своеобразный инструмент проверки принятых текстологических решений, чтения особенно сложных черновики и т. п.

Но, играя эту по сути вспомогательную роль, факсимильное издание выполняет и вполне самостоятельную функцию. Ни одно, даже академическое издание, отражая все этапы работы над произведением, учитывая все варианты автографа, не в состоянии заменить его. Оно не может передать тот сложный характер пушкинской черновой страницы, которая всегда содержит большую информацию, чем текст в собрании сочинений, построенном по жанрово-хронологическому принципу. В полном собрании рабочих тетрадей тот же текст существует в «живом» творческом, биографическом, бытовом окружении, в котором он реально возникал.

«Стенограмма творческого процесса» Пушкина (именно так определял черновики поэта Б. В. Томашевский) включает в себя бесчисленные цифровые записи и краткие пометы дневникового характера, неоконченные фразы, адреса и анаграммы имен, списки лиц, вещей и покупок, подсчеты карточных проигрышей и написанных стихов. Они мелькают на полях тетрадных листов, нарушая внешний порядок страницы и, по-своему организуя ее, перебивают работу над произведением и неожиданно сочетаются с творческим автографом, отражая, наряду с ним, факты и события жизни Пушкина. Эти «нетворческие» записи, которые мы традиционно называем «рукою Пушкина» (после выхода книги с таким названием)¹⁷, составляют значительный массив

пушкинских текстов. Они недостаточно изучены, прежде всего потому, что не существует до сих пор их полного свода. В составе академического собрания сочинений 1937—1949 гг. был запланирован том «Литературные и биографические материалы», но он был исключен волевым решением издательства Академии наук, которое сочло пушкинские записи подобного рода «бессодержательными» и малоинтересными¹⁸. Далеко не все из них удалось спасти, распределив в разделах «Другие редакции и варианты» так называемых творческих томов.

Таким образом, целый пласт текстов, писанных рукою Пушкина, не просто ушел из собрания сочинений, но выпал вообще из поля зрения исследователей биографии и творчества поэта. Они не расшифрованы и не осмыслены, нити, связывающие их с основными автографами на рукописном листе, не найдены, наконец — как особый пушкинский жанр, они не стали предметом самостоятельного изучения. При всей своей кажущейся бессодержательности они не дают тот материал, который самым неожиданным образом может иногда прояснить «белые пятна» в творчестве или жизни Пушкина. Так, цифровые денежные записи несут биографическую нагрузку: это быт, который властно вторгался в творческий процесс. С другой стороны, подсчеты написанных стихов на полях «Евгения Онегина», «Домика в Коломне», «Езерского» характеризуют саму творческую манеру Пушкина, когда он в процессе работы «алгеброй поверял гармонию» рождающихся произведений.

Часть этих текстов, «затерявшихся» на черновых листах рабочих тетрадей, впервые воспроизведена в факсимильном издании. И эти, по определению Пушкина, «смирненные цифры и незначащие слова» отныне могут и должны быть востребованы в полном объеме. Ограничусь двумя характерными, на мой взгляд, примерами.

В одной из рабочих тетрадей, Альбоме 1828—1833 гг. (ПД 838), Пушкин пробует металлическое перо. Упражнение вполне обычное, механическое, необходимое для нового пера, которое, в отличие от привычного гусиного, Пушкин только начинал осваивать в начале 1830-х гг. Необычно, пожалуй, другое: текст этой «пробы» и ее положение в тетради. Металлическим пером в конце этой тетради написаны только болдинские, 1833 г., черновики двух произведений: «Осени» (Л. 82 об.—86) и стихотворения «Брадатый староста Авдей...» (Л. 100 об.). Проба пера, которая, казалось бы, должна быть рядом с ними, отделена от них несколькими листами, чистыми и заполненными, и сделана на свободной половине страницы с черновыми стихами заключительной строфы седьмой главы «Онегина», которая писалась поздней осенью 1828 г. (Л. 77). В верху листа читаем:

Одушеви мой долгий труд,
О ты эпическая Муза —
[посохъ] мне вручив
Не дай блуждать мне вкось <и> вкривь
С плеч долой обуза
Я классицизму отдал честь
Хоть поздно, а воззванье есть (VI, 463).

Ниже, по линеечке, металлическим пером Пушкин крупно прописал два слова: «тошно так» — и под ними скорописью еще одно, которое заканчивается росчерком. Последний я склонна читать как «Aninelo» — анаграмму фамилии Анны Олениной. Случайно ли возникла здесь такая ретроспективная запись? Думаю, нет. Основная часть тетради была заполнена весной — осенью 1828 г., одного из самых тяжелых в жизни Пушкина. На прошение определить его в действующую армию или отпустить за границу он получил отказ; бесконечно тянулись объяснения, связанные с элегией «Андрей Шенье» и поэмой «Гавриилиада», неудачей закончилось сватовство к Анне Олениной; преследовали крупные карточные проигрыши. Все события этого года так или иначе отразились в этой рабочей тетради. Творческая работа над седьмой главой «Онегина» и «Полтавой», стихотворениями «оленинского» цикла постоянно перебивалась колонками денежных подсчетов, набросками писем к Бенкендорфу и ответов на допросные пункты следственной комиссии по «Гавриилиаде». Среди французских анаграмм имени и фамилии Олениной «Eninelo ettenna», повторяющихся более 20 раз и скрепляющих тетрадные листы, на которых работал Пушкин летом 1828 года, прорвалось однажды и тайное «мечтанье» поэта — «Annette Pouchkine», сразу же тщательно зачеркнутое. Осенью 1833 г., открывая почти целиком заполненную тетрадь, Пушкин, видимо, перелистал ее и, словно вернувшись в 1828 г., подвел его итог. Допускаю, что эту пробу пера возможно прочесть и объяснить иначе¹⁹, но безусловно то, что в тетрадном контексте она несет нагрузку дневниковой записи, пусть малого, но психологически достоверного биографического свидетельства.

Другой пример. Болдинской осенью 1830 г. Пушкин, по его собственному определению, написал «пропасть полемических статей»: автобиографических, критических, журнальных. На определенном этапе они стали оформляться в два цикла. Для одного из них Пушкин нашел название — «Опыт отражения нелитературных обвинений». Другой впоследствии получил условное редакторское заглавие «Опровержение на критики». Однако ни один из этих замыслов не был завершён Пушкиным. Болдинские статьи и заметки остались на отдельных рукописных листах,

порядок которых был нарушен во время посмертного жандармского досмотра пушкинских бумаг. Состав этих циклов, их соотношение между собой, история текста и реконструкция пушкинских журнальных замыслов — серьезная текстологическая проблема, которая по-разному решена в существующих собраниях сочинений²⁰.

Нет единого представления и о ранней редакции пушкинского замысла, которую предваряло авторское объяснение: «В несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которых мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения» (XI, 144). В этих словах видели ключ ко всему замыслу, но по-разному открывали его: и в хронологической последовательности враждебной поэту критики последних лет — и тогда первой в серии пушкинских «антикритик» оказывалась заметка «Граф Нулин наделал мне больших хлопот...». Решить эту проблему помогают авторы болдинских статей — точнее, упущенная текстологами единственная цифровая помета «14», которая появилась рядом с одной из заметок в момент переработки первоначального текста для «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений». Смысл этой «смиренной» цифры ясен: она означает, что на определенном этапе работы занумерованный Пушкиным фрагмент был 14-м по общему счету.

Рукопись болдинских заметок насчитывает 18 двойных листов *in folio*, и их анализ, палеографический и содержательный, показал, что существует только одна комбинация из 13 заметок, которые могут предшествовать заметке с пометой «14» и которые, следовательно, можно считать началом пушкинской работы над замыслом «Опровержения на критики». Так, оказывается, что толчком ко всему замыслу послужила болгаринская критика седьмой главы «Евгения Онегина», которая была последним журнальным впечатлением Пушкина к сентябрю 1830 г. На нее он и отвечал в первую очередь. Этот выпад Булгарина вообще не давал Пушкину покоя той осенью: он вспоминает о нем в отброшенных впоследствии полемических октавах «Домика в Коломне», которые писались одновременно с «Опровержением»; в конце октября болгаринская критика отозвалась в «Отрывке» («Несмотря на великие преимущества...»), а месяц спустя Пушкин вновь вернулся к ней в проекте предисловия к роману в стихах.

Последний, болдинский пример выбран мною не случайно. Осенью 1830 г., отправляясь в Болдино, как ему казалось, ненадолго, Пушкин не взял с собою своих рабочих тетрадей. «В несносные часы карантинного заключения» он работал на отдельных листах. Пушкинский архив первой болдинской осени

насчитывает более 500 страниц. Как и пушкинские тетради, они должны стать доступными любому исследователю. Их факсимильное воспроизведение — следующий неизбежный этап долгой и необходимой работы.

Примечания

1. Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. I—VIII. СПб.; Лондон, 1995—1997.
2. Здесь и далее произведения Пушкина цитируются по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 16 т. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949. Римская цифра означает том, арабская — страницу.
3. ИРЛИ (ПД). Ф. 665. Оп. 2. № 120. Л. 13—13 об.
4. «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина. Издание А. де Бионкур под ред. Л. Бельского. М., 1901.
5. Подробно об этом см. в моей статье «Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина» (Русское подвижничество. М.: Наука, 1996. С. 233—244).
6. Русский библиофил. 1912. № 2. С. 82.
7. Щеголев П. Е. Князь Олег Константинович // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. XIX—XX. С. V.
8. Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме (1918—1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 103.
9. Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. XIV. С. 177—178.
10. ИРЛИ (ПД). Ф. 184, письмо П. Е. Щеголева Б. Л. Модзалевскому от 27 сентября 1910 г.
11. Там же. Письмо П. Е. Щеголева Б. Л. Модзалевскому от 28 сентября 1910 г.
12. Там же. Письмо П. Е. Щеголева Б. Л. Модзалевскому от 5 октября 1910 г.
13. Там же. Ф. 387. № 352, л. 19.
14. Литературное обозрение. 1940. № 5. С. 5.
15. См.: Измайлов Н. В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. Т. IX. С. 14—15.
16. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. I. С. 46, 47.
17. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л.: Academia, 1935.
18. Подробно об этом см. в моей статье «Нетворческие тексты Пушкина: проблемы издания. (По материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина)» // Русская литература. 1989. № 1. С. 145—151.
19. См., например, объяснение этой пометы, предложенное С. А. Фомичевым (Неизданный Пушкин. Из подготовительных материалов к новому академическому Полному собранию сочинений А. С. Пушкина. Вып. 2. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина. СПб.: Нотабене, 1979. С. 4—5).
20. Подробно об этом см. в моей статье «Болдинские полемические заметки Пушкина. (Из наблюдений над рукописями)» Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. XIV. С. 163—176.

В. П. Козлов,
руководитель Федеральной
архивной службы России,
член-корреспондент РАН

НАРОД БЕЗМОЛВСТВОВАЛ...

Выражение *народ безмолвствовал* с удивительным постоянством использовалось Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского».

В России бытование фраз о безмолвии вообще и народном в частности встречается много раньше. В «Наказе» Екатерины II, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, императрица, рассуждая о преступлениях и мере ответственности за них, в полном соответствии с идеологией «просвещенного абсолютизма» заявляла, что «слова не составляют вещи, подлежащей преступлению», что иногда молчание выражает больше, нежели все разговоры. Нет ничего, что бы в себе столько двойного смысла замыкало, как все сие».

Мысль о молчании как о двусмысленном и даже оппозиционном отношении к чему-либо со времени екатерининского «Наказа» получает известное распространение в русской литературе. Как своеобразный риторический прием *молчание, безмолвие* начали использовать авторы исторических похвальных слов русским самодержцам — оригинальных историко-публицистических сочинений, переживших в конце XVIII — первом десятилетии XIX в. бурный расцвет и столь же стремительный закат (если говорить о той их части, которая была опубликована в тот период).

Но наряду с чисто риторическим использованием *безмолвия* в литературно-публицистических сочинениях ему начинают придавать и вполне определенный смысл. Впервые, как нам кажется, это было сделано учителем философии и красноречия Тобольской семинарии, впоследствии известным сибирским историком П. А. Словцовым (1767—1843). В его смелых словах — «тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся дотоле, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное мнение, терпение, не прервут оно» (1793) — власти не без основания увидели проявление вольнодумства. Словцов был сослан, но после ссылки в похвальном слове царю Ивану Грозному (СПб., 1807) он вновь, хотя и в менее острой форме, возвращается к теме о *народном безмолвии*. Рассуждая о «неоспоримых признаках благосостояния народов», он исключает из их числа «тишину народную», отмечая, что «она часто значит мертвое безмолвие повапленной гробницы».

До работы над «Историей государства Российского» Н. М. Карамзин неоднократно упоминал *безмолвие* народа в своих историко-публицистических произведениях. Однако значение этого выражения не выходило за рамки образного художественного средства, подчеркивающего или беспомощность людей перед природной стихией, или страх перед лицом реальной политической и военной силы, или даже «великодушную» терпимость, то есть вполне осознанную народом «необходимость повиновения» законному самодержцу, пусть даже тирану.

Однако в «Истории» «безмолвие народа», превратившись в рефрен, наполняется все более широким и разнообразным содержанием. Помимо смысловой нагрузки, он становится и важным творческим приемом Карамзина. Но прежде чем показать место и роль рефрена о народном безмолвии в труде историографа, целесообразно остановиться на содержании, которое вкладывал Карамзин в понятие *народ*. В «Истории» довольно часто оно встречается в значении «жители страны, государства» (но никогда «население»). В этом же смысле в качестве синонимов Карамзин использует слова *граждане* и *россияне*. Но помимо такого, довольно распространенного в конце XVIII — первой трети XIX в., словоупотребления, в труде Карамзина обнаруживаются существенные нюансы, символические с точки зрения его приемов работы. Поясним это несколькими примерами.

Описывая новгородские события 1474 г., Карамзин сообщает, что казнь Дмитрия Борецкого и его товарищей «сделала глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках». В 1495 г. Иван III прибыл в Новгород, где его встречали «святитель (архиепископ Геннадий. — В. К.), духовенство, чиновники, народ». После смерти старшего сына Ивана III «двор, вельможи и народ» были обеспокоены вопросом о престолонаследии. В 1500 г., после известия о победе русских войск при Ведроши, «государь, бояре, народ» изъявляли радость. «Бояре и народ» оставались равнодушными к смерти Елены Глинской. Народ не давал пути ни «духовенству, ни вельможам» в 1560 г. после смерти царицы Анастасии. «Бояре вместе с народом» выражали беспокойство после отъезда Ивана Грозного в Александрову слободу. Бориса Годунова просили стать царем «духовенство, синклит, народ». «Духовенство, бояре, воинство и народ» потом обращаются к нему с этой же просьбой и т. д.

Из этих примеров видно, что в понятие *народ* Карамзин не включал духовенство, боярство, войско и государственных чиновников.

Народ присутствует в «Истории» как зритель или как непосредственный участник событий. Однако в ряде случаев это понятие не во всем удовлетворяло Карамзина, и он, стремясь

точнее и глубже передать свои идеи, использует термины *граждане* и *россияне*.

Термин *граждане* нередко фигурирует в труде историографа как «жители города». Так, например, после покорения Новгорода в 1471 г. туда устремляются из московских волостей «граждане и жители сельские». Однако в целом понятие *граждане* Карамзин также подчиняет своей исторической концепции. Им историограф объединяет различные категории феодального населения, в том числе и зависимого, тем самым торжественно провозглашая наличие прав и обязанностей у каждой из таких категорий в соответствии с их положением в общественной иерархии. С этих позиций не только крепостные, но и холопы с XVI в. наделялись Карамзиным «правами гражданскими». В таком смысле понятие *граждане* оказывалось шире понятия *народ*, совпадая с еще одним, часто используемым, — *россияне*.

Помимо его общеупотребительного значения («жители России»), Карамзин придает слову *россияне* еще и такой смысл, который помогает определить отношение подданных к самодержавной власти. Например, объясняя смысл слова *холопы*, Карамзин пишет, что оно «изображало только неограниченную преданность россиян к монарху». В других случаях «россияне славилась тем, чем иноземцы укоряли их: слепую, неограниченную преданностью монаршей воле»; несмотря на тиранию Ивана Грозного «великодушие еще действовало в россиянах», «россияне искренно славил царя», «россияне не могли благоразумно верить воскресению» царевича Дмитрия, «многие и самые благоразумнейшие из россиян» вскоре разочаровались в Борисе Годунове и т. д.

Таким образом, у Карамзина понятия *народ*, *граждане*, *россияне* отражают своеобразные авторские приемы, которыми историограф старался оттенить, сделать более выпуклыми свои представления о русском историческом процессе. Это находит подтверждение и в использовании писателем еще одного понятия — *чернь*. Это слово присутствует в «Истории» Карамзина не столько в общеупотребительном для того времени смысле («простой народ»), сколько в ином: историограф придает ему откровенно политическую окраску. Так, при описании движений классового протеста угнетенных народных масс Карамзин замечает: «Чернь Нижнего Новгорода вследствие мятежного веча умертвила многих бояр», «чернь в шумном совете» решает укрепить Москву перед угрозой ее захвата в 1445 г. войсками хана Улу-Ахмета; в 1584 г. во время восстания в Москве к Кремлю устремились «двадцать тысяч вооруженных людей, чернь, граждане, дети боярские», в восстании 17 мая 1606 г. действуют «дворяне, дети боярские, стрельцы, люди приказные и торговые, граждане и чернь».

В пренебрежительном с позиций сегодняшнего дня наименовании Карамзиным части народа *чернью* нашло свое отражение его представление о мощных движениях классового протеста в феодальной России как проявлении всего-навсего анархических элементов, порожденных, по его убеждению, «страстями человеческими». Народу, пишет он, всегда присуще стремление к вольности, несовместное с государственными интересами. Поэтому самодержавие, уничтожая остатки древних народных свобод, подавляя буйство «черни», выполняло свою прогрессивную историческую миссию — укрепляло внутренне и внешне прочность государства.

Отрицая, таким образом, политическое значение народа в истории России, Карамзин делает его в своем труде высшим носителем оценок замыслов и деятельности представителей самодержавной власти. В труде историографа народ становится то беспристрастным арбитром, особенно когда речь идет о борьбе самодержавия с аристократией и олигархией, то пассивным, но заинтересованным зрителем и даже участником, когда волею исторических судеб оказывается сам лицом к лицу с самодержавием. В этих случаях присутствие в «Истории» народа становится важнейшим творческим приемом Карамзина, средством выражения его авторского отношения к происходящему. В повествование летописца врывается голос историка, сливающийся с «мнением народным».

«Мнение народное» как своеобразный риторический прием не было изобретением Карамзина или, во всяком случае, использовалось не только им. Ссылки на него являлись одним из элементов идеологии «просвещенного абсолютизма». Уже в «Наказе» Екатерины II мы читаем: «правда, что хорошее мнение о славе и власти царя могло бы умножить силы державы его...». Более того, здесь же широковещательно и серьезно провозглашалось право любого в самодержавной России «свободно говорить свое мнение». О том, насколько своеобразно понимала Екатерина II «свободу мнений», хорошо известно, но важно, что ссылки на «мнение народа» в качестве критерия оценок событий прошлого и настоящего с тех пор получают известное распространение, превращаясь даже в банальность.

О «народном мнении» неоднократно говорит в своих ранних историко-публицистических сочинениях и Карамзин. Однако в «Истории государства Российского» народному мнению Карамзин придает широкие смысловые значения. В первую очередь их спектр лежит в плоскости народных чувств — от любви до ненависти к самодержцам. «Нет правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной», — провозглашал историограф. В его труде «народ любит», например, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, «чтит» Ва-

силія Дмитриевича, Федора Ивановича. Любви народа *добиваются* Федор Иванович, Борис Годунов и т. д. Несчастны те самодержцы, которых народ не любит или которые утратили эту любовь. Так, например, Мстислав и Ярополк, «неопытные в деле государственного правления», вскоре лишатся народной любви. «Не был любим народом» Давид Ростиславич, «москвитяне» «не были совершенно довольны» Иваном III, который перед угрозой ханского нашествия трусливо отправил свою семью из столицы, «не доставало народу» любви и к Ивану Грозному.

Любовь народа к самодержцу как высший критерий оценки его поступков и одновременно сила, способная решать судьбу монарха, особенно сильно звучит в последних томах «Истории». Так, Борис Годунов, несмотря на все свои усилия, «не снискал любовь народа» и, в конце концов, оказался без его поддержки в трудный для себя момент борьбы с Лжедмитрием. Оставляя небу судить тайну Борисова сердца, писал Карамзин, «россияне искренне славилы царя, когда он под личиною добродетели казался им отцом народа, но, признав в нем тирана, естественно, возненавидели его и за настоящее и за минувшее...». В аналогичном положении вскоре оказывается и царь Василий Шуйский: «Москвитяне, некогда усердные к боярину Шуйскому, уже не любили в нем венценосца, приписывая государственные злополучия его неразумению или несчастью — обвинение, равно важное в глазах народа».

В «Истории» Карамзина отношение народа к самодержавной власти передается разнообразием слов, означающих различные чувства, действия, мысли: народ «жаловался громогласно», «народ жалел», «народ смеялся», «изъявлял удовольствие», «плакал от умиления», «жалел о невинных, проклиная ласкателей», «опомнился, утих и с беспокойством ждал», «изъявил радость», «живо чувствовал спасительный ужас законов для обуздания преступников», «с жадностью слушал» и т. д. Можно сказать, что в «Истории» чувственный, действенный и звуковой фон постоянно сопровождают народ. С их помощью Карамзин свои концептуальные историко-политические идеи облекал в эффектную художественную форму — описание событий превращалось в бурное театральное действие, позволяющее читателю зримо представить их.

Безмолвие народа на фоне этих действий, чувств, звуков выступало резким контрастом. Оно вовсе не означало бесстрастного молчания, недоговоренности. Наполняясь каждый раз вполне определенным смыслом, к пониманию которого подводило само повествование, оно становилось важным авторским приемом, помогающим писателю выразить свое отношение к описываемым событиям, свои представления о народе и самодержцах.

Народ в «Истории» *безмолвствует* от ужаса. Так было, считает Карамзин, например, при обращении в христианство пермяков. Иногда безмолвие народа означало его бессилие, безысходную покорность, горечь от утраты древних свобод.

Безмолвие народа характеризует его нерешительность, отсутствие у него (подчас в важные исторические моменты) ясной цели действий. Так, например, рисует Карамзин отношение народа к переходу на сторону Лжедмитрия воеводы Басманова.

Народ безмолвствует, демонстрируя свое равнодушие, особенно когда идет речь о борьбе самодержавия с аристократией. Так представляет Карамзин события 1475 г., когда Иван III арестовывает двух новгородских бояр, обвиняя их в сношениях с Литвой. Безмолвием народа Карамзин передает и осуждение несправедливых поступков самодержцев.

Народ безмолвствует, демонстрируя приемы мужества и преданности. Это Карамзин показывает в поступке слуги опального князя Курбского, привезшего Ивану Грозному письмо от своего господина. «Гневный царь ударил его в ногу жезлом своим — кровь лилась из язвы, слуга стоя неподвижно безмолвствовал».

Народ безмолвствует, по Карамзину, «в грозах самодержавия», демонстрируя одно из своих величайших качеств национального характера — терпение и терпимость.

В последних томах «Истории» Карамзин раскрывает еще один смысл народного безмолвия. Говоря о нем при описании правления Елены Глинской, историограф прямо связывает *безмолвие* с «ненавистью и презрением, от коего ни власти, ни строгости не спасают венценосца, если святая добродетель отрицает от него лицо свое». В последующих томах эта мысль получает дальнейшее развитие: молчание народа «служит явной укоризной» для Бориса Годунова и, наконец, превращается в знак «тайной, всегда опасной ненависти к жестоким правителям», символ грозной готовности «к великой перемене, тайно желаемой сердцами».

Таким образом, рефрен о безмолвии народа оказался удачной находкой Карамзина, позволившей ему использовать его в качестве художественного, даже драматургического средства выражения одной из своих важнейших политических идей в целом и исторической концепции в частности — идеи «обратной связи» народа и самодержавия, с одной стороны, и средства авторской оценки исторических событий — с другой. Карамзинский рефрен полифоничен, многогранен. В нем оттеняются не только те черты национального характера русского народа и его действия, которые соответствовали монархическому мировоззрению историографа (покорность, терпимость, равнодушие, нерешительность), но и мужество, патриотизм, осуждение тирании, несправедливых действий самодержцев.

Неоднозначность смысла карамзинского рефрена была подчеркнута и использована А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове». Его знаменитая ремарка включает сложный спектр чувств и переживаний народа: и ужас перед явным преступлением, и горечь от содеянного клеветами Лжедмитрия, и бессилие, и нерешительность, и равнодушие, и в то же время осуждение, первые ростки ненависти, скрытую до поры силу народного гнева.

*Н. Б. Волкова,
директор Российского
государственного архива
литературы и искусства,
к. ф. н.*

А. С. ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Пушкин, родоначальник русской литературы, основоположник русского литературного языка. Огромна его роль в развитии русского общества. Сейчас, когда исполняется двести лет с его рождения, он по-прежнему остается нашим современником, нас волнует его судьба, для нас бесценна каждая его строчка. Отсюда такой интерес к пушкинскому архиву, и не только к его творческому наследию, но и к любому, относящемуся к нему документу.

Цель данного сообщения — дать самое общее представление о материалах поэта и его эпохи, находящихся в РГАЛИ.

Эти документы начали собираться в 30-х гг. В 1937 г. в Москве была организована Всесоюзная выставка памяти А. С. Пушкина, на которую были переданы многие пушкинские материалы из ряда учреждений и организаций. Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 256 от 4 марта 1938 г. они были оставлены в составе выставки, а сама выставка была реорганизована в Государственный музей А. С. Пушкина. В числе его экспонатов остались и пушкинские автографы, представленные на выставку.

В 1949 г. Всесоюзный государственный музей А. С. Пушкина был перемещен в г. Пушкин, бывшее Царское село, и размещен в залах Александровского дворца и Лицея, а рукописи Пушкина и библиотека поступили в Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

Несмотря на изъятие многих пушкинских документов, экспонировавшихся на выставке 1937 г., РГАЛИ и сейчас хранит некоторые собственноручные записи Пушкина, а также материалы, связанные с ним и широко раскрывающие его эпоху.

В фонде № 384 Пушкинского собрания, насчитывающем 348 единиц хранения, содержатся многочисленные тексты произведений Пушкина в списках и копиях; копии писем Пушкина к некоторым лицам. Подлинниками представлены письма к Пушкину П. А. Вяземского, сестры — О. С. Павлищевой, Д. Ф. Фикельмон, Е. М. Хитрово. Сохранилось несколько писем Н. Н. Пушкиной после 1838 г., а также письма его детей, внуков, родственников и друзей. Биографические документы связаны со службой Пушкина в Министерстве иностранных дел, с ведением секретного надзора за ним, следствием о дуэли и смерти поэта. Имущественно-хозяйственные материалы по имениям в Михайловском и Болдине, а также дела опеки свидетельствуют о тяжелом материальном положении Пушкина и его оставшейся семье. Имеются в фонде отдельные документы представителей родов и потомков Пушкиных и Гончаровых. Есть переписка Л. Геккерна и Ж. Дантеса с посольством и Д. Н. Гончаровым о выделении наследства Е. Н. Гончаровой.

Обширно представлены материалы по изданию собраний сочинений Пушкина разных лет, празднованию юбилеев, записи воспоминаний о нем, статьи и исследования видных пушкинистов.

Еще более ценные документы содержат фонды современников Пушкина, в первую очередь его ближайшего окружения. Это неисчерпаемый фонд П. А. и П. П. Вяземских, так называемый «Остафьевский архив», а также фонды Е. А. Баратынского, А. Ф. Воейкова, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, В. К. Кюхельбекера, В. Л. Пушкина, С. А. Соболевского, А. О. Смирновой-Россет, К. Ф. Рылеева, А. И. и Н. И. Тургеневых и другие. Именно в них сохранились драгоценные автографы стихотворений Пушкина: «Я люблю вечерний пир», «Щербинину», «Жив, жив Курилка...», «Когда Потемкину в потемках...», «Краев чужих неопытный любитель» и др. В одном из альбомов П. А. Вяземского имеются неизданные тексты сатир XVIII в., переписанные Пушкиным, в том числе «Гимн бороде» М. В. Ломоносова. Любопытно, что в 1957 г., когда архив получил материалы известной Юдинской коллекции из Красноярска, в ней

был обнаружен текст «Гимна бороде», сделанный Н. В. Гоголем. Возможно, что Пушкин приобщил Гоголя к своим историческим изысканиям.

В этих же фондах хранятся подлинники писем Пушкина к П. А. Вяземскому и его жене Вере Федоровне, С. А. Соболевскому, Ф. А. Скобельцину, а также приписки Пушкина на письмах П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской и В. А. Жуковскому и поэта В. И. Туманского к В. К. Кюхельбекеру.

В фонде Вяземского возможны и новые находки. Уже в наши дни сотрудниками архива там были обнаружены рисунок Пушкина с изображением Н. Н. Гончаровой на письме приятельницы Пушкина Е. М. Хитрово к П. А. Вяземскому и письмо Пушкина к нему же на копии жалобы А. П. Сумарокова Г. А. Потемкину (опубликовано в сборниках ЦГАЛИ «Встречи с прошлым», вып. 2. М., 1985 и вып. 4. М., 1987).

В РГАЛИ очень много писем с упоминанием о Пушкине. Только в процессе подготовки 58 тома «Литературного наследства» для работы «А. С. Пушкин в неизданной переписке современников» было привлечено 4000 писем из фондов архива. Напечатанные выдержки содержат новые сведения о жизни Пушкина, высказывания о его произведениях, отклики на гибель поэта. Благодаря этим письмам мы лучше можем понять значение Пушкина уже для своего времени и как потрясла его гибель современников.

Имеются и стихотворные отклики на смерть Пушкина П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева, Н. М. Языкова, среди которых выделяется уникальный автограф М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», написанный сразу после его гибели.

Значительную ценность представляют прижизненные списки произведений Пушкина. Некоторые из них являются автографами известных лиц: К. С. Аксакова — стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...», Е. А. Баратынского — стихотворение «Я верю, я любил...», З. А. Волконской — «Среди рассеянной Москвы...», Н. В. Гоголя — «Русалка», Е. Ф. Тютчевой — «Клеветникам России». Другие свидетельствуют о популярности поэта, о среде, в которой распространялись его произведения. Часть из них содержится в альбомах Н. И. Второва, Н. А. Загряжской, А. Н. Ладыженской, А. И. Моркова, В. И. Ланской, В. Д. Олсуфьевой, С. Д. Пономаревой, Н. В. Путяты, Е. П. Ростопчиной и многих других. В этих же альбомах можно найти записи высказываний о Пушкине, переводы его произведений на другие языки, рисунки.

Уже в наши дни РГАЛИ получил из Франции, благодаря посредничеству И. С. Зильберштейна, альбом и дневник Анет Олениной с записями о Пушкине от ее потомка В. Н. Звягинцева,

через него же тогда поступили предисловие И. С. Тургенева к изданию «Путешествия в Арзрум» от С. М. Лифаря и 44 рисунка А. Н. Бенуа — иллюстрации к «Капитанской дочке».

С именем Пушкина и близких ему современников связаны и многие изобразительные материалы архива. Фотографии и литографии портретов Пушкина, Н. Н. Пушкиной, А. А. Бестужева-Марлинского, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича, В. К. Кюхельбекера, Е. П. Ростопчиной и других лиц. Представляют интерес гравюра по меди портрета В. А. Жуковского кисти О. А. Кипренского и его же рисунок в альбоме С. Д. Пономаревой, акварель В. А. Тропинина в альбоме А. И. Моркова, шарж на Ф. В. Булгарина в альбоме А. Е. Измайлова, карикатура П. Л. Яковлева на А. А. Дельвига, шарж К. П. Брюллова на С. А. Соболевского, набросок неизвестного художника портрета В. К. Кюхельбекера, рисунок Н. В. Берга дома И. Н. Инзова в Кишиневе, в котором жил Пушкин, виды Михайловского, Тригорского, Снеготорского и Святогорского монастырей, Остафьева и других пушкинских мест.

Собирание и изучение материалов Пушкина, публикация его творческого наследия широко проводились уже в XIX — начале XX вв. Фонды собирателей и издателей наследия Пушкина: П. В. Анненкова, П. И. Бартенева, Н. П. и А. П. Барсуковых, П. А. Ефремова, Н. О. Лернера, И. А. Шляпкина и др. содержат биографические документы Пушкина, списки и копии его произведений и писем, иногда со вставками не пропущенных цензурой мест, записи воспоминаний, материалы по подготовке собраний сочинений, статьи и исследования, обширную переписку.

В 1880 г. состоялось открытие памятника Пушкину в Москве. Оно имело большой общественный резонанс. Материалы по собиранию средств на сооружение памятника и торжеств, связанных с его открытием, хранятся в фонде Л. И. Поливанова, члена Комитета по празднованию открытия памятника Пушкину и устройству Пушкинской выставки, Я. К., К. Я., Н. Я. Гротов, А. С. Суворина, А. И. Южина, С. А. Юрьева и других лиц. Сохранились план места постановки памятника, фотографии церемонии открытия и его участников, программа и приглашительные билеты на заседание «Общества любителей российской словесности». Описание событий тех дней нашло широкое отражение как в переписке современников, в том числе в письмах Ф. М. Достоевского жене, так и в многочисленных воспоминаниях, часть которых до сих пор не опубликована.

Обращаясь к вопросу изучения пушкинского наследия, в том числе находящегося в РГАЛИ, можно поставить две самые общие задачи: Пушкин в контексте эпохи, расширение нашего представления о Пушкине и окружающей его среды на еще не вве-

денных в пушкиноведение материалах и обращение к Пушкину в XX веке в нашей литературе и искусстве.

Для решения первой — необходимо продолжить изучение фондов пушкинского окружения и материалов его собирателей на основе всех накопленных знаний сегодняшнего дня. Много может дать в этом плане и обращение к богатейшей российской Пушкиниане. Существенно, что в РГАЛИ она представлена пушкинистами как московской, так и ленинградской школы. Это объемные фонды В. В. Вересаева, Г. О. Винокура, Л. П. Гроссмана, Н. О. Лернера, Ю. Г. Оксмана, П. Н. Сакулина, А. Л. Слонимского, М. А. и Т. Г. Цявловских, Б. М. Эйхенбаума. Зачастую в них имеются документы пушкинской эпохи. Например, часть уникальной коллекции автографов первой половины XIX в. Ю. Г. Оксмана. Или материалы семейного архива Пушкиных в составе фонда А. Л. Слонимского, женатого на правнучке сестры Пушкина О. С. Павлищевой. Кроме того, в разработках этих крупнейших ученых могут содержаться интересные предположения и гипотезы, которые в силу тогдашних идеологических ограничений не могли быть высказаны, а тем более напечатаны. В первую очередь, они могут быть связаны с вопросами веры и атеизма Пушкина, его отношения к самодержавию и членам царской семьи, трактовки им крестьянского движения в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» или польского вопроса в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Что касается обращения к Пушкину и его творчеству, то здесь накопилось материалов более чем за полтора столетия, поскольку многие произведения Пушкина были переложены на музыку уже при жизни поэта. Во всяком случае, темы «Пушкин в литературе серебряного века», «Пушкин в русском зарубежье», «Пушкин в театре и кинематографии» уже давно разрабатываются, в том числе и на материалах РГАЛИ. Об этом свидетельствует и тематика сегодняшней конференции.

Двухсотлетие со дня рождения А. С. Пушкина отмечается сегодня как всенародный праздник. Мы являемся свидетелями нового взрыва интереса к нему в самых широких слоях, и 1999 г. становится поистине пушкинским годом. И как Пушкин прожил с нами два века, так войдет он и в третье тысячелетие.

*Е. Г. Болдина,
директор Центрального
исторического архива Москвы*

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МОСКВЫ О А. С. ПУШКИНЕ

Центральный исторический архив Москвы хранит документы по истории Москвы и Московской губернии за время с середины XVIII века до 1917 г. и насчитывает в настоящее время около двух с половиной миллионов дел.

Материалы архива всесторонне освещают все многообразие жизни дореволюционной Москвы: экономический уклад, социальные отношения, политическую обстановку в различные исторические периоды, культуру и быт.

Значительный документальный комплекс связан с именем А. С. Пушкина. В архиве сохранилось множество материалов, относящихся к детству поэта. В первую очередь, это, конечно, метрическая книга церкви Богоявления в Елохове за 1799 г. с записью о рождении и крещении Александра Сергеевича. У нас находится на хранении приходской экземпляр книги, консисторский был передан в свое время в Пушкинский Дом. Разысканиями С. К. Романюка был установлен и дом известного уже всем пушкинистам — дом Ивана Васильевича Скворцова, в котором родился А. С. Пушкин. В фонде Московской палаты гражданского суда он обнаружил купчую на двор, который Скворцов купил в 1798 г. Этот дом на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка является наиболее вероятным местом рождения поэта.

В семье Пушкиных, как в других дворянских семьях того времени, было много детей. Все они, кроме старшей Ольги и последнего ребенка Платона, родились в Москве. В метрических книгах церковью Сретенского и Пречистенского сороков сохранились записи о рождении братьев и сестры А. С. Пушкина — Николая, Льва, Михаила, Павла и Софьи. Исключая Льва, все они умерли во младенчестве, что было также характерно для многих семей. И эти события отразились в записях метрических книг разных церквей.

Сергей Львович и Надежда Осиповна постоянно переезжали с места на место, в связи с чем в маклерских книгах, книгах записи договоров палаты гражданского суда содержатся сведения о найме С. Л. Пушкиным домов, чаще всего в Сретенской и Пречистенской частях.

В 1800 г. в Москву вслед за семьей дочери приезжает Мария Алексеевна Ганнибал. Она поселяется недалеко от Пушкиных, и ее имя нередко встречается в исповедных ведомостях рядом с именем Надежды Осиповны.

В отличие от Ганнибалов Пушкины издавна жили в первопрестольной столице. Лев Александрович и Ольга Васильевна Пушкины — дед и бабушка Александра Сергеевича — владели большим имением в Троицкой слободе. В метрических и исповедных ведомостях данной церкви сохранилось множество записей, относящихся к данной семье: о смерти Л. А. Пушкина в 1790 г., о женитьбе дяди — Василия Львовича в 1795 г., о исповедании и принятии причастия членами семьи. После смерти мужа О. В. Пушкина купила другой дом, в Огородной слободе, поэтому запись о смерти бабушки поэта в 1802 г. запечатлена уже в метрической книге другой церкви — Харитония исповедника, что в Огородной слободе.

Небольшой комплекс архивных материалов относится к В. Л. Пушкину. Всем известно, что в первый же день возвращения в Москву в 1826 г. Александр Сергеевич навестил своего дядю. Об этом событии напоминает мемориальная доска, установленная на доме № 36 по ул. Старая Басманная (дом Кетчер). Однако после смерти Анны Львовны Пушкиной в 1824 г. к Василию Львовичу перешел по наследству ее дом на той же Старой Басманной улице (№ 28). В исповедной ведомости церкви Никиты Мученика в Басманной за 1826 г., к приходу которой относились оба дома, отмечено, что в доме Василия Львовича проживают только его дворовые, сам же он живет в доме Кетчер. Но эти записи относятся к весне 1826 г. Так что определенные сомнения, в каком же доме навещал Пушкин своего дядю, на наш взгляд, остаются. Кроме уже упомянутых документов, в архиве хранятся дело о принятии В. Л. Пушкина в число почетных членов Московского университета, завещание Василия Львовича с его автографом, его прошение о внесении в родословные книги дворян Московской губернии племянника Льва и, наконец, метрическая книга за 1830 г. церкви Никитской на Старой Басманной, в которой отпевали В. Л. Пушкина. Похоронили Василия Львовича на семейном кладбище Пушкиных — в Донском монастыре. В деле «Описание памятников Донского монастыря» сохранились описания памятников Льва Александровича Пушкина, его жены — Ольги Васильевны, сестры Ольги Васильевны — Анны Васильевны Чичериной, Василия Львовича и Анны Львовны Пушкиных.

Период 1826—1836 гг. представлен в архиве меньшим количеством документов о А. С. Пушкине, хотя среди них находятся уникальные: это маклерская книга за 1831 г. с записью договора об аренде квартиры А. С. Пушкиным с его автографом и мет-

рическая книга церкви Большого Вознесения на Большой Никитской с записью о венчании поэта с Н. Н. Гончаровой. Очень интересны материалы, отложившиеся в фонде Российского благородного собрания. Это ежегодные визитерские (посетительские) книги, в некоторые из них внесено имя Пушкина в качестве посетителя собрания, концерта или бала. В 1827 и 1831 гг. он записался в члены собрания, о чем существует соответствующая отметка в алфавитных книгах дворянского собрания. В визитерских и членских книгах встречаются также имена В. Л. Пушкина, Н. Н. Гончаровой, ее матери, братьев и сестер.

Немало материалов из собрания архива относятся к Наталье Николаевне и роду Гончаровых. Среди них подлинное прошение жены поэта в Московское дворянское депутатское собрание о внесении ее и детей в родословные книги дворян Московской губернии, свидетельства протопресвитера Бажанова о бракосочетании Наталии Николаевны с П. П. Ланским и рождения у них дочери Александры, переписка московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына о «неприличном поведении» Н. А. Гончарова, отчеты по опеке над имением Гончаровых в сельце Ярополец Волоколамского уезда, учрежденной после смерти Наталии Ивановны, прошение И. Н. Гончарова о разделе имения.

Из четверых детей поэта в Центральном историческом архиве Москвы отложились документы только о старшем сыне Александре и дочери Марии. Жизнь Александра Александровича Пушкина после выхода в отставку в 1891 г. была тесно связана с Москвой. В архиве хранятся копии свидетельств Петербургской духовной консистории о его рождении и бракосочетании с С. А. Ланской, полный послужной список 1905 г., письмо члена совета Екатерининского училища А. А. Пушкина об обстановке в училище во время декабрьского вооруженного восстания в Москве, решение Московского окружного суда о разделе имущества, оставшегося после его смерти.

Материалы о М. А. Гартунг представлены более скромно. Это дело канцелярии московского генерал-губернатора о сложении с нее казенных недоимок, журнал заседания Московской городской думы об избрании дочери поэта попечительницей городской аудитории-читальни в память А. С. Пушкина, протоколы заседания Московского окружного суда по обвинению генерал-майора Л. Н. Гартунга в хищении векселей умершего купца Занфтлебена.

Еще один комплекс документов связан с юбилейными мероприятиями 1880 и 1899 гг. Это журналы заседания городской думы и думских комиссий по вопросу о подготовке к празднованию, письма великих князей московского генерал-губернатора Сергея Александровича и президента Академии наук Константина Константиновича, программа празднования 100-летия со дня рожде-

ния поэта, положение о Пушкинской стипендии, письма К. Грота, счета за проживание в московских гостиницах во время торжеств по случаю открытия памятника, выписанные на имя Ф. М. Достоевского, Я. П. Полонского, А. А. Пушкина, графини Меренберг.

Такова краткая характеристика пушкинских материалов, отложившихся в фондах Центрального исторического архива Москвы.

*В. М. Шабанов,
начальник отдела
Российского государственного
военно-исторического архива*

ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С СЕМЬЕЙ И ОКРУЖЕНИЕМ А. С. ПУШКИНА, В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся документы о жизни и творчестве, семье и окружении А. С. Пушкина, юбилей которого отмечается в 1999 г. Жизнь родственников Пушкина (его предков, детей и внуков) и друзей так или иначе была связана с армией. «Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие», — так писал в своих заметках А. С. Пушкин.

Выявление документов о Пушкине, членах его семьи и окружении в военных архивах началось в середине XX в. и продолжилось поисками пушкинских реликвий в личных коллекциях и после революции. В марте 1899 г. перед Пушкинским юбилеем директор Александровского лицея переписывался с управляющим Московским отделением общего архива Главного штаба о документах архива, содержащих описание формы воспитанников во время нахождения в нем А. С. Пушкина. В 1903 г. в Московском отделении общего архива по просьбе академика

А. Н. Веселовского в документах дежурного генерала Главного штаба проводился поиск переписки поэта с А. И. Чернышевым и П. А. Клейнмихелем.

23 января 1909 г. начальник Главного военно-судного управления генерал-лейтенант Остен-Сакен подал военному министру А. Ф. Редигеру докладную записку о передаче в АН автографа А. С. Пушкина и стихотворения «На 14 декабря» из военно-судного дела капитана А. И. Алексева с оставлением заверенных машинописных копий передаваемых из архива документов.

В апреле—июне 1917 г. председатель комиссии по постройке памятника Пушкину в г. Петрограде Н. Котляревский состоял в переписке с начальником бывшей Военно-походной канцелярии генерал-майором К. А. Нарышкиным и начальником Кабинета военного министра полковником Самариным об ознакомлении сотрудников Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского и М. Л. Гофмана со всеми архивными документами канцелярии, имеющими историко-литературное значение.

В марте 1919 г. бывший генерал-лейтенант Дмитрий Яковлевич Дашков в письме, черновик которого сохранился в его личном фонде, сообщил неизвестному лицу о передаче им из личной коллекции пушкинских реликвий. К юбилею поэта в 1899 г. в дар Пушкинскому лицейскому обществу секретарю П. Е. Рейнботу были переданы рукописи поэта, в музей Главного управления военно-учебных заведений Д. М. Левшину — 4 переплетенных тома записок бывшего директора лицея Е. А. Энгельгардта, 22 марта 1919 г. в Пушкинское лицейское общество С. Ф. Ольденбургу — рукописи поэта, письма А. П. Керн, А. Г. Родзянко, А. И. Дельвига материалы бракоразводного дела О. А. и М. А. Ганнибалов и т. д. 3 сентября 1919 г. непреходящий секретарь Российской АН С. Ф. Ольденбург отправил Д. Я. Дашкову благодарственное письмо с выражением признательности за преподнесенные в дар Пушкинскому лицейскому обществу реликвии поэта и его окружения. После смерти Д. Я. Дашкова его семейный и личный архив был разделен и поступил на хранение в московские и петербургские архивы.

В РГВИА имеются документы о службе прадеда Пушкина *Абрама Петровича Ганнибала (1697—1781)*: определение военной коллегии о направлении бомбардир-поручика лейб-гвардии Преображенского полка Абрама Петрова в г. Казань для осмотра тамошней крепости (1727), переписка о его определении в Инженерный корпус (1752); сказка о службе (т. е. послужной список; 1753); переписка о расследовании Ганнибалом военно-судных дел (1757); документы о его назначении главным командиром по устройству Кронштадтского канала (1755) и производстве в генерал-аншефы (1760); его распоряжения по канцелярии Инженерного корпуса о наказаниях за ложные доносы и об отмене

пытках в военных судах (1758). Челобитная об отставке от военной службы инженер-капитана Тобольского гарнизона Абрама Петрова и доношение председателя комиссии военных дел графа фон Миниха в Государственную военную коллегию о его отставке (1731) были обнаружены в фонде артиллерийской экспедиции Военной коллегии.

Представляют интерес документы о службе *Ивана Абрамовича Ганнибала (1737—1801)*: указ адмиралтейской коллегии о его назначении главнокомандующим Херсонской крепостью (1778), его письма, служебные записки и рапорты генерал-фельдмаршалу кн. Г. А. Потемкину о ходе крепостных работ, приеме на службу иностранцев.

Василий Львович Пушкин (1766—1830) вместе со своим племянником Александром Сергеевичем состоял в литературном обществе «Арзамас». В архиве сохранился цензорский экземпляр альманаха «Полярная звезда» на 1826 г., подготовленный цензором А. Бируковым для А. Х. Бенкендорфа. Имеются списки произведений В. Л. Пушкина «Счастливый младенец», «Песня и отрывок из III главы романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина — «Разговор с няней».

В 1977 г. в архиве были обнаружены письма отца и матери поэта — Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных.

Подлинники писем родителей поэта за 6 мая, 4 июля, 27 ноября 1825 г., адресованные Александру I, начальникам канцелярии Главного штаба и самого Главного штаба полковнику И. М. Бибинову и генералу барону И. И. Дибичу позволяют вместе с ранее известными источниками изучить историю попытки А. С. Пушкина вырваться из ссылки; стали известны точные даты составления и отправления писем, места их написания и характер переписки с военным ведомством, роль его родственников и друзей в этих обстоятельствах.

Младший брат поэта *Лев Сергеевич Пушкин* по примеру старшего брата намеревался учиться в Царскосельском лицее: в 1814 г. он был принят в благородный пансион при лицее, но не закончил его и был исключен, о чем была сделана краткая запись в алфавите к документам лицея. В 1824 г. И. И. Дибич направлял запрос министру народного просвещения и главноуправляющему делами иностранных вероисповеданий А. С. Шишкову о служащем департамента духовных дел Л. С. Пушкине. 16 ноября того же года Шишков отвечает Дибичу, что сын чиновника V класса Лев Пушкин определен на службу в 1823 г. после его исключения из университетского пансиона. 27 ноября 1827 г. полковником О. В. Гурко был подан рапорт и. д. начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Сухтелену с представлением к награде юнкера Нижегородского драгунского полка Л. С. Пушкина «за отлично-усердную службу» при осаде крепости

Сардар-Абад. 28 сентября 1831 г. на имя государя императора Николая I из Пятигорска поступает анонимный донос. В нем сообщалось о неприличном поведении на Пятигорских минеральных водах генерал-майора Раевского, штабс-ротмистра Римского-Корсакова и поручика Финляндского драгунского полка Л. С. Пушкина. К 1842 г. Лев Сергеевич состоял по кавалерии, имел чин майора и был прикомандирован к Ставропольскому линейному казачьему полку. 13 апреля 1842 г. Л. С. Пушкиным было подано прошение об отставке от службы по семейным обстоятельствам.

Сыновья Пушкина Александр (1833—1914) и Григорий (1835—1905) получили военное образование, служили в одном полку; дочери поэта вышли замуж за военных, однокашников и сослуживцев своих братьев, но судьба у всех сложилась очень по-разному.

По распоряжению императора Николая I сыновья Пушкина были зачислены в пажи сразу после смерти их отца. 31 января 1837 г. один из опекунов над детьми и имуществом поэта граф М. Ю. Виельгорский сообщил в Пажеский е. и. в. корпус о состоявшемся уведомлении военным министром графом А. И. Чернышевым вдовы Н. Н. Пушкиной о распоряжении Николая I назначить в пажи к Высочайшему двору ее сыновей и зачислить их в кадетский список Пажеского е. и. в. корпуса на вакансии. 9 июля того же года метрические свидетельства сыновей Пушкина были приобщены к делопроизводству Пажеского корпуса, 5 августа 1843 г. документы *были отправлены обратно в опеку.*

30 января 1846 г. Александр и Григорий были определены в Пажеский корпус — привилегированное военно-учебное заведение. Вопрос о зачислении Пушкиных в корпус решался еще в начале 1844 г., когда на младшего из них, Григория, была заведена аттестационная тетрадь, с указанием основных биографических сведений. Время поступления сыновей Пушкина в корпус неоднократно переносилось. По Высочайшему соизволению от 12 февраля 1846 г. братья получили отсрочку на два года и были оставлены при матери. В мае 1846 г. сыновья «умершего камерюнкера» А. и Г. Пушкины значились в «Списках зачисленных в кандидаты ... пажами, родители коих не имели генеральских чинов». 16 марта 1848 г. приказом Главного начальника военно-учебных заведений братья Пушкины зачислены кандидатами на имеющиеся в корпусе вакансии. Приказами директора Пажеского корпуса от 16 февраля 1846 г. и 30 марта 1848 г. они также зачислялись *кандидатами* в корпус.

Александр Александрович Пушкин прибыл в корпус 22 октября 1848 г., о чем сделана запись в «Ведомости прибыли и убыли, последовавшей в Пажеском е. и. в. корпусе». Проучился в корпусе три учебных года: с 1848 по 1851 гг. «За весьма хорошие

в науках успехи и примерное поведение был отмечен наградой», и его фамилия была записана в «Книгу отличнейших воспитанников, выпущенных из Пажеского е. и. в. корпуса с 1834 г.».

Приказами начальника военно-учебных заведений от 16 марта 1848 г. и 8 марта 1849 г. младший, Григорий, зачислен в воспитанником корпуса. 23 марта 1849 г. Н. Н. Ланская через своего мужа, генерал-лейтенанта П. П. Ланского обратилась к директору корпуса В. Зиновьеву с прошением разрешить ее сыну Григорию остаться дома до 1850 г. «по случаю болезни». По Высочайшему соизволению, 30 августа 1849 г., Григорию Пушкину разрешено было остаться при матери. Не получив своевременно извещения об отсрочке, 2 сентября 1849 г. он прибыл в корпус. В апреле 1853 г. представлен к производству в офицеры; 13 августа указом придворной конторы пожалован в камер-пажи. 14 августа Григорий Пушкин был произведен в корнеты с назначением в лейб-гвардии Конный полк, где служили его отчим и брат.

В феврале 1869 г. полковник А. А. Пушкин был прикомандирован к 14-му драгунскому Малороссийскому полку, находился в распоряжении командующего войсками Виленского военного округа и был представлен к зачислению кандидатом на должность командира полка.

В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. А. А. Пушкин принимал участие в боевых действиях в составе 13-го гусарского Нарвского полка. 21 сентября 1880 г. зачислен в списки Нарвского полка за боевые отличия с оставлением в прежней должности — командира 1-й кавалерийской бригады. Историограф А. Н. Тихановский в «Памятке истории Нарвского кавалерийского полка» (СПб., 1897) писал: «Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин являл собой идеал командира-джентльмена, стоявшего во главе старинного гусарского полка».

9 октября 1890 г. генерал-майор Свиты е. и. в. А. А. Пушкин был зачислен в запас армейской кавалерии с производством в генерал-лейтенанты. В архиве также имеется: запасно-отпускной билет А. А. Пушкина (1890), извещение о назначении пенсии (1890), свидетельство о политической благонадежности (1891), прошение об отставке (1891), его полный послужной список как почетного опекуна Московского присутствия Опекунского Совета учреждений императрицы Марии (1904) и заметка «О 50-летнем юбилее нахождения г.-л. А. А. Пушкина в офицерских чинах».

К 1865 г. Г. А. Пушкин имел чин подполковника армейской пехоты, числился при МВД и дослужился до статского советника. С 1866 по 1899 г. занимался хозяйством в с. Михайловском. К 1902 г. в отставке, был женат на В. А. Мельниковой и жил в ее имении Маркутье (Маркучай) под г. Вильно.

Старшая дочь поэта *Мария Александровна Пушкина (1832—1919)* в 1860 г. вышла замуж за выпускника Пажеского корпуса, поручика лейб-гвардии Конного полка Леонида Николаевича Гартунга. В его послужном списке была сделана запись следующего содержания: «женат на дочери умершего камер-юнкера, фрейлине Ее Величества М. А. Пушкиной». К 1875 г. он имел чин генерал-майора и занимал должность члена Совета Главного управления государственного коннозаводства, заведующего 1-м коннозаводским округом и управляющего московскими конными заведениями.

После самоубийства мужа в октябре 1877 г. Мария Александровна осталась без средств к существованию.

В фонде Военно-походной канцелярии е. и. в. сохранилось письмо М. А. Гартунг, написанное изящным почерком на французском языке, адресованное министру финансов о назначении ей пенсии, которую она получала до вступления в брак. Уже 10 ноября 1877 г. генерал-адъютантом графом А. В. Адлербергом было передано распоряжение министру финансов о возобновлении ей пенсии, ранее получаемой.

Вторая дочь Пушкина Наталья Александровна (1836—1913) в первом браке — Дубельт, во втором — носила титул графини Меренберг и была женой немецкого принца Николая Вильгельма Нассауского. По иронии судьбы, ее первый муж Михаил Леонтьевич Дубельт был сыном печально известного Л. В. Дубельта, начальника штаба корпуса жандармов, принимавшего участие в посмертном обыске архива А. С. Пушкина. М. Л. Дубельт — выпускник Пажеского корпуса, накануне свадьбы служил в Апшеронском полку. Записки М. Л. Дубельта с воспоминаниями о службе в армии и семейной жизни с дочерью поэта сохранились в фонде лейб-гвардии Кавалергардского полка и содержат редакторскую правку, сделанную самим Дубельтом. Любопытные подробности о семейной жизни молодой четы, их поездках в гг. Бердичев и Ярославль, пребывание в г. Елисаветграде, куда к ним приезжали в гости М. А. Пушкина и сестры Ланские. Их участие в балах, любительских спектаклях офицеров лейб-гвардии Кирасирского корпуса, отъезд в отпуск за границу и тверское имение Дубельтов, рождение дочери, причины, обстоятельства и условия развода, второе замужество Натальи Александровны — все это нашло отражение в его мемуарах, носящих тенденциозный характер, частично опубликованных в конце XIX в.

В фондах РГВИА содержатся документы не только о родственниках поэта, но и о его современниках, с которыми общался поэт в течение своей непродолжительной жизни. Это — лицеисты и преподаватели пушкинского выпуска, писатели и поэты, журналисты и книгоиздатели, военные, друзья и враги поэта: В. Д. Вольховский, К. К. Данзас, В. К. Кюхельбекер, Е. А. Эн-

гельгардт, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский, Д. Е. Келлер, Я. Л. Исаков, и, конечно, Ф. В. Булгарин и Г. К. Дантес-Геккерн.

Представляют интерес формулярные списки преподавателей и профессоров лицея; списки военно-медицинских и гражданских чиновников, принадлежавших к масонским логам (1822, 1826); переписка о приеме и увольнении, установлении надзора, награждениях преподавателей: И. К. Кайданове, Ф. П. Калиниче, Н. Ф. Кошанском, А. П. Куницыне, Ф. Б. Эльснере и многих других. В фонде Пажеского корпуса сохранилась подлинная опись учебных пособий физического кабинета императорского Царскосельского лицея для занятий по физике, химии, астрономии, составленная профессором лицея *Яковом Ивановичем Карцевым*. Документы воспитанников Пушкинского выпуска содержат сведения как об их учебе в лицее, так и об их дальнейшей судьбе. Интересна «Записка о состоянии Императорского пансиона» (1820) директора лицея *Егора Антоновича Энгельгардта (1775—1862)*, предназначенная для министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына с упоминанием о поэте: «...один только несчастный увлекает пылкостью молодого таланта, слишком рано развитого и... безрассудными хвалами родственников и друзей их превознесенного, впал в пагубные заблуждения, относящиеся более к голове, чем к сердцу его, но и сего заблудшего отеческая благодать не совсем отринула — Пушкин призрен и может быть спасен». Черновой вариант записки (1821) с исправлениями И. И. Пущина и Е. А. Энгельгардта находится на хранении в Пушкинском Доме.

Знакомство Пушкина с *Денисом Васильевичем Давыдовым (1784—1839)*, поэтом и военным писателем, членом литературного общества «Арзамас», генерал-лейтенантом, началось еще в г. Петербурге в декабре 1818 — январе 1819 г. В тридцатых годах Денис Васильевич жил в своем имении Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии, занимался исключительно литературой, писал мемуары и «воевал с цензурой», лишь изредка приезжая в Москву. С апреля 1834 г. по январь 1836 г. Денис Васильевич Давыдов переписывался с А. С. Пушкиным о редактировании и издании статей об Отечественной войне. Письма Давыдова Пушкину сохранились в личном фонде Д. В. Давыдова, находящемся в РГВИА. С некоторой долей уверенности можно предположить, что они были возвращены Давыдову В. А. Жуковским, разбивавшим пушкинский архив. Дань уважения и признательности «певцу-гусару» Пушкин выразил в стихотворениях, в т. ч. «Денису Васильевичу Давыдову», список которого был сделан Давыдовым для своей жены С. Н. Давыдовой в письме от 27 января 1836 г.

Современник Пушкина *Дмитрий Егорович Келлер (1807—1839)* оставил свои мемуары о поэте, опубликованные под названием «Дневник надворного советника Келлера». Их автор — воспитанник IV курса Царскосельского лицея (1826), чиновник канцелярии военного министерства, переводчик дневника сподвижника Петра I Патрика Гордона. Записи в дневнике Келлера, сделанные по памяти после смерти поэта, содержат изложение их беседы [17 декабря 1836 г.] об объеме, переводе и издании рукописи П. Гордона, порученной Келлеру. В начале января 1837 г. состоялась их вторая встреча, во время которой шел разговор о составлении истории Петра Великого, возложенной на Пушкина.

Последуэльным событиям и оценке петербургским светом гибели поэта посвящен еще один отрывок из «дневника» Келлера. На именинах жены генерал-майора Е. Ф. Мейендорфа Ольги Федоровны, отмечавшихся в конце января — начале февраля 1837 г., обсуждалась дуэль Пушкина с Геккерном.

Судьбе Д. Келлера, анализу его мемуаров и тщетным попыткам обнаружить его пропавший личный архив, удачному эксперименту восстановления (реконструкции) отдельных листов его рукописи посвящены статьи как дореволюционных, так и советских авторов.

Однокашник Пушкина *Константин Карлович Данзас (1801—1870)* и после окончания лицея был дружен с поэтом. 7 февраля 1837 г. по Высочайшему повелению инженер-подполковник Данзас был предан военному суду при лейб-гвардии Конном полку за нахождение секундантом на дуэли Пушкина с Геккерном. В военно-судном деле, ранее не публиковавшемся, содержатся переписка о предании суду Данзаса, Высочайшая конфирмация, приказ по инженерному корпусу о смягчении наказания Данзасу как заслуженному офицеру, рапорт о его освобождении из С.-Петербургской крепости по истечении срока ареста и т. д. Так, рапортом от 19 марта 1837 г. начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютант Г. А. Веймарн доносил генерал-инспектору по инженерной части А. К. Геруа об осуждении Данзаса «за неприятие всех зависящих мер к отвращению сей дуэли».

Запрещенные цензурой к печати сочинения опального поэта переписывались с рукописей, находившихся у его знакомых и распространявшихся помимо воли автора в виде списков. В середине двадцатых годов «вольнодумственные» и «богохульные» стихи Пушкина в многочисленных списках вызвали пристальный интерес со стороны III Отделения. В 1826—1828 гг. последовали доносы на владельцев списков произведений Пушкина, под суд и следствие попали как гражданские лица, так и военные. Во-

енно-судные дела из-за стихов «предосудительного содержания» были заведены: на капитана А. Алексеева, Ф. О. Дунаевского и А. А. Шишкова, прапорщиков Барятинского и Л. А. Молчанова и подпрапорщика Шаталова, братьев — поручика и майора М. И. и П. И. Критских, П. Балабухи и Бутовского, П. Я. Чаадаева. В комиссию военного суда при лейб-гвардии Конно-егерского полка вызывался и сам поэт.

Выявленные в архиве документы по Пушкинской тематике имеются более чем в 40 фондах архива и охватывают промежуток времени с 1727 по 1919 г. Их можно условно разделить на пять тематических групп: фонды экспедиций Военной коллегии, департаментов и главных управлений военного министерства; фонды воинских частей и военных округов; фонды военно-учебных заведений; фонды личного происхождения; коллекции.

Источники о Пушкине и его окружении как опубликованные, так и ранее неизвестные экспонировались на различных выставках. На юбилейной выставке 1937 г. были представлены подлинные материалы из фондов военно-исторического архива: «О чиновнике X класса Пушкине» (1826), «О поступке Пушкина при встрече с Кюхельбекером» (1827), «О сочинениях Пушкина и его комиссионере Плетневе» (1826), «О предании суду поручика де Геккерна за происшедшую между ним и камергером Пушкиным дуэль» (1837), «Письмо Бенкендорфа Пушкину» (1826) и др. Как видно из переписки архива с Центральным архивным управлением, некоторые из документов, находившихся на выставке в 1937 г., были переданы в Государственный музей А. С. Пушкина на постоянное хранение.

На выставке в Политехническом музее в 1997 г., посвященной 200-летию образования Военно-Ученого архива, экспонировалась копия записки Ф. В. Булгарина «Нечто о Царскосельском лицее и духе оногo». В 1998 г. по инициативе Управления культуры и досуга Центрального административного округа в библиотеке им А. С. Пушкина (попечительницей которого была дочь поэта М. А. Гартунг) была открыта постоянно действующая выставка копий документов РГВИА о поэте и его окружении.

*Е. А. Чиркова,
начальник отдела
Государственного архива
Российской Федерации*

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О А. С. ПУШКИНЕ И ЕГО ОКРУЖЕНИИ

Свидетельства почти двухсотлетней истории России, ее славы и могущества, побед и поражений хранят два комплекса архивных зданий — на Большой Пироговской улице и на Бережковской набережной, составляющих Государственный архив РФ — одно из крупнейших постоянно пополняющихся архивохранилищ страны. В настоящее время в нем насчитывается свыше пяти миллионов единиц хранения с начала 1800-х и до середины 1990-х гг. В состав некоторых коллекций и личных фондов входят отдельные документы XVII и XVIII вв.

В отделе хранения документов по истории Российской империи, насчитывающем в своих фондах около миллиона единиц хранения, то есть примерно одну пятую часть всего документального богатства Государственного архива, сосредоточены материалы досоветского периода. Это два комплекса документов: фонды личного происхождения и органов государственного управления и общественных организаций.

Материалы, связанные с именем А. С. Пушкина, отложились в ряде личных фондов, в коллекции рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца и в делах знаменитого III Отделения собственной его императорского величества канцелярии — органа, обладавшего почти неограниченными полномочиями и всеобъемлющими функциями на протяжении более полувека русской истории.

В фонде III Отделения сохранилось значительное количество документов, связанных с именами великих писателей, знаменитых ученых, выдающихся общественных деятелей. В их числе письмо В. А. Жуковского Николаю I от 22 июля 1831 г. В этом письме Жуковский заступался за А. И. Тургенева, который незадолго перед тем вернулся из-за границы, куда уехал после того, как его брат Н. И. Тургенев был заочно осужден Верховным уголовным судом по делу декабристов. Один из аргументов, который привел Жуковский в защиту Тургенева: «...он, верьте, государь, не был бы вреден теперь и Пушкину, ибо в прежнее время, когда пылкая молодость сводила Пушкина с прямого пу-

ти, никто более А. Тургенева не старался его укрощать и наводить на прямую дорогу». (Ф. 109. Секретный Архив. Оп. 1. Д. 1899.) Здесь же отложился всеподданнейший доклад комиссии, назначенной для выяснения авторства поэмы «Гавриилиада» в составе В. П. Кочубея, П. А. Толстого и А. Н. Голицына от 28 августа 1828 г.

Резолюция Николая I гласила: «Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем.» (Ф. 109. Оп. 221. Д. 7. Л. 87.)

К делам III Отделения также относятся два малоизвестных документа: «Клеветникам России» — вольное переложение на французский язык одноименного стихотворения А. С. Пушкина — «проба пера» президента Академии наук С. С. Уварова и его письмо к А. Х. Бенкендорфу, в котором он, пересылая свое произведение шефу жандармов, просил, если тот сочтет возможным, преподнести его императору: «Прекрасные стихи Пушкина, озаглавленные «Клеветникам России», породили во мне желание их перевести или, точнее, написать подражание по французски... дабы они достигли своего адресата» (Ф. 109. Секретный Архив. Оп. 1. Д. 1901.). Бенкендорф небрежно пометил на письме, что согласился оставить присланный текст у себя.

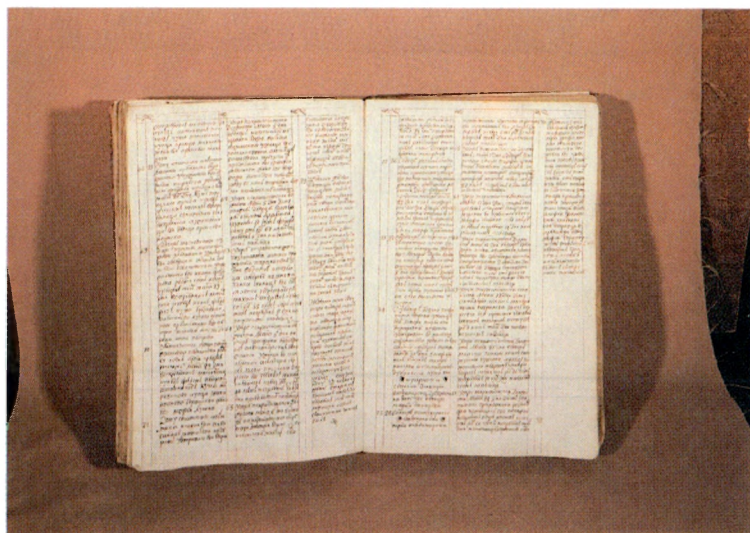
Первый поэт России и первый ее жандарм волей императора были тесно связаны на протяжении последних десяти лет жизни Пушкина. Начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов А. Х. Бенкендорф осуществлял на практике «отеческую заботу» Николая I о поэте, став посредником в их отношениях. Вскоре после возвращения поэта из ссылки и Высочайшей аудиенции в Кремле Бенкендорф доносил императору: «Писатель Пушкин в Москве; во всех салонах он отзывается с признательностью и величайшей преданностью о Вашем императорском величестве, тем не менее за ним пристально наблюдают» (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 1. Л. 132.).

До какой степени пристальным было это наблюдение свидетельствует факт перлюстрации писем С. Л. Пушкина к родственникам, в которых речь шла об Александре Сергеевиче. Имеются в виду письма Сергея Львовича к брату Василию Львовичу от 17 апреля 1826 г. и к мужу сестры М. М. Сонцову с жалобами на поэта (Ф. 109. Секретный Архив. Оп. 1. Д. 1882.).

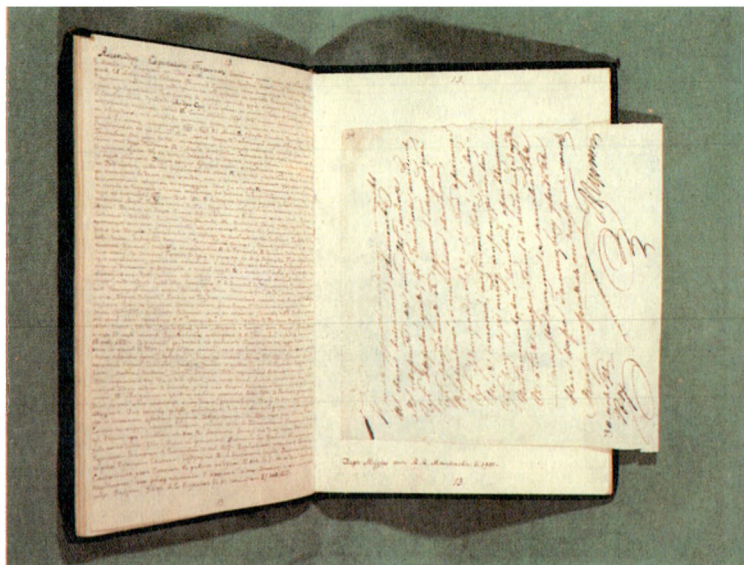
Второй доклад Бенкендорфа о Пушкине относится к 1834 г. В нем речь идет о такой желанной для поэта отставке со службы, другими словами, о свободе от службы, двора, официального Петербурга. Надо отдать должное проницательности и уму шефа

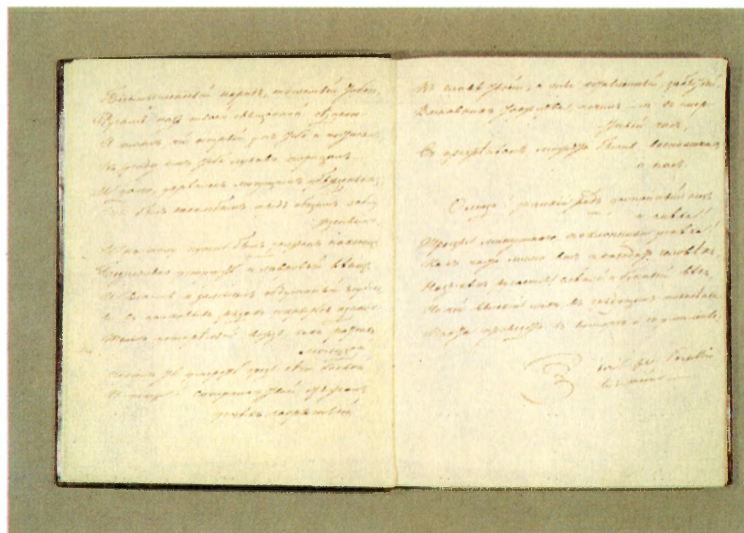
*Выставка «А. С. Пушкин в московских архивах»
в залах Государственного музея А. С. Пушкина*

*Метрическая книга церкви Богоявления в Елохове
с записью о рождении А. С. Пушкина. 1799 г. ЦИАМ*

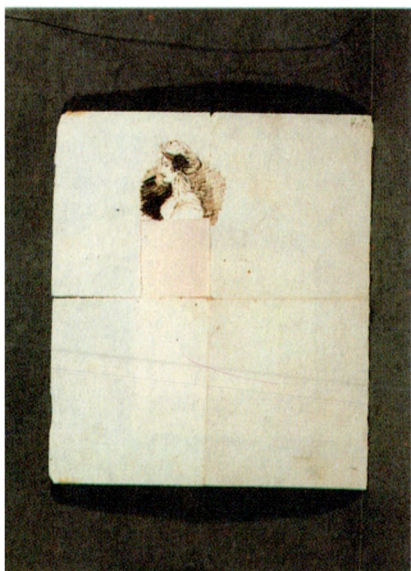
Стихотворение А. С. Пушкина «Краев чужих неопытный любитель...»
Автограф. 1817 г. РГАЛИ

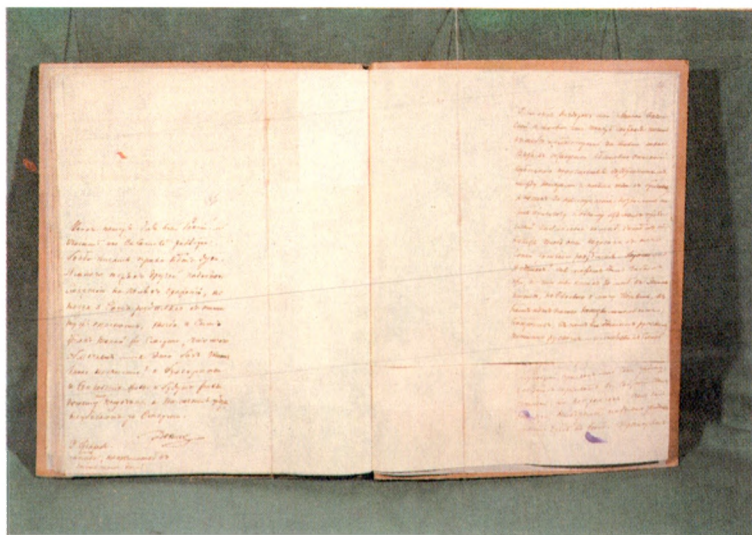
Стихотворение А. С. Пушкина «Полководеу». 1835 г. Записано поэтом
(в конце 1836 г.) в альбом вел. кн. Елены Павловны. ГА РФ

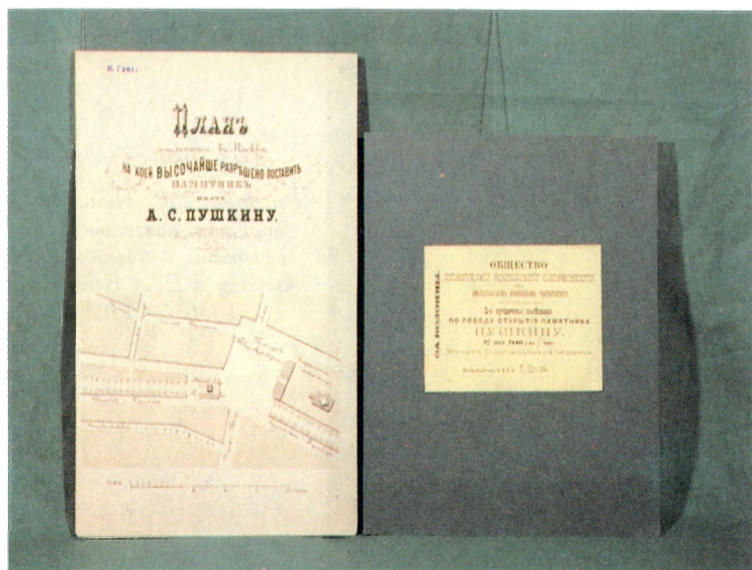
Герб рода Гончаровых. 1789 г. РГАДА

*Рисунок А. С. Пушкина —
портрет невесты Н. Н.
Гончаровой — в письме Е. М.
Хитрово к П. А. Вяземскому.
1830 г. РГАЛИ*

*Письмо Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому о смерти А. С. Пушкина.
3 февраля 1837 г. РГВИА*

План местности в Москве, где должен быть поставлен памятник А. С. Пушкину, и пригласительный билет на 1-е заседание Общества любителей российской словесности 27 мая 1880 г. по поводу открытия памятника А. С. Пушкину. РГАЛИ

жандармов, он вполне разгадал это тайное желание Пушкина и резюмировал свой доклад знаменательной фразой: «Лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе». Император не возражал: «Я его прощаю... Но ему нужно объяснить еще раз... то, что можно простить однажды 20-летнему юноше, непостоянно человеку 35 лет, женатому и отцу семейства» (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 4. Л. 22 об.). Третий доклад касался посмертной судьбы поэта. В нем речь шла о желании К. К. Данзаса сопровождать гроб с телом Пушкина в Псков. Бенкендорф писал: «У меня был Александр Тургенев. Отец его послал ко мне, дабы у Вашего величества испросить позволения для Данзаса сопровождать гроб с телом Пушкина в Псковскую губернию, где оно будет предано земле. Я полагаю это затруднительным, поскольку он находится под следствием, может быть, было бы лучше возложить эту миссию на одного из друзей покойного...». Резолюция Николая II гласила: «Я уже сделал много, оставив его на свободе... Почему бы Тургеневу не сопровождать его самому?» (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 5. Л. 25).

Вообще эти записки на одной или двух страницах размером в осьмушку, написанные размашистым почерком Бенкендорфа, назвать докладами можно только условно. Однако эти листочки с небрежными карандашными пометками царя, как правило, оказывали решающее влияние на жизнь и судьбу поэта.

Доклады Бенкендорфа отложились в коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца — огромном (более 4 тыс. единиц хранения) собрании ценнейших документов XVIII—XIX вв. В этой коллекции хранятся дневники лицейского товарища А. С. Пушкина — статс-секретаря М. А. Корфа. Дневник Корфа — интересный и своеобразный документ, в котором записи о текущих событиях зачастую перемежались обширными мемуарными отступлениями. В материалах Корфа сохранился один из трех драгоценных автографов поэта — его подпись в списке желающих стать читателями журнала «Неопытное перо» в 1818 г. (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1084).

Среди документов, отложившихся в личных фондах, — еще два автографа А. С. Пушкина: стихотворение «Полководец» (1835) из фонда великой княгини Елены Павловны, урожденной Фредерики-Шарлотты-Марии, принцессы Вюртембергской, ставшей в 1824 г. женой младшего брата императора великого князя Михаила Павловича, и эпиграмма «К портрету NN» (1834) из фонда певицы-любительницы П. А. Бартевой.

Среди личных фондов, содержащих пушкинские материалы, первое место по количеству документов, связанных с именем поэта, занимает фонд лицейского товарища А. С. Пушкина, канцлера Российской империи и светлейшего князя А. М. Горчакова.

Это, прежде всего, ранние, лицейского периода, стихотворения Пушкина, переписанные Горчаковым, вероятно, сразу же после их создания поэтом, с его рукописи. Доказательством этого служит список Горчакова пушкинского стихотворения «К Наташе» (1815), не публиковавшегося при жизни автора.

В фонде Горчакова сохранился любопытный документ — характеристика всех лицеистов, составленные в 1813 г. надзирателем по учебной и нравственной части В. В. Чачковым, где дается оценка всех 29 воспитанников Царскосельского лицея, начиная с лучших. Александр Пушкин по своим «свойствам и поведению» занимает в нем 24-е место. Александр Горчаков — почетное пятое (Ф. 828. Оп. 1. Д. 132).

В этом же фонде отложился комплекс материалов, связанных с дуэлью и гибелью поэта, начиная с печально знаменитого диплома ордена рогоносцев — анонимного пасквиля, полученного поэтом 4 ноября 1836 г. Это — преддуэльная переписка Пушкина и Геккерна, письмо Пушкина Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г., в котором смертельно оскорбленный поэт гордо и мужественно объявлял царю и свету, что убедился в том, что «анонимное письмо исходило от г-на Геккерна... Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому-то ни было доказательства того, что утверждаю» (Ф. 828. Оп. 1. Д. 74). С подлинных документов были в свое время по просьбе Горчакова сделаны копии, которые и хранились в его личном архиве. Сохранил он и стихотворные отклики на смерть Пушкина: гениальное лермонтовское «Смерть поэта» в трех списках с разночтениями и скорбные строки ныне забытых Э. И. Губера (Губерта) «На смерть А. С. Пушкина» и А. С. Норова «Погас луч света» (на смерть Пушкина).

Вообще о дуэли и смерти поэта современники оставили много свидетельств в своих дневниках и переписке. Из них в Государственном архиве отложились рассказы очевидцев, достаточно осведомленных. Это — дневниковые записи мореплавателя и географа, а с 1832 г. воспитателя великого князя Константина Николаевича Ф. П. Литке (Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1111) и записная книжка и письмо А. П. Дурново, жены камергера и знакомой Пушкина (Ф. 828. Оп. 1. Д. 81, 82).

В переписке и дневниках членов царствующего дома также нашли отражение трагические события конца 1836 — начала 1837 гг. 29 января цесаревич Александр Николаевич записал: «Во время обеда узнали, что бедный Пушкин от раны скончался в три четверти 3 часа» (Ф. 678. Оп. 1. Д. 286). 3 февраля император сообщал о гибели поэта в письме к младшему брату великому князю Михаилу Павловичу (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1402). Ему же об

этом очень эмоционально и подробно писал князь П. А. Вяземский 14 февраля. Из документов, отложившихся в романовских фондах, стоит упомянуть по-детски старательно переписанное маленьким цесаревичем Александром Николаевичем стихотворение Пушкина «Песнь о вешем Олеге». Спустя почти полвека император Александр II делает помету: «весьма справедливо» на перлюстрированном письме некоего А. Владимирова о дурном влиянии на юных читателей пушкинских строк: «Выпьем, добрая подружка бедной юности моей...».

В личном фонде Николая I отложился рисунок младшего брата цесаревича великого князя Константина Николаевича к «Капитанской дочке» (Ф. 672. Оп. 1. Д. 380). Свидетельство другой эпохи — дневник сына Константина Николаевича великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук о торжествах по случаю 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина (Ф. 660. Оп. 1. д. 46).

Тема «Пушкин и декабристы» в Государственном архиве представлена разнообразными и многочисленными документами. Имя Пушкина и его вольные стихи красной нитью проходят практически через все следствие по делу декабристов (Ф. 48). Очень многим лицам, привлеченным к дознанию, пришлось отвечать на вопросы, когда, где и при каких обстоятельствах они познакомились с вольнолюбивой лирикой Пушкина. В личных собраниях также отложилось немало материалов по этой теме. Среди них списки произведений поэта, сделанные И. И. Пушиным и Н. М. Муравьевым. Необычный документ — платок А. Г. Муравьевой с переписанными на нем текстами документов, связанных с ее переездом в Сибирь к мужу Н. М. Муравьеву.

В кратком обзоре невозможно перечислить все документы ГА РФ, так или иначе связанные с жизнью, творчеством и трагической гибелью поэта. Практически все эти материалы уже давно введены в научный оборот, большинство из них опубликовано, и тем не менее каждый документ достоин отдельного рассказа, поскольку у каждого — своя история, связанная с бессмертным именем — Пушкин.

*С. Р. Долгова,
начальник отдела
Российского государственного
архива древних актов, к. ф. н.*

ПУШКИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

РГАДА — один из главных архивов России, который хранит множество материалов, связанных с именем поэта или его окружения. Хотя сейчас, просматривая записи, видишь запись 1937 г.: передано комиссии по организации юбилейной выставки; это конечно, прежде всего автографы А. С. Пушкина.

Начнем, пожалуй, с предков Пушкина. Только недавно удалось установить, что родословная фамилии была составлена Алексеем Федоровичем Малиновским — близким другом семьи — вот при каких обстоятельствах. В 1799 г., в год рождения поэта, семья Сергея Львовича уехала в Михайловское, поручив Василию Львовичу Пушкину получить в Коллежском архиве родословную рода Пушкиных.хлопоты о выдаче справки были затеяны в связи с сенатским указом, «чтобы каждому дворянину, который не имеет при себе документов на дворянство предков своих, дали знать, дабы испросили себе выписи». С такой просьбой и обратился Василий Львович к А. Ф. Малиновскому, который великолепно ориентировался в основных источниках по генеалогии боярских и дворянских родов XVI—XVII вв.: разрядных, боярских и родословных книгах, грамотах, судных и местнических делах. Отпуск родословной был обнаружен в 1974 г. в канцелярии Коллежского архива¹.

В начале документа имеется пояснительная запись Малиновского о том, что, предъявив поколенную роспись роду своему, «лейб-гвардии Измайловскому полку поручик Василий Львов сын Пушкин... просил о даче ему касательно выезда родоначальника его, о службе предков его и герба, фамилии его принадлежащего». Малиновский выписи засвидетельствовал с пополнением. Далее идут знакомые нам уже имена предков А. С. Пушкина, перечисление их ратных и государственных дел на службе отечеству.

В эти годы Пушкины, Алексей Федорович и его брат Василий Федорович Малиновские жили в одной Троицкой слободе на окраине Москвы. (И сейчас стоит церковь Троицы, в ее приходе в начале XVIII в. находилось обширное имение с большим

барским домом и плодоносным садом). В 1718 г. имение это перешло от одного родственника к лейб-гвардейцу Преображенского полка Александру Петровичу Пушкину, прадеду великого поэта. Здесь же в церкви священниками были Малиновские. Семьи были издавна знакомы и хорошо осведомлены о всех происходящих в их домах событиях, радостных и печальных. Священники Малиновские крестили родившихся в Москве детей Л. А. Пушкина, его дворовых, венчали, провожали в последний путь. А Лев Александрович был в числе тех, кто поставил подпись под прошением в Синод за священника Федора Малиновского². И сегодня богатейшее хранилище важнейших источников, позволяющее проследить историю нашей страны, дает возможность для новых находок, которые, безусловно, заинтересовали бы и Александра Сергеевича. Вот один из них. Обнаружено одно из самых ранних упоминаний о Ганнибалах. Это запись, сделанная в Посольском приказе в 1704 г., о расспросе «сербиянина» Андрея Васильева. Он прибыл в Москву с поручениями от русского торгового посла, агента Саввы Рагузинского, имея при себе проезжий лист посла в Турции Петра Толстого. А при допросе Васильев показал, «что господин его Сава Рагузинский, взяв царского величества у посла у Петра Толстого помянутый проезжий лист, отпустил его Андрея из Царьграда в нынешнем 1704 году в августе месяце сухим путем через Волошскую землю и послал с ним к Москве трех человек арапов малых робят... И тех арапов трех человек к Москве привез он Андрей во великой целости, и стал с ними в Богоявленском монастыре, что за ветошным рядом...»³. Один из маленьких арапов был Абрам Петрович Ганнибал. Второй, как уже известно давно, был его брат, в дальнейшем военный музыкант. Документы архива рассказывают о дальнейшей судьбе «Аврама». Известно, что во время путешествия в Европу Петр оставил сопровождавшего юношу в Париже для обучения военным и фортификационным наукам. Это было в июне 1717 г. В Москву посланец царя вернулся 27 января 1723 г. и привез ценнейшую коллекцию, опись которой сохранилась в фонде «Кабинет Петра I». Документ так и называется «Роспись книгам и инструментам, которые приняты у Аврама арапа». В росписи перечислены «3 готовальни, инструмент, чем вытаскивают зубы, фут галанский. Книги: Новый завет, Разговоры на галанском и русском языках, О должности генеральской, Правы французские морские...». Отдельно обозначены инструменты, компасы, солнечные часы, циркули, «машина жестяная, что ставят у водяных ключей»⁴. После смерти Екатерины I власть на короткое время перешла к А. Д. Меншикову, который обвинил арапа в заговоре, сослал в Казань, а затем в Сибирь, правда, оставив на государственной службе. Тут и употребил Ав-

рам впервые фамилию Ганнибал. По дороге он писал «святлейшему» письма, где напоминал ему, что обучился «инженерству» во Франции. В другом он жалуется: «...И хотя я в Казани порученного мне прежде дела не докончил, а только было начал исправлять, но по получении одного ордера более мешкать не смел и поехал из Казани в Тобольск сего нижеписанного числа, о чем Вашей высококняжеской светлости донести осталось...» (28 июня 1727 г.). Эти письма хранятся сейчас в личном фонде А. Д. Меншикова⁵.

Пройдет много лет, и в своем письме к Екатерине II от 3 декабря 1765 г. Абрам Петрович Ганнибал сообщит, что в свое время был под смотрением его «собственно ее Величества Кабинет, в котором чертежи, прожекты и библиотека имелись». Документы и ныне в фонде «Кабинета Петра I».

Многие материалы архива рассказывают о памятных пушкинских местах. В делах Сената хранится одно из ранних свидетельств о селе Михайловском. 4 октября 1744 г. князь Трубецкой доложил: «По резолюции 18 января 1742 года по челобитью генерал-майора и ревельского обер-коменданта Авраама Аннибала велено на пожалованные ему по всемилостивейшему Е. И. В. 12 того же января указу по Псковскому уезду городе Воронин Михайловской губы с крестьянами и со всеми принадлежностями в вечное владение сочинить диплом». Имеется в архиве и описание этого имения конца XVIII в., где «дом господский деревянный со службами и при нем сад с плодovitыми деревьями»⁶.

В 1758— начале 1759 г. А. П. Ганнибал покупает под Петербургом мызу Суйду с деревнями. В архиве обнаружены описание и старинный план этих мест, составленный при специальном межевании Петербургской губернии; на плане хорошо видны постройки и парковый ансамбль⁷. Интересны и новые сведения о нижегородских имениях Пушкиных. На одном из них автограф Василия Львовича — это его подпись на доверенности надворному советнику Н. Н. Николаеву (1817), который вел его наследственные дела по Болдину после смерти сестры Анны Львовны⁸.

Другой автограф — Сергея Львовича (1822), который просит выдать ему свидетельство на владение Болдином (Сергиевским)⁹. Из одного документа Нижегородской палаты становится известна судьба крестьянина деревни Кистинева (Тимашево) Василия Ивановича, который был подброшен младенцем крестьянину Пушкиных и стал их крепостным, и только во время рекрутского набора выяснилось, что он «незаконнорожденный солдатский сын и семья его живет в соседней деревне»¹⁰.

Еще один комплекс документов связан с изучением А. С. Пушкиным архивов для создания своих исторических

трудов. «В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6», — писал А. С. Пушкин жене из Москвы в мае 1836 г. В это время поэт работает над историей Петра. В Коллегии иностранных дел он читал в подлиннике «Приговор Верховного суда по делу царевича Алексея Петровича», «Духовный регламент с пометами Петра I». Пушкина интересовали и документы, связанные с событиями Крестьянской войны 1773—1775 г. Он использовал манифесты Е. И. Пугачева, допросы его сподвижников и воспоминания очевидцев в качестве материалов для создания «Истории Пугачевского бунта». Глубокое влияние на интерес Пушкина к истории оказали его друзья и знакомые, в том числе «архивны юноши».

В РГАДА хранится уникальный по своему значению фонд Гончаровых, который был вывезен из Полотняного Завода в Калугу, а в 1937 г. в Москву. Здесь в последние годы ученые обнаружили и прочли подлинное письмо А. С. Пушкина Гончарову, а также письма его сестер.

На выставку в Государственный музей А. С. Пушкина были представлены четыре документа из этого фонда. Первым, если придерживаться хронологии, нужно назвать герб Гончаровых. История семьи Гончаровых тесно связана со старинным русским городом Калугой, где Гончаровы были известны как горшечники и имели небольшую гончарную лавку. Потомок этих горшечников Афанасий Абрамович Гончаров нажил огромное состояние. Наряду с фабриками и заводами у него было 75 вотчин. Парусные полотна его фабрики имели большой спрос не только в России, но и за рубежом. Петр I, создававший в те времена русский флот, ценил предпринимательскую деятельность Гончарова и всячески ему покровительствовал. Императрица Елизавета Петровна пожаловала ему чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство. В 1789 г. Екатерина II подтвердила это право специальным указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича, Афанасию Николаевичу, деду Натальи Николаевны. Жалованная грамота Гончаровым на дворянское достоинство и о пожаловании дворянского герба от 20 октября 1789 г., богато оформленная, с вислой печатью в позолоченно-серебряном ковчеге, также хранится в РГАДА¹¹. Приводим описание герба Гончаровых¹²: «Герб Гончарова. Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображена серебряная Звезда шестиугольная, в нижней части в красном поле серебряная же Шпага, перпендикулярно остроконечием обращенная вниз. Щит увенчан остроконечным Дворянским Шлемом с строусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный серебром...

Афанасий Гончаров, за размножение и заведение парусных и бумажных фабрик, в 1744-м году пожалован Коллежским

ассессором. Сын его Николай Гончаров в 1777-м из воинской службы оставлен Майором; а внук Афанасий Николаев сын Гончаров в службу вступил в 1770-м году, в 1786-м — произведен Надворным Советником, и находясь в сем чине, 1789-го года Октября во 2-й день пожалован на дворянское достоинство дипломом. Все сие выписано из копии с помянутаго Диплома».

Письмо А. С. Пушкина Дмитрию Николаевичу Гончарову было обнаружено в РГАДА¹³ двумя московскими исследователями Ириной Михайловной Ободовской и Михаилом Алексеевичем Дементьевым в 1970 г. и впервые опубликовано в «Литературной газете» от 9 декабря 1970 г. в заметке «Редчайшая находка». Затем оно неоднократно публиковалось в их книгах: «Вокруг Пушкина» (М., 1975), «Наталья Николаевна Пушкина» (М., 1985). Письмо датируется публикаторами концом мая — июнем 1833 г. В новейшем труде Стеллы Абрамович эта дата аргументированно уточняется: около 20—23 мая. «Пушкин видится,— пишет С. Абрамович,— со своим знакомым князем В. С. Голицыным, приехавшим в Петербург. По просьбе Д. Н. Гончарова поэт говорит с ним о возможности сделать у него крупный заем в размере 30—40 тысяч рублей (деньги эти необходимы были Дмитрию Николаевичу, чтобы распутаться с долгами покойного дедушки и наладить дела в Полотняном Заводе)»¹⁴.

Письмо говорит о материальных затруднениях семьи Пушкина и о стремлении поэта обеспечить будущее детей. «Семья моя увеличивается,— пишет А. С. Пушкин Д. Н. Гончарову,— служба вынуждает меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают,— так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние». Несомненно, что письмо А. С. Пушкина Д. Н. Гончарову — самая уникальная находка за последние десятилетия.

В РГАДА хранятся письма сестер Гончаровых, которые также в основном были опубликованы И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым. Письма раскрывают перед нами совершенно новые

душевные качества Натальи Николаевны Пушкиной: ее, несмотря на молодость, заботу о семье, родных, об издательских делах мужа, в которые, как становится известно, она была посвящена. Первые письма относятся к 1833 г., когда материальное положение Пушкиных ухудшилось и Наталья Николаевна была вынуждена обращаться за помощью к брату Дмитрию Николаевичу. Представленное на выставке письмо Н. Н. Гончарова написала брату Дмитрию вскоре после родов¹⁵.

23 мая 1836 г. она родила дочь Наталью. К этому времени у Пушкина было долгов около 77 тыс. рублей; понятно, что обеспокоенная этим Наталья Николаевна решила более настойчиво просить у брата увеличения содержания: «Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах. Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится, несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощи матери содержание, равное тому, какое получают сестры, и, если это возможно, чтобы я начала получать его до января, то есть с будущего месяца. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом».

Письмо Дантеса к императору Николаю I от 1 мая 1851 г.¹⁶ свидетельствует о том, что и после смерти Екатерины Николаевны продолжались со стороны Геккернов многолетние требования денег на содержание детей, требования богатых людей к обедневшим Гончаровым.

22 сентября 1843 г. Екатерина Дантес наконец родила долгожданного сына, стоившего ей жизни. 15 октября она скончалась после тяжелой послеродовой болезни. Дмитрий Николаевич Гончаров, получив это печальное известие, видимо, обещал помочь племянникам. Об этом говорится в письме к нему от 22 декабря 1843 г. Дантеса: «Благодарю Вас также, добрый брат, за письмо, которое Вы написали барону Геккерну, из него я имел счастье узнать, что Вы горячо принимаете к сердцу интересы вашей сестры, и я надеюсь, что Вы будете иметь возможность сдержать свои обещания, сделанные таким приятным образом»¹⁷. Об этом же хлопочет Луи Геккерн, который в письме к Д. Н. Гончарову умоляет его не дать ему «изнемогать под тяжестью расходов на содержание и воспитание бедных маленьких сирот»¹⁸.

В 1848 г. Дантес возбуждает против Гончаровых процесс, требуя ликвидации задолженности и доли имущества после смерти тещи, которая умерла в 1848 г. По этому же поводу он

обращается за помощью к Николаю I 1 мая 1851 г. Император письмо прочел, об этом говорит его резолюция на первом листе, и отослал просьбу Дантеса к генерал-адъютанту графу Орлову: «для принятия возможных мер, чтобы склонить братьев Гончаровых к миролюбивому с ним соглашению». Через Министерство иностранных дел в марте 1852 г. Дантесу было об этом сообщено.

После смерти поэта над его детьми была назначена опека. Опекуны привели в порядок дела Пушкина, приняли участие в издании собраний сочинений. По просьбе Натальи Николаевны они начали хлопотать о покупке у сонаследников Михайловского. Некоторые документы из Архива Опеки находятся в РГАДА в «Коллекции документов по имениям Пушкиных» (Ф. 1474). Это — «Записка Николая I об уплате долгов А. С. Пушкина и назначении пенсии вдове и детям»; письмо В. А. Жуковского графу А. С. Строганову по делам Опеки (1837); финансовые документы Опеки. На выставке представлена «Книга для записи платежа кредиторам г. Пушкина долгов наличными деньгами и раздачею билетов на его сочинения. 1837 г.». Перечень заимодавцев, названных в книге, дает нам представление о близких не раз выручавших Пушкина друзьях. Это граф М. Ю Виельгорский, полковник В. В. Энгельгардт, П. В. Нащокин, Е. А. Карамзина; знакомые поэта: прапорщик главной инвалидной роты, ростовщик Василий Григорьевич Юрьев, Екатерина Васильевна Шишкина, урожденная Сновидова, отставной полковник Лука Ильич Жемчужников, поручик гвардии капитан А. П. Бибиков, чиновник Министерства иностранных дел Н. М. Смирнов; издатель А. А. Плюшар; книгопродавцы: И. И. Глазунов, Лука Диксон, Ф. М. Беллизар, Н. И. Фомин, Богомоллов; переплетчик Шаблон; купцы и предприниматели: Елизавета Николаевна Кайданова, владелица бумагоделательной фабрики, владелец винного погреба Рацль, владелец «курятной лавки» Алексей Синев, зеленой лавки Владимир Лавров, хлебной лавки Матвей Соловьев, мелочных лавок И. С. Быков и Герасим Дмитриев (29 января у последнего была взята морошка, несколько ягод которой Н. Н. Пушкина дала умирающему мужу), владелец ресторана француз Дюме, владелец мебельной фабрики Генрих Гамбс, купец и домовладелец П. А. Жадимеровский; Пушкины были должны портным Конраду Ручу, Ж. Бригелю и Андрею Кондратьеву; камердинерам Павлу Романькову и Петру Крылову; каретному мастеру А. И. Дриттенпрейсу; аптекарям Леопольду Брунсу и Христиану Типмеру; извозчику Ивану Савельеву; молочнице Аграфене Самсоновой, как следует из записей в тетради, в 1837—1838 гг. долги Пушкиных Опекой были уплачены.

Упомянем, что в этом фонде хранится делопроизводство Комиссии по чествованию 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина при Министерстве государственных имуществ и земледелия 1898—1899 гг., в том числе переписка с Академией наук, Министерством финансов и другими ведомствами об организации торжеств, сбора средств на строительство учебных заведений им. А. С. Пушкина и раздачу выпускникам учебных заведений почетных медалей и сборников его сочинений, дело о пересылке пушкинских материалов из архива Херсонско-Бессарабского управления государственных имуществ.

Примечания

1. РГАДА, Ф. 180. Оп. 1. Кн. 75. Л. 302.
2. Долгова С. Р. Алексей Федорович Малиновский. Очерк в кн.: А. Ф. Малиновский. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 201.
3. РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 320.
4. Там же Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 88. Л. 209—215.
5. Там же Ф. 198. А. Д. Меншиков. Д. 350. Л. 1—2 об.
6. Там же. Ф. 248. Сенат. Д. 1675. Л. 105—113.
7. Там же. Ф. 1328. Материалы Генерального и Специального межеваний по Петербургской губернии. Оп. 5. Д. 493.; Ф. 1355. Экономические примечания к планам Генерального межевания. Оп. 1. Д. 1160. Л. 19 об.— 20.
8. Там же. Ф. 1474. Нижегородская палата гражданского суда. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
9. Там же. Д. 3. Л. 4.
10. Там же. Д. 6. Л. 4.
11. РГАДА. Ф. 1265. Гончаровы. Оп. 5. Д. 44.
12. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. III. С. 146—147.
13. РГАДА Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3252. Л. 269—270 об.
14. Абрамович С. Пушкин в 1833 г. Хроника М., 1994. С. 213.
15. РГАДА Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3252. Л. 158—160.
16. Там же. Оп. 4. Д. 59. Л. 9—10.
17. Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 326.
18. Там же. С. 323.

*Л. А. Перфильева,
научный сотрудник
Государственного музея-
усадьбы «Архангельское»*

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ПРИ Б. Н. ЮСУПОВЕ (1831—1849)

(по материалам Российского государственного архива древних актов)

Достоверно известно, что А. С. Пушкин посетил Архангельское дважды — в 1827 и 1830 гг., и оба раза он приезжал сюда к гостеприимному хозяину усадьбы и создателю ее непревзойденного великолепия Николаю Борисовичу Юсупову (1750—1831). К нему же обращено и знаменитое пушкинское стихотворение («К вельможе», 1830). Получив в июле 1831 г. печальную весть о смерти вельможи, поэт сердечно вздохнул о нем в письме к П. А. Плетневу: «Мой Юсупов умер!»¹. Новым владельцем Архангельского стал единственный сын Николая Борисовича Борис Николаевич Юсупов (1794—1849).

Сверстник Пушкина и его знакомый Б. Н. Юсупов никогда не принадлежал к числу близких друзей поэта — по дистанции их социального и служебного положения, а еще более — по склонностям характера и особенностям личности Бориса Николаевича — ортодоксального представителя чиновничьей николаевской России, о котором некоторые современники позднее вспоминали как об «известном всему Петербургу самодуре»². И Пушкин никогда не бывал при новом владельце в его роскошной подмосковной. Причинами к тому были прежде всего личные обстоятельства жизни поэта 1830-х гг., но немаловажно и другое. Можно предположить, что в своем отношении к новому положению Архангельского Пушкин, скорее всего, безотчетно разделял мнение старых москвичей. Ведь к близкому окружению покойного князя принадлежали и родные Пушкина — его отец Сергей Львович и дядя Василий Львович, друживший с Н. Б. Юсуповым и скончавшийся годом раньше, а также многие из их общих московских знакомых — Арсеньевы, Булгаковы и др. Московский почт-директор А. Я. Булгаков, узнав о смерти Н. Б. Юсупова и предвзято дальнейшие события, писал: «Куда денется славное Архангельское, оранжереи, померанцы удивительные, горенковские растения? <...> Ну где Бориньке все это поддержать?...»³. А год спустя заверял, что Архангельское теперь «...даже не ангельское: Боренька все продает поштучно...»⁴.

Одиозная репутация Бориса Николаевича как «разорителя» и «опустошителя» Архангельского имела чисто московское происхождение. Красноречив «убийственный», по понятиям старых москвичей, приговор, вынесенный Борису Николаевичу коренной москвичкой Елизаветой Петровной Яньковой (прославленной своими мемуарами «бабушкой»), сообщавшей, что Борис Николаевич не только «не живал подолгу в Архангельском», но главное, что «ни разу никто у него там не выпил и чашки чаю...», и добавлявшей при этом, что «...он был очень скуп»⁵. То есть Юсупов-сын был живой антитезой своего отца и по широте натуры, и по «уму», по «щедрости» и «благородным порывам»⁶, а в равной мере и по его отношению к Архангельскому. Такую картину рисуют мемуарные свидетельства.

Вместе с тем обращение к архивным документам дает возможность поставить вопрос об односторонности подобных оценок. Исключительная полнота хранящихся в РГАДА материалов Юсуповского фонда⁷ позволяет составить отчетливое представление обо всех аспектах хозяйственной деятельности Б. Н. Юсупова в Архангельском за период с 1831 по 1849 гг. и оценить действительный характер изменений в этой усадьбе при новом хозяине. К сожалению, в данном сообщении мы сможем уделить внимание лишь некоторым эпизодам жизни Архангельского. И мы выберем те из них, которые показывают главные тенденции перемен и открывают особенности личности владельца Архангельского — пушкинского современника и представителя новой эпохи, открытой воцарением Николаю I.

Итак, в возрасте 36 лет, вполне сложившимся и зрелым человеком, Борис Николаевич Юсупов стал обладателем баснословного богатства — двухсот пятидесяти тысяч десятин земли, более сорока тысяч крестьян, а вместе с тем и долга в размере более трех миллионов рублей. Большинство унаследованных им имений были бездоходными, а Архангельское среди них как главная «увеселительная» резиденция покойного князя — наиболее «расходным». Вступая в наследство, Борис Николаевич декларировал: «Я не из тех помещиков, которые не входят в положение и порядок, без хозяйского глаза и надзора оставляют свои имения на произвол судьбы...», а также: «...каждое предприятие должно приносить пользу...»⁸. То есть Архангельскому заведомо предстояло разделить судьбу всех других имений князя Юсупова: встать «во фронт», в единый строй и занять в общем реестре имений рядовое место. Сделать Архангельское доходным уже не представлялось возможным, но свести его баланс хотя бы к нулю, превратить в образцовую экономию — стало главной задачей князя и его управляющих.

В противовес своему отцу — известному сибариту, Борис Николаевич вообще не был склонен к праздности. Биографы

князя отмечали «заботливость и деятельность в хозяйственном управлении» как отличительные черты его характера, относя «цветущее состояние его имений» к плодам «его личных и постоянных попечений»⁹. Отпуска от службы он проводил в разъездах, обозревая обширные поместья в 17 губерниях. В Архангельском князь бывал не часто, доверяя его управляющим, а навещая свои московские вотчины, князь обыкновенно останавливался в московском доме.

Но Б. Н. Юсупов начал свое хозяйствование не на пустом месте — управление вотчинами было хорошо налажено его отцом. Подмосковная парадная резиденция Архангельское подчинялась Московской домовой Канцелярии князей Юсуповых, а непосредственное управление ею осуществлялось Конторой, или Правлением с. Архангельского. Компактный бюрократический аппарат Конторы включал в себя управляющего и четырех служащих (начальник, писарь и два писца). Находясь в Петербурге, князь отдавал свои распоряжения письменно, посылая их в Московскую домовую Канцелярию, и уже оттуда, едва ли не ежедневно, отправлялись распоряжения в Контору с. Архангельского. Столь же регулярно отсылались «донесения» архангельской Конторы в Московскую канцелярию, немедленно препровождаемые в Петербург.

Нельзя не удивиться тому, сколь глубоко и дотошно вникал Борис Николаевич во все детали жизни своих имений. Он контролировал каждый шаг управляющих. Переписка с ними занимала большую часть его личного, свободного от государственной службы времени, и, вероятно, именно по этой причине частное эпистолярное наследие Бориса Николаевича оказалось небольшим.

Вступив в наследство, князь совершенствовал делопроизводство домовых и вотчинных контор, внося изменения в форму записей и в порядок финансовой отчетности. Он ввел униформу для конторских служащих, издал особый приказ о форме одежды своих дворовых и крепостных крестьян. Посетив год спустя Архангельское (8 марта 1832 г.), Борис Николаевич остался недоволен: «на счет единообразия в одежде дворовых моих людей,— писал он,— предписываю запретить впредь заводить Эриванки, Нахичеванки, Ермолки и шапки, которые я называю дурацкими; но что б имели фуражки или круглые шляпы». И Канцелярия приказала: «что б выше писанного названия шапок не носили под опасением неудовольствия и гнева Его Сиятельства...»¹⁰.

Между тем все эти «эриванки», «нахичеванки» и «ермолки» были своего рода военными трофеями юсуповских крестьян — участников недавних Русско-персидской и Русско-турецкой войн (1826—28; 1828—29). Кое-кто из них, пребывая в Абхазии,

не избежал участи «кавказских пленников»¹¹. Но князь Б. Н. Юсупов не был сентиментален. Он был сух и расчетлив до мелочности. Не будучи человеком военным, требовал от всех подчиненных во всем строгого порядка, дисциплины, неукоснительного выполнения обязанностей. В своих имениях не терпел лишних праздношатающихся незанятых людей, бесполезных вещей, ненужного инвентаря. Его раздражал так называемый «машинный лом» — технические новинки, приобретенные отцом для фабрик и для работ в усадьбе: «При жизни родителя моего много было предпринято заведений и куплено вещей, но они не приносят никакого дохода: ныне дней прежних уже не будет...»¹². Похоронив отца в конце июля 1831 г. в старинной подмосковной вотчине Юсуповых (с. Спас-Котове, где ранее уже была похоронена первая супруга Б. Н. Юсупова), Борис Николаевич около полугода, до начала 1832 г., оставался в Москве. Кажется, за все это время он лишь раз, 15 октября, посетил Архангельское, да и то мимоходом — по дороге на продажу скота¹³. «Запечатанный» исправником по смерти прежнего владельца дом в Архангельском, был «распечатан» по письменному приказу князя в присутствии управляющего имением П. И. Гофета¹⁴. Но сюда беспрестанно отправлялись распоряжения князя, связанные с переустройством московского дома, приспособляемого для себя новыми владельцами, сюда же отсылались из Москвы и ненужные вещи. Архангельские столяры получали заказы на изготовление мелкой мебели, рам для картин, новых оконных рам и дверей для московского дома, а супруга князя Зинаида Ивановна (урожденная Нарышкина, 1809—1893) выписывала в Москву цветы и растения из «знаменитых архангельских оранжерей». Отсюда же отправлялись продукты для господского стола и для московских дворовых князя.

Не намереваясь жить в Москве, князь, действительно, уже в первый свой приезд поспешил свернуть многие из прежних заведений отца в его Подмосковной. Но прежде всего он стал распродавать те из сокровищ имения, в которых не нуждался он сам, но которые, со своей стороны, нуждались в заботливом и компетентном уходе: «знаменитую» ботаническую коллекцию «горенковских» растений, некогда купленную его отцом у графа А. К. Разумовского; некоторых диковинных зверей и птиц; ценные породы скота. Но обобщать его намерения, как это делала «бабушка» Е. П. Янькова, было бы несправедливо. Как выясняется, все первые «коммерческие мероприятия» Бориса Николаевича в Архангельском были проникнуты вполне персонифицированной заботой о доставшихся ему «подопечных». Все распоряжения его были своевременны, разумны и оправданы: вспомни, во-первых, об огромном долге, висевшем на имениях князя, а, во-вторых, заметим — спешив распродать в один сезон

излишки «живого инвентаря» за хорошую цену, он невольно порекомендовал его тому, кто становился ему достойным хозяином.

На первом месте стояла судьба «горенковской» коллекции, волновавшая знатоков ботаники и обществу Москвы. Для ее решения Борис Николаевич в сентябре обратился к профессору Московского университета Федору Богдановичу Фишеру, помогавшему его отцу при покупке растений. «Заведение сие всем известное заслуживает особое внимание, — писал Борис Николаевич ученому, — владетель оного должен иметь надлежащие к тому сведения, охоту, и при том требует значительных издержек: а в нынешнем моем положении, будучи обязан по службе иметь постоянное жительство в С.-Петербурге и не имея возможности пользоваться сим заведением с тем же пристрастием к Ботанике, какое имел покойный родитель мой, против желания вовлекаюсь я в большие издержки, которые могли бы быть употреблены на предметы гораздо полезнейшие...». Князь просил профессора помочь поместить коллекцию ценных растений «в какое-либо казенное заведение, где бы оно могло «сохраниться в целом и не подверглось бы продаже по частям...»¹⁵. Благодаря участию Ф. Б. Фишера, горенковская коллекция нашла надежный и достойный приют в Ботаническом саду Московского университета.

Покупателями юсуповского скота стали такие видные помещики, как князь М. М. Голицын, С. Н. Гагарин и В. Н. Нарышкина. Судя по тексту документов, холодный расчет при сделках с покупателями парадоксальным образом сочетался с проникновенной заботой князя о дальнейшей судьбе его «живого товара»: «коровы Лиззетты стельной» или «бычка Павлина Тирольской породы», а также и птиц павлинов, предназначенных к продаже, но возвращенных в Архангельское потому, что за них не дали должной цены. Одного «Лама самца» продали лишь потому, что он был «зол и на привязи...». Его приобрел г-н Леман — содержатель частного публичного зверинца¹⁶. Другие особи ламы оставались в Архангельском во вновь устроенной для них конюшне, их ежегодный приплод составлял одну из статей дохода имения.

Несмотря на распродажу, в Архангельском по-прежнему оставались и птицы (фазаны, павлины, лебеди, пеликан и даже журавли, голуби и канарейки, переведенные из московского дома), и ценные животные (тирольские и английские коровы, верблюды, меринские и шпанские овцы, тибетские козы, ламы, олени и проч.). Знаменательно, что признаваемый обычно скупым князь особенно высоко ценил труд своих скотников, время от времени распоряжаясь делать им подарки деньгами или одеждой: «скотнику — суконный армяк», — распоряжался Борис Николаевич.

Точно так же и сад Архангельского, его оранжереи, теплицы продолжали в изобилии производить цветы и плоды. Большая их часть предназначалась на продажу, меньшая — для господского стола и дворовых князя. В архангельские оранжереи были перевезены многие ценные растения из московского дома, а также ананасовые деревья из с. Васильевского. Из архангельских фруктов и ягод ежегодно варились варенья и сиропы, отправляемые затем в Петербург. К первой годовщине смерти отца Борис Николаевич приказал архангельским садовникам отправить в с. Спасское к семейному мавзолею разных цветов «в непомерном количестве»: роз, пионов, гвоздик, лилий и др., от 10 до 100 кустов каждого, «а всего 1200 корней, и в горшках от 50 до 600 горшков»¹⁷. До середины 1840-х гг. цветы и померанцевые деревья, разводимые в оранжереях, служили стабильной статьёй дохода Юсуповской Подмосковной.

Уничтожая нерентабельные заведения, князь сохранил в Архангельском фаянсовый завод, продлив на семь лет контракт с арендатором Августом Филипповичем Ламбертом¹⁸. Состоявшую в ведомстве завода живописную мастерскую Архангельского князь загрузил работой: из церкви с. Спас-Котова сюда прибыла целая подвода икон, нуждавшихся в реставрации. Тогда же и архангельские резчики получили большой заказ на делание нового иконостаса. Крепостному живописцу дворовому человеку Ивану Горбунову поручили обновить портрет покойного князя Николая Борисовича Юсупова, присланный из московского дома. По завершении этой работы художник и его семья получили «вольную»¹⁹.

По общему реестру в Архангельском числилось около 250 дворовых и вольнонаемных людей, участвовавших в «экономических работах» по имению. В штате состояли архитектор (Петр Шестаков) и живописец (Иван Горбунов), садовники и рабочие различных специальностей, необходимых для поддержания порядка в усадьбе²⁰. Решение текущих хозяйственных дел по имению князь поручал Правлению и двум смотрителям, состоящим один — при Большом доме и коллекциях (Иван Шибанов), а другой при «экономических работах». Но общую заботу о «людях» и их судьбе Борис Николаевич считал своей «святой» обязанностью.

Почитая крестьян «живым инвентарем», призванным приносить своему помещику «пользу», князь усердно пекся об их здоровье. Отсюда постоянное и повышенное внимание к архангельской больнице, основанной еще его отцом²¹. В прямой связи с их здоровьем стояла и забота о нравственности крестьян. Отдавая должное роли религии, Борис Николаевич не считал для себя за труд лично обратиться к митрополиту московскому Фи-

ларету, прося назначить в приходскую церковь с. Архангельского того священника, которого желали иметь его крестьяне. И просьба его была удовлетворена²². А самым крупным из строительных мероприятий в Архангельском в рассматриваемый нами период явилось обновление и расширение Михаило-Архангельской церкви. Для этой цели, не в первый и не в последний раз, Юсуповы привлекли московского архитектора В. Г. Дрегалова.

Первым распоряжением князя в преддверии наступающей зимы 1831/32 гг. был приказ отпустить «по домам» вотчинников из других юсуповских имений, работавших по найму в Архангельском. Затем он занялся судьбой самих архангельских крестьян и дворовых.

Намереваясь устроить в Петербурге при доме собственную певческую капеллу, Борис Николаевич приказал отобрать в с. Архангельском 36 мальчиков в возрасте от 8 до 16 лет для обучения их музыке и, заключив контракт с капельмейстером С. И. Ивановым, в начале следующего 1832 г. увез их с собой в Петербург. Как выясняется, однако, из документов, подростки имели свою волю согласиться ехать в Петербург или остаться. Так, один из мальчиков, обучавшийся у Ламберта на точильщика, предпочел остаться при своей специальности, а 23-летний ученик садовника, не вписывавшийся в возрастной лимит певчих, напротив, сумел заверить князя в том, что «единственным его желанием всегда было обучение музыке»²³. Вместе с певчими в Петербург был отправлен и архитектор Петр Шестаков.

Весной следующего 1832 г. в несколько обезлюдевшем Архангельском начались дальнейшие преобразования: подобно пушкинскому Онегину, князь Юсупов перевел крестьян с барщины на оброк: «...ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил...». Но «новый порядок» был «учрежден» Борисом Николаевичем не по собственной прихоти — не от *«скуки, что б только время проводить...»*, — а по просьбе крестьян. «Уступая» их желанию, Борис Николаевич сохранил за архангельскими крестьянами следующие обязанности: «...На господских лугах косить, сушить и убирать в сенные сараи траву», причем так, чтобы «половина числа тягловых крестьян и баб должна быть на господских сенокосах, а другая половина на крестьянских лугах, дабы та и другая часть скашивались в одно время» (п. 1 и 2); «Если до весны останется сено в сараях на низких местах, где оно подвержено водополю, то крестьяне должны перевезти сено на своих лошадях в с. Архангельское» (п. 3). На крестьян возлагалось «провождение колодников с дачей подвод под солдатскую амуницию» и «починка дорог своего участка», а сверх того: «бдительный надзор за тремя Проспектами в с. Архан-

гельском, чтобы они всегда в таком были виде, как теперь». Крестьяне были должны «своевременно набивать льдом ледники с. Архангельского», «содержать два парома с должным числом рабочих», чинить их при необходимости, перевозить их весной к реке, а осенью «разбирать и перевозить куда следует для сбережения зимой». На крестьян возлагался «караул у Большого дома, Каприза, Оранжевой, Театра и амбаров...— зимою из 6-ти, а летом из 4-х человек, каждую ночь, причем не работниками или наемщиками, а самими хозяевами». Имена караульщиков следовало ежедневно записывать в Конторе. «Лесники у рощей» также должны были остаться «как и ныне — из крестьян, коим выдавать из Экономии хлеб наравне с дворовыми людьми, а потому вышеупомянутым караульным оного не производить». По договору с крестьянского тягла полагалось в год по 4 подводы с возчиком и по 20 пудов «хорошей соломы», но «в случае необходимости для Экономии» подводы полагалось поставлять и дополнительно за небольшую, но отдельную оплату (п. 8). Оговаривалось и то, что «...если понадобятся для сада работники, то поставлять таковых безоговорочно во всякое время года, и им будет платиться по следующему расчету: одному мужчине в день 80 коп., одной женщине (мальчику, девочке) — 25 коп.» (п. 11). Все означенные в договоре повинности должны были «неукоснительно исполняться по распоряжению Бурмиистра»²⁴.

Были ли такой оброк «легким» и «благословил» ли в этом случае «раб» свою судьбу — судить трудно, но абсолютный порядок в имении и на территории усадьбы Архангельское был этим договором вполне обеспечен.

Крестьяне как московской, так и других юсуповских вотчин нанимались на летний сезон на работы в Архангельское. Незанятых крестьян отпускали на заработки по билетам, выдаваемым на срок от полугода до трех лет. В этих случаях архангельские крестьяне, как и те, кого отпускали на волю, должны были продать свой двор, имущество и инвентарь и, выплатив оброк вперед, удалиться из имения. Нанимаемым на разные работы в самом с. Архангельском или в московском доме князя Юсупова платили одинаково по 18 руб., так что, за выплатой оброка (15 руб. в год подушно), в их пользу оставалось по 3 рубля в год. Но за ними оставались также двор и хозяйство. Оброчные крестьяне, в отличие от дворовых, должны были кормиться сами и сами выращивать хлеб, исключая тех, кто сторожил господские постройки, а потому приравнивался к дворовым. Существовали и краткосрочные, двух-, трехмесячные «зимние» отпускные билеты. Получив таковые, крестьяне покидали Архангельское до весны и, живя в Москве, на квартирах, зарабатывали себе деньги различными специальностями и услугами.

Переводу на оброк предшествовала подушная перепись²⁵. Все крестьяне заносились в различные «Реестры»: по именам и под «нумерами». Младенцев заносили в реестры с двухлетнего возраста, полагая всем малолетним дворовым «полумесячину» за кормление. По особым реестрам («о выдаче людям платья») маленьким мальчикам ежегодно полагался «кафтанчик с панталонами», а начиная с восьми лет — «панталоны и сюртук». Всю одежду для дворовых шили по снятым меркам в Москве, при Домовой конторе, где существовала особая мастерская. В швей и белошвейки для московской мастерской отбирали миловидных девочек из Архангельского. Взрослым крестьянам на зиму, «по 3-годовалому сроку», полагалась покупка «теплых полушубков, а также шерстяных чулок, теплых картузов и рукавиц с варежками». Иногда та или иная одежда дополнительно (против реестра) выдавалась в качестве подарков и как награда за труды.

Мальчиков с 8—10 и не позднее 12 лет отдавали в обучение ремеслам на срок от одного года до пяти лет. Учили: «по дереву золотарному ремеслу, а именно: золотить отливы и рамы и прочие вещи...», золотому делу, серебряно-ковальному, «серебряночеканному и боголепному мастерству»; «посудному»; «каретному», «рессорному», «обойному», «краснодеревному», столярному, портному, «сапожному немецкому и русскому» и прочим специальностям. Согласно типовому контракту, обучающим мастерам полагалось: «всякое непослушание исправлять мерами, приличными летам». А иностранцу и «мастеру машинного дела» Мартыну Беккеру, бравшемуся учить «печному» и «машинно-винторезному мастерству, разных механических поделок к музыкальным инструментам и прочим работам», контракт позволял «наказывать по мере вины, но не увечить». Заболевших детей лечили на средства родителей. Время отпусков в деревню к родителям и непредвиденные задержки с праздников прибавлялись к сроку обучения «без оплаты в деньгах и харчах»²⁶.

Тех, кто учился ремеслу в городе, дозволялось «посылать в ближайшее заведение московских ремесленных школ для обучения по способности Закону Божию, чтению, чистописанию и прочим предметам в тех школах преподаваемым». Но вообще-то Борис Николаевич был противник обучения крестьян грамоте, деля исключения лишь для кандидатов в конторские служащие.

С учетом характера и склонностей подросткам давалось более или менее свободное право на выбор их будущей профессии. Когда дворового мальчика 13 лет, «по малому росту и по молодости», не взяли в Москве в учение малярному мастерству, управляющий имением сам приставил его «в работу с маляром Захаровым в с. Архангельское». Здесь же в Архангельском обучали

и другим профессиям, например: живописному мастерству или различным специальностям на фарфоровом заводе Ламберта, а также садоводству и ботанике при оранжереях. Одним из приказов Бориса Николаевича предписывалось: «Из числа мальчиков, означенных в сем реестре из 12 человек под литерою «М», выбрать 5 или 6, способных к обучению садоводству в Архангельском»²⁷. Юсуповские садовники в Подмосковье имели высокую репутацию, и учиться их опыту просились даже со стороны. Так, трое подростков из Московского Воспитательного дома были присланы сюда еще при жизни Николая Борисовича Юсупова-старшего, а осенью 1831 г. к садовнику Елистрату Иванову обратились с просьбой «взять в обучение двух дворовых мальчиков князя Итальянского графа Суворова-Рымникского»²⁸.

Архивные документы показывают, что в жизни Архангельского имения не было вопросов, оставлявших равнодушным князя Бориса Николаевича. Выше уже говорилось о внимании, которое он уделял архангельской больнице: требовал от лекаря ежемесячных отчетов о больных и их болезнях, заботился об атеке, настаивал на оспопрививании. Давая санкцию на приобретение лекарств («Нервной мази», «Гофманских капель», и проч.), князь писал: «Что из требуемого нужно — то купить и послать», а кроме того: «...предписать Правлению, чтобы лекарь Богарадов старался запастись разными травами, дабы впредь таковых не покупать. Для собирания трав давать ему малолетних дворовых мальчишек и девочек, не занятых никаким делом,— как на прошлом годе, только большим числом...»²⁹.

Некоторые «распоряжения» Бориса Николаевича как бы невольно выдают особенности его своеобразной натуры. Среди них встречаются и довольно курьезные, позволяющие, к примеру, заподозрить князя, в своекорыстном использовании религиозного чувства крестьян. «Я надеюсь,— обращался князь к Правлению,— что Канцелярия распорядилась приказать: над дверями каждого господского мирского магазина или амбара, состоящего в Москве и Подмосковных селениях, поставить Святую икону. Есть ли же Она сие упустила из вида, то предписываю предписать кому следует то постановление икон над дверьми Магазинов, ибо на то место, где собирается хлеб, должно призывать о приумножении и сохранении оногo Божие Благословение...»³⁰.— В действительности же эта мера должна была предостеречь от обыкновенного воровства.

В другом случае князь распространялся «относительно состоящих в с. Архангельском ворот, называемых “Святыми”»:

«Святыми воротами (как я полагаю) можно называть те только, которые ознаменованы каким-нибудь Чудотворением; а как Архангельские не удостоены таковою Вышнею Благодатию,

то предписываю называть их просто: «Ворота, ведущие к церковному проспекту». А как икона на них поставленная тоже не озаменована особым Чудотворением, то неуместно теплить перед нею лампаду дено и ношно, когда и в самой церкви теплятся таковые только во время богослужения...»³¹. За сим следовало лаконичное: «лампаду более не жечь». И нетрудно установить истинную причину такого решения: в ежемсячных «ведомостях расхода» по имению обнаруживается стабильная статья затрат на «деревянное масло к лампаде у Святых ворот». — Князь был очень осмотрителен и в какой-то степени старался предупредить возможные злоупотребления. Он никогда не забывал напомнить, что старое железо с крыш или истлевшая обивка с мебели, при замене их новыми материалами должны быть тщательно расправлены и отданы на склад.

Непременной обязанностью помещика Борис Николаевич почитал заботу о выдаче замуж крепостных девок. Требуя «составить реестр крестьянским девкам от 17-ти до 22-х лет», князь повелевал иметь «особый реестр» о таких девках, «которые по совершеннолетию должны выйти замуж, но не выходят под разными, не заслуживающими уважения причинами», и «...тех из девок, которых женихи сватали и которые замуж не выходят, не имея на то самых основательных причин», приказывал «отправить в Малороссийские вотчины в Фабричные работы»³².

Все выходящее за рамки его «предписаний» князя крайне раздражало: «Я некоторым из дворовых девок, — писал он, — дал дозволение приискывать себе женихов на стороне и при приискании просить моего позволения о выходе в замужество, но отнюдь не позволял матерям формально просватывать своих дочерей без моего позволения, как то сделала дворовая села Архангельского вдова Марья Иванова; и потому вторично прошу Канцелярию строго наблюдать, чтобы подобного самовольства не было между моими дворовыми... Во уважение же Представления Канцелярии, разрешаю дочери оной вдовы Марьи Ивановой девке Ирине 16 лет, значащейся по списку села Архангельского под № 24-м, выдать замуж за крепостного человека, принадлежащего Генералу Петру Петровичу Бекетову, Петра Федорова с тем, чтобы свадьба их была совершена вскоре по получении отпускной, проект которой предписываю мне прислать по тяжелой почте...». Далее следует утомительная и нудная переписка с управляющим, пока князь не удостоверился, что «девка Ирина», получив «вольную», вышла замуж за означенного жениха, покинула пределы села и наконец была вычеркнута из Реестра³³.

Почитая сам себя «отцом-благодетелем», князь неустанно пекся о воспитании своих крестьян, их поведении и нравственном

облике. Пытался изживать пороки: нерадивость, воровство, лже-доносительство. Вел непримиримую борьбу с пьянством, всемерно поощряя телесные (розги) и другие виды наказания. Самым строгим наказанием была отдача в рекруты. По статье «Мирского приговора», в рекруты из Архангельского ежегодно отдавались «...преимущественно замешанные в дурном поведении, два или три человека, не моложе 20-ти и не старше 34-х лет, без всяких видимых телесных недостатков...»³⁴.

Но, как выявляется из документов, для юсуповских крестьян московской вотчины был еще один вид наказания — промежуточный, между розгами и отдачей в солдаты — определение на принудительные работы в Архангельское. Огромное садово-парковое хозяйство усадьбы требовало большого объема работ по уходу за ансамблем, и дефицит рабочих рук здесь ощущался постоянно. Но количество наемных рабочих стремились сократить из экономии денег, а потому не пренебрегали бесплатным трудом провинившихся. Так, по случаю «кражи принадлежностей» от Монумена Императрицы Екатерины управляющий именем распорядился, чтобы «крестьяне, бывшие на карауле во время кражи, вместо заслуженного ими телесного наказания, отданы были под надзор Главного Садовника в Земляную работу, а именно на Захарьевском проспекте вырыть канаву с обеих сторон, а в Прусской роще заровнять ямы вокруг Монумена...». По слабости здоровья, взамен заслуженных им розг, был отправлен в Архангельское «для черновых работ» лжедоноситель Чистяков, с обязанностью Правлению наблюдать, чтобы он «не сидел там без дела сложа руки...». И эти примеры не единичны³⁵.

При такой постановке дела усадебный ансамбль Архангельского находился при Борисе Николаевиче в образцовом состоянии: и сад, и парк его были в уходе; ежегодно промывалась и чистилась мраморная садовая скульптура; подкрашивались кадки и садовые скамейки; на растениях обновлялись бирки и таблички; оранжереи, павильоны и беседки перестраивались или поддерживались небольшими, но постоянными ремонтами; наконец, частично обновлялись и фрагменты Большого дома.

В тонкости благоустройства Архангельского Борис Николаевич входил находясь даже на большом от него расстоянии — в Петербурге. Достаточно взглянуть на его резолюции (показаны курсивом) против каждого из пунктов «Перечня Земляных работ» в усадьбе, составленного управляющим:

«п. 1: По дорогам подсаживать деревья: *(Подсаживать! Небольшой труд)*». Или: «п. 11: В Саду, где худы дорожки, переделать и иметь чистоту: *(Делать.— И исполнять на будущее время в точности. Я люблю в саду исправные дороги, по ним уже на дрожжах не будут ездить)*». И т. п.³⁶.

Он беспокоился не только об общем порядке, но и об атмосфере, царящей в усадьбе. Делая распоряжение в 1834 г. о перестройке павильона при «Капризе», князь предостерегал: «...так как Каприз занят жильцами, то подрядчики должны наблюдать, чтобы работа производилась без шума и крика и паче всего без бранных слов, дабы тем не беспокоить господ»³⁷.

То есть следует признать, что с первых лет правления имением при Борисе Николаевиче Архангельское не оставалось ни безхозным, ни безлюдным. «Каприз», жилые флигели при Лимонной и Лавровой оранжереях, как и некоторые другие помещения (дом в Воронках), отдавались внаймы. Снимали помещения на лето Царица Грузинская и Царевич Имеретинский с обширной прислугой и свитой, князь М. Н. Голицын, а также менее знатные постояльцы. Воспоминания А. И. Герцена, относящиеся к его посещению Архангельского в 1835 г. в компании друзей-студентов³⁸, как и не менее известное эссе в «Художественной газете» Н. Кукольника (1835/37 гг.)³⁹, свидетельствуют о том, что двери Архангельского не закрывались и для праздных посетителей: желающие могли свободно посетить усадьбу в любое время, в отсутствие хозяина осмотреть парк, коллекцию, библиотеку. Но желающих в ту пору находилось все-таки немного: дух усадьбы был иным, чем прежде, явно уже не тем, каким застал его Пушкин в 1830 г.

Но стремительно менялся и дух времени в целом: «золотой век» Николая Борисовича Юсупова остался далеко позади вместе с «веком» Екатерины, Павла и Александра. Новый владелец Архангельского, Борис Николаевич Юсупов, как и все его современники, лицом к лицу столкнулся с «веком железным» — «николаевской эпохой», новой идеологией и новыми проблемами русского помещика в преддверии грядущих социальных реформ. Пушкину не удалось побывать в Архангельском при Б. Н. Юсупове, увидеть и оценить результаты его деятельности. Но в уста одного из своих героев он вложил слова: *«Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...»* (А. С. Пушкин. «Роман в письмах». 1829).

Новый владелец Архангельского разделял подобное убеждение и на словах и на деле, чему ярчайшее свидетельство — опыт его хозяйствования в Архангельском. А потому в оценке деятельности Бориса Николаевича Юсупова нельзя не прислушаться к голосу его единственного наследника — Николая Борисовича Юсупова-младшего, который, вступая в наследство после смерти отца и впервые обращаясь к управляющему Архангельского, выразил твердое намерение *«ни в чем не изменять порядков, бывших при родителе и учрежденных им...»*⁴⁰.

В заключение следует сказать, что мы специально не стали касаться щекотливого вопроса о судьбе художественной коллекции Архангельского, большая часть которой была перевезена Б. Н. Юсуповым в Петербург в 1832 и 1837 гг. Заметим лишь то, что и после вывоза наиболее ценных экспонатов, художественная галерея Архангельского оставалась одной из лучших в Подмосковье.

Примечания

1. Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 155.
2. Кн. Мещерский А. В. Воспоминания. // Русская старина. 1900. Т. 10. С. 71—72.
3. Булгаков А. Я. Письма к брату. // Русский архив. 1902, № 1. С. 75—77.
Письмо от 16 июля 1831 г.
4. Булгаков А. Я. Письма к брату. // Русский архив. 1902, № 2. С. 302.
Письмо от 2 сентября 1832 г.
5. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, 1989. С. 168.
6. Арсеньев И. А. Воспоминания // Исторический вестник. 1887. Кн. 1. С. 75—76.
7. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 1290: Юсуповы. Опись 2. Материалы личного фонда Б. Н. Юсупова: материалы к биографии; документы продвижения по службе. Д. 575—725 (1807—1849); Опись 3. Ч. 1—7. Дела Московской канцелярии по имению Архангельское. Д. 709—1775. 1831—1849.
8. Цит. по: Кашин Н. В. Консервативный современник декабристов (Б. Н. Юсупов) // Былое. Л., 1926. № 2(36). С. 124—127.
9. Князь Борис Николаевич Юсупов. Некролог: 26 Ноября 1849 года. Сост. Б. Федоров. // Северная пчела. 1849, № 263.
10. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2606. Л. 107. 1832 г.
11. Там же. Д. 1705.
12. Кашин Н. В. Указ. соч.
13. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2585. Л. 143 об; 147; Д. 2587. Л. 28; 42—46; 67—68.
14. Там же. Д. 2585. Л. 105—106; Д. 2594.
15. Там же. Д. 2585. Л. 132 об.—133; Д. 2587. Л. 19—20.
16. Там же. Д. 2612. Л. 17, 39; Д. 2632. Л. 4.
17. Там же. Д. 2610. Л. 92.
18. Там же. Д. 2585. Л. 148; 152; 164—164об.; Д. 2587. Л. 92—93об.
19. Там же. Д. 2585. Л. 144; 145об.
20. Там же. Д. 2585. Л. 137об.
21. Там же. Д. 2587. Л. 3.
22. Там же. Д. 691. 1833 г.
23. Там же. Д. 591; Оп. 3; Д. 2585. Л. 143, 148об., 179; Д. 2587. Л. 46, 53, 70.
24. Там же. Д. 2606. Л. 103—104 об.
25. Там же. Д. 2587. Л. 12—16; Д. 2610, Л. 195—200.
26. Там же. Д. 782; 844; 913; 1069; 1701. 1831—1845 гг.
27. Там же. Д. 2585. Л. 3 об.—94; Л. 96.
28. Там же. Д. 2585. Л. 136.
29. Там же. Д. 2632. Л. 37. 1834 г.
30. Там же. Д. 2632. Л. 11, п. 7. 1834 г.

31. Там же. Д. 2632. Л. 63. Предписание № 389 от 9 июня 1834 г., п. 2.
32. Там же. Д. 2632. Л. 48; 52. 1834 г.
33. Там же. Д. 2632. Л. 11, п. 11; Л. 23, п. 13; Л. 37об.
34. Там же. Д. 2587. Л. 77—78; Д. 2738. Л. 10.
35. Там же. Д. 2632. Л. 35, п. 1; Л. 64, п. 5; повинные работы в арх. Л. 4 п. XXI.; по п. 9.
36. Там же. Д. 2632. Л. 41—42. Предписание № 324 от 12 мая 1834 г.
37. Там же. Д. 2632. Л. 45. Предписание № 329 от 17 мая 1834 г., п. 5.
38. Герцен А. И. О себе...//А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 1. С. 178.
39. Кукольник Н. Виллы.//Художественная газета, 1837, № 11—12.
40. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 1690. Л. 16. 25 октября 1849 г.

*Е. П. Мстиславская,
старший научный сотрудник
Российской государственной
библиотеки, к. ф. н.*

ОКРУЖЕНИЕ А. С. ПУШКИНА В ДНЕВНИКЕ Е. А. СОЙМОНОВОЙ 1833—1835 гг.

**(по материалам Отдела рукописей
Российской государственной библиотеки)**

В Российской государственной библиотеке (РГБ), особенно в Отделе рукописей, хранится много уникальных документальных материалов, связанных с именем А. С. Пушкина, вопреки тому, что по декрету советской власти от 1937 г. личный архив поэта, переданный в отдел рукописей его внуком Г. А. Пушкиным, был перемещен в Пушкинский Дом, где находится и поныне. Это и личные архивы В. А. Жуковского, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, П. И. Миллера, Булгаковых и многих других современников и друзей А. С. Пушкина, и личные архивы исследователей творчества поэта — Б. В. Томашевского, Т. Г. Зенгер-Цявловской, М. О. Гершензона и др. Здесь же многочисленные сборники списков его стихотворений (особенно запрещенных цензурой и длительное время не издававшихся) и поэм, романа «Евгений Онегин». Нельзя не упомянуть и об уникальных личных библиотеках, например, П. Я. Чаадаева или А. Ф. Вельтмана.

Следует заметить, что все названные документы до настоящего времени почти не изучены. Во многом не исследованы как памятники пушкинской эпохи, культуры и быта и обширные архивы Шереметевых, Веневитиновых, Кошелевых и других известных современников Пушкина. Исключением является лишь архив Голицыных, владельцем именя Вяземы и Захарово, т. е. семьи А. С. Пушкина, изучению которого отдают много сил сотрудники Музея-заповедника «Вяземы».

Яркий солнечный день начала июня 1992 г. На мой служебный стол легла принесенная комплектатором только что полученная у владельца, Ольги Дмитриевны Булыгиной, рукопись. Меня предупредили, что рукопись из архива Соймоновых: блестящего генерала Отечественной войны 1812 г. Александра Николаевича Соймонова (ум. в 1854 г.) и его родственников, архив которых уже хранится в Отделе рукописей РГБ. Что же на этот раз?

Рукопись на 180 листах плотной бумаги с водяным знаком 1832 г. Переплет коричневой кожи, потертый, с тиснением на верхней и нижней крышке. Размер обычный, как у современной обложки тетради, но толщина несоизмеримо больше. Открываю, листаю... Дневник 1833—1835 гг... на французском, итальянском, немецком языках. Я не владею ни французским, ни итальянским, ни немецким. На следующий день пришел переводчик Валерия Кудратовна Шахбазова — один из опытейших преподавателей Московского государственного лингвистического университета. И мы начали читать...

Просмотрели рукопись с огромным увлечением «от доски до доски». Нас поразило обилие имен, уводящих в прошлое московской знати XIX столетия: Арсеньевы, Голохвастовы, Голицыны, Левашовы, Шереметевы, Виельгорские, Валуевы, Бибиковы, Вяземские, Бутурлины, Полторацкие, Киреевы, Киреевские, Трубецкие, Энгельгардты и др. Загородные прогулки, салоны, театральные вечера... светская жизнь Москвы 1830-х гг... и только? Так стоит ли приобретать этот дневник, имеющий интерес, возможно, только для потомков московских дворян?

Рукопись мы приобрели и вот почему. Автор дневника — Екатерина Александровна Соймонова (1811—1879) — дочь упомянутого выше генерала, двоюродная сестра Платона Алексеевича Мещерского, сводная сестра С. А. Соболевского. Нет надобности пояснять, что С. А. Соболевский — один из ближайших друзей Пушкина. Но о Мещерском позволю себе напомнить. Чиновник Московского главного архива Министерства иностранных дел («архивный юноша»), впоследствии чиновник особых поручений при министре внутренних дел, встречавшийся с А. С. Пушкиным у З. А. Волконской и в московском обществе.

Дневник Е. А. Соймоновой за 1833—1835 гг. — автограф, с подробными подневными записями, который велся в Москве,

где проживала семья Соймоновых. Е. А. Соймонова принадлежала к кругу высшей московской знати. Ее интересы как автора дневника, судя по кругу общения и чтения, по содержанию ее ежедневных занятий (она исполняла часть секретарских обязанностей у отца), выходят далеко за рамки только светских интересов. Она проявляет себя как человек высоких интеллектуальных и духовных запросов. Она в курсе новейшей театральной, музыкальной, общественной и политической жизни. Читает Гете, А. Пушкина, Руссо, Шиллера, Шеллинга, Лессинга, Лабрюйера, Кернера, Гюго, Ю. Крюденер, современную русскую журналистику. Литературу читает на языках оригинала, т. е. на русском, немецком, итальянском, французском языках. Обладая прекрасным меццо-сопрано, поет на вечерах Московского филармонического общества, в салонах, в том числе в Италии, в салоне З. Волконской в 1831—1832 гг. Ее друг и наставник — П. А. Мещерский, ее сверстник и двоюродный брат — один из московских знакомых А. С. Пушкина, друг А. И. Кошелева и С. П. Шевырева.

В дневнике нашлось место и для сентиментально-романтического самоанализа, которым, однако, автор дневника не злоупотребляет.

Ее брак по любви с немцем учителем Георгом Трепещем не состоялся из-за сопротивления родителей, и Е. А. Соймонова избрала судьбу одинокой женщины, не поступившись своими высокими нравственными принципами. Таким образом, личная ее судьба, известная по семейным преданиям, сложилась драматически — подобно героиням романов первой трети XIX века.

Дневник — как удалось установить — уникальный источник новых фактов духовной (культурной, политической, общественной) жизни и быта Москвы 1830-х годов — пушкинской эпохи. Он интересен в особенности тем, что упоминаемые в нем лица представляют собой ближайшее московское окружение А. С. Пушкина (знакомых, друзей, родственников), а также окружение Н. В. Голя, Д. В. Веневитинова, П. Я. Чаадаева, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, К. К. Яниш (в замужестве Павловой) и других членов кружка «любомудров», куда входили Д. В. Веневитинов, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, позднее — старших «славянофилов» И. В. Киреевского, А. И. Кошелева, С. П. Шевырева и др.

Представляет несомненный интерес для широкого круга исследователей подробное описание повседневной жизни московских знакомых и родственников Пушкина тех лет, обычного течения чиновничьей и культурной жизни Москвы, где в 1826—1836 гг. Пушкин находился как в гостеприимном кругу, где даже донесения жандармского офицера, обязательного доносить на Пушкина в Петербург, носили доброжелательный характер.

В дневнике Е. А. Соймоновой описана жизнь московского общества в тот период, когда А. С. Пушкин бывал в Москве крат-

кими наездами по несколько дней или даже часов, чрезвычайно занятый работой над «Историей Пугачевского бунта» и заботами о своей семье. В связи с этим имя А. С. Пушкина не встречается на страницах дневника, так как Е. А. Соймонова, как и большинство москвичей за исключением П. В. Нащокина, А. Н. Равевского, и еще двух—трех ближайших друзей поэта, видеть его в то время не могла (см. Лернер Н. О. «Труды и дни Пушкина»).

В дневнике нашла отражение жизнь двух поколений московской служилой интеллигенции, начиная с высшего московского чиновничества (московского военного генерал-губернатора), кончая различными московскими учреждениями (Московским архивом Коллегии иностранных дел и др.), а также Московского университета (студенты, преподаватели, вольнослушатели) и др. А также театральные, музыкальные, литературно-научные вечера и салоны Арсеньевых, Веневитиновых, Голицыных, Голохвастовых, Дьяковых, Кропоткиных, Левашовых, Мещерских, Муравьевых, Соймоновых, Черкасских, Чернышевых-Кругликовых, Шереметевых и др., рауты и балы Голицыных, Гудовичей, Небольсиных и др.

Круг лиц, упомянутых в дневнике, связан между собой служебными, общественно-политическими интересами и общей деятельностью на поприще культуры и просвещения, а также тесными родственными отношениями. В дневнике упоминается целая плеяда прославленных Голицыных, стоявшая во главе управления московской губернией. Д. В. Голицын (1771—1844) — генерал 1812 года, отличившийся под Бородином, военный генерал-губернатор, человек просвещенный, чье правление для Москвы оказалось плодотворным; И. Ф. Голицын (1783—1835), также участник войны 1812 года, директор Канцелярии московского генерал-губернатора; М. Ф. Голицын (1801—1873), сверстник автора дневника — будущий главный директор Московской Голицынской больницы, предводитель московского дворянства; С. М. Голицын (1774—1859) — попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета; упомянут и С. А. Волков (дядя автора дневника) — попечитель Московского университета и т. д.

То же следует отметить и о других названных в дневнике семьях: Арсеньевых, Соймоновых, Левашовых, Голохвастовых, Шереметевых, Черкасских, Бартеневых, Мещерских, Боборыкиных, Виельгорских, Валуевых, Вяземских, Пушкиных, Бутурлиных, Бибиковых, Полторацких, Киреевых, Киреевских, Трубецких, Энгельгардтах и др.

Основная тема описания в дневнике Е. А. Соймоновой — жизнь московских салонов и кружков 1830-х гг., где, как известно, была сосредоточена вся умственная жизнь общества периода, наступившего вслед за разгромом восстания декабристов. Круг

высшей московской знати, в который входила Е. А. Соймонова, отличался в 1830-е гг. высокими духовными запросами, широким политическим кругозором, значительной общественной активностью, глубоким интересом к современным философским и научным знаниям, в особенности в области общественной науки и культуры, чем объяснялась популярность в этой среде научной деятельности С. П. Шевырева и музыки М. И. Глинки, например.

Не рауты и балы Бартеневых, Голицыных, Гудовичей, Небольсиных, но в значительно большей степени театр, музыка, литература, наука были необходимыми элементами жизни московского общества. Большой популярностью в Москве, как видно из записей Е. А. Соймоновой, пользовались театральные салоны Шереметевых, Голицыных, Полторацких, Дьяковых, музыкальные вечера Голицыных, Шереметевых, Чернышевых-Кругликовых и Московского филармонического общества, где они не только пели сами в операх, квартетах, хорах, но и слушали оркестровую музыку. Популярностью в Москве пользовались литературно-научные и музыкальные салоны Веневитиновых, Тютчевых, Соймоновых, Муравьевых, Щербаковых, Арсеньевых, Левашовых, Соковниных, Кропоткиных, помимо хорошо известных А. П. Елагиной-Киреевской и др.

Дневник содержит неизвестные ранее сведения об их деятельности, а также о семье Ф. И. Тютчева, точнее о его родственниках и родственниках других поэтов и писателей.

Наиболее подробно описаны вечера в домах Соймоновых и Мещерских, которые также были своеобразными культурными центрами Москвы 1830-х гг. Московские салоны и вечера 1830-х гг., московское общество были средой формирования не только для будущих театральных деятелей, музыкантов, поэтов, писателей, ученых, «любомудров» и «славянофилов». В этой среде вырастали и будущие крупнейшие государственные деятели, такие как П. А. Валуев — будущий министр внутренних дел, В. А. Черкасский — член Государственной комиссии по проведению реформы 1861 г. и др.

Загородные верховые летние прогулки по наиболее крупным культурным дворянским гнездам Подмосковья собирали группы от 25 до 30 человек молодых людей и девушек и практически были летним вариантом салонов, поскольку завершались часто аналогичными вечерами. Таковы были поездки в Останкино, Кусково, Ярополец, Петровское, Петровское-Разумовское, Покровское, Дубровицы, Астахово и др.

В дневнике Е. А. Соймоновой нашли отражение жизнь, интересы и быт блестящих генералов Отечественной войны 1812 г. и участников zahraniчных походов А. Н. Соймонова, Д. В. Голицына, Н. Н. Муравьева, И. Г. Чернышева-Кругликова, А. Г. Щербатова, М. А. Окулова, которые в Москве в 1830-е годы зани-

мались просветительской деятельностью. Так, М. А. Окулов (1792—1853) — директор училищ Московской губернии, владелец коллекции картин, гравюр, литографий (его дочь — певица, в замужестве Дьякова). Пушкин не раз общался в Москве и с Н. Н. Муравьевым, и с Д. В. Голицыным, и с А. Г. Щербатовым, с Окуловыми (жена М. А. Окулова — сестра П. В. Нащокина).

Декабризм для москвичей 1830-х гг. был живым явлением, во-первых, потому, что некоторые из них в эти годы жили в Москве, как, например, В. А. Мусин-Пушкин, А. В. Шереметев, член Союза Благоденствия — двоюродный брат Ф. И. Тютчева, шурин декабриста И. Д. Якушкина. Во-вторых — в Москве было много родственников декабристов. Здесь обитали, посылно участвуя в воспитании молодежи, и их наставники, например, основатель и содержатель Московского училища колонновожатых Муравьев, откуда вышло много декабристов. С ним общалась Е. А. Соймонова.

Число друзей, родственников и знакомых А. С. Пушкина, по наблюдениям Л. А. Черейского, включает около 2500 имен. Более 200 из них упомянуто в дневнике Е. А. Соймоновой и составляет круг московских знакомых и родственников А. С. Пушкина, в том числе и все названные выше. Остановимся более подробно на некоторых из них.

К числу московских друзей Пушкина, уточняя данные Л. А. Черейского, следует отнести П. А. Валуева (1815—1890), с 1834 г. чиновника с.е.и.в. канцелярии, впоследствии министра внутренних дел. Его жена М. П. Вяземская — дочь П. А. Вяземского. Встречался с Пушкиным в московском обществе уже в 1820-е — начале 1830-х гг. Был на квартире умирающего Пушкина.

Часто упоминается на страницах дневника А. Н. Кошелев (1806—1883). Знаком с Пушкиным с 1827 г., со времен салона А. П. Елагиной-Киреевской. Воспитанник Московского университета, затем «архивный юноша», позднее известный славянофил, в 1831—1832 гг. — в Италии, одновременно с З. Волконской. Материалы его архива 1830—1850-х гг. не сохранились. В его «Записках» 1830-е гг. почти не отражены. Тем ценнее свидетельства дневника Е. А. Соймоновой, жившей по соседству (дома их располагались рядом на М. Дмитровке), который воссоздает атмосферу его жизни тех лет, когда он в 1833—1835 гг. служил в Московском губернском правлении. В эти годы он тесно общается с П. А. Валуевым и П. А. Мещерским.

Знакомство С. П. Шевырева, автора воспоминаний о поэте, с А. С. Пушкиным относится к 1826 г. С 1827 г. С. П. Шевырев — главный теоретик «любомудров». В 1833 г. в краткий приезд Пушкина в Москву, 26 августа, Шевырев виделся с Пушкиным у Киреевских. Знакома с Пушкиным и жена Шевырева — С. Б. Зеленская, воспитанница Б. В. Голицына. Достаточно хоро-

шо известна биография И. В. Киреевского, который с 1826 г. встречается с Пушкиным в салонах матери и других московских гостиных. Часто встречаются на страницах дневника имена Соколовых, друзей А. Н. Тургенева, одного из ближайших приятелей А. С. Пушкина. В числе московских знакомых Пушкина — Н. Н. Шереметева (урожд. Тютчева) (1775—1850) — тетка Ф. И. Тютчева, мать жены декабриста И. Д. Якушкина и др.

Судя по записям дневника, в 1833 г. приезжала из Петербурга в Москву четвероюродная сестра А. С. Пушкина и родная сестра Д. В. Веневитинова С. В. Комаровская (урожд. Веневитинова) (1808—1877), также сверстница Е. А. Соймоновой, знакомая с Пушкиным еще с 1826 г.

В жизни московских салонов и в загородных прогулках активное участие принимал М. Д. Бутурлин (1807—1976), четвероюродный брат А. С. Пушкина, чиновник при московском генерал-губернаторе.

Среди упоминаемых лиц — Л. А. Бибикина, двоюродная сестра Н. Н. Пушкиной (урожд. Гончаровой). Муж Л. А. Бибикиной, жандармский полковник, в 1826—1828 гг. составлял благожелательные донесения о Пушкине. Далее упоминаются Д. Кашкин (1781—1846), родственник соседки Пушкина по имению П. А. Осиповой, театрал А. М. Полторацкий, дядя А. П. Керн, и др.

Дневник Е. А. Соймоновой относится к одной из наиболее важных частей документальных материалов личного происхождения Отдела рукописей РГБ вообще и личного архива Соймоновых-Мертваго-Бультовых конца XVIII — начала XX века и имеет уникальное научно-практическое значение.

Известно преимущество дневников среди других мемуарных источников. Включая различные факты и отражая преломление их в сознании современников, данный дневник — в особенности, в отличие от воспоминаний, иногда грешащих неполнотой, неточностями и фактическими ошибками — дает изучающему историю русского общества 1830-х гг. в ее интеллектуальной, духовной, бытовой сферах, равно как и в событийной, возможность поднять несколько пластов фактов для научного и историко-функционального анализа. Содержание обширного дневника Е. А. Соймоновой представляет многоаспектный интерес для ученых различных специальностей. Тем более, что мемуарная литература по истории русского общества 1830-х гг. почти отсутствует.

Незаяурядна личность автора дневника. Дневник фиксирует возрастающую в русском обществе роль женщины в культурной, общественной и научной жизни 1830-х гг., что в более полной мере скажется в 1840-е годы, когда женщины станут полноправными членами кружка «славянофилов».

Содержание дневника расширяет существующее представление о деятельности московских салонов 1830-х гг. Московские кружки и салоны 1830-х гг. изучены значительно менее, чем петербургские, и в целом недостаточно, как и московское и русское общество тех лет. Но тема эта в последнее время привлекает все большее внимание ученых, вопреки скудости мемуарных источников. Особенно важно, что среди упоминаемых лиц — московское окружение А. С. Пушкина: много знакомых, друзей, есть родственники А. С. Пушкина, а также Ф. И. Тютчева, П. Я. Чаадаева, Н. В. Гоголя, К. К. Яниш-Павловой и других деятелей русской культуры, известные общественные деятели — «любомудры» и «славянофилы», крупные московские чиновники — Д. В. Голицын и другие, выдающиеся ученые, государственные деятели. Среди них есть лица, чьи материалы хранятся в фондах Отдела рукописей ГБЛ.

Дневник Е. А. Соймоновой позволяет уточнить данные справочника Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», является ценным источником сведений по генеалогии русского дворянства, дополняя сведения, имеющиеся в печатных родословных сборниках и архивных источниках по генеалогии русского дворянства.

Данный документ составляет единый неразрывный комплекс с материалами архива Соймоновых, в частности с перепиской Е. А. Соймоновой с Е. С. Волковой, двоюродной сестрой автора дневника. В фонде имеется около 150 писем Е. С. Волковой к Е. А. Соймоновой за 1830—1858 гг., которые дополняют содержание дневника.

Все, что сказано о дневнике Соймоновой, сделано только затем, чтобы привлечь внимание ученых-пушкинистов к этому редкому памятнику с тем, чтобы он нашел достойного исследователя.

*М. В. Сидорова,
начальник отдела
Государственного архива
Российской Федерации, к. и. н.*

ПУШКИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В АРХИВАХ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Пушкинские автографы еще при жизни поэта оказались в разных местах: что-то было подарено или отдано друзьям и знакомым, что-то осело в редакциях в процессе подготовки изданий сочинений. После смерти Пушкина большинство его рукописей осталось у семьи и у ближайшего друга — В. А. Жуковского.

Помимо частных собраний, автографы поэта и документы, его касающиеся, находились также и в архивах правительственных учреждений. Прежде всего следует отметить архив военного министерства. Здесь отложилось подлинное военно-судное дело 1837 г. о дуэли Пушкина с Дантесом, письма Пушкина к А. И. Чернышеву и П. А. Клейнмихелю, показания по делу об элгии «Андрей Шень». В Государственном Главном архиве МИД находились документы, относящиеся к службе А. С. Пушкина в Коллегии иностранных дел, перлюстрированные выписки из писем по поводу дуэльной истории. Автографы находились также и в архивах министерств: финансов, юстиции, народного просвещения, в церковных архивах¹.

Материалы из архивов правительственных учреждений появлялись в печати, особенно в годы, приуроченные к юбилеям поэта. Так, в 1899 г. вышла брошюра Н. К. Невзорова «К биографии А. С. Пушкина. Материалы из архивов и других малоизвестных источников», содержащая некоторые документы из церковных архивов. В 1900 г. выходят сразу две книги: «Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военно-судное дело 1837 года» и под редакцией Н. А. Гастфрейнда «Пушкин. Документы Государственного и Петербургского Главного архива МИД, относящиеся к службе его в 1831—1837 гг.».

Но из всех правительственных архивов наибольшее количество автографов сохранилось в архиве III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (с 1880 г.— архив Департамента полиции МВД). Первое дело на поэта завели в «голубом ведомстве» в 1826 г. Как известно, в сентябре этого года Пушкин был возвращен новым императором Николаем I из михайловской ссылки, между ними состоялся «знаменитый» раз-

говор, закончившийся желанием Николая I быть личным цензором поэта. Но между царем и Пушкиным стоял еще один человек — начальник III Отделения, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, который 30 сентября 1826 г. сообщил письмом Пушкину: «Сочинений Ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры. Государь Император сам будет и первым ценителем произведений Ваших и цензором. Объявляя Вам сию Монаршию волю, честь имею присовокупить, что как сочинения Ваши, так и письма можете для представления Его Величеству доставлять ко мне...»².

Теперь все письма Пушкина, адресованные шефу жандармов, бумаги, касающиеся цензуры и издания его произведений, подшиваются в дело № 62 по 1-й экспедиции за 1826 г. — «О дозволении сочинителю Пушкину выезжать в столицу. Тут же об издаваемых им сочинениях и переписка с ним по разным предметам». Дело на 255 листах за период с сентября 1826 по 1 декабря 1875 г. Помимо автографов поэта к шефу жандармов, дело содержало записку А. С. Пушкина от 15 ноября 1826 г. «О народном воспитании», прошение на имя А. Х. Бенкендорфа от июля 1831 г. о желании издавать журнал и писать историю Петра I, отложились здесь и некоторые письма А. А. Дельвига и П. А. Плетнева об издании произведений Пушкина, переписка А. Х. Бенкендорфа с министром народного просвещения А. С. Шишковым по поводу романа «Евгений Онегин», замечания шефа жандармов на драму «Борис Годунов». Сохранилась в деле и переписка о определении Пушкина на службу в Государственную Коллегию иностранных дел, о допуске в архивы для написания «Истории Пугачевского бунта». После смерти поэта в дело подшивается журнал, который вели В. А. Жуковский и Л. В. Дубельт при разборе бумаг Пушкина. За последующие годы откладываются документы, связанные с опекой над детьми Пушкина и с изданием его сочинений в пользу семейства.

Следует отметить дело № 313 по 1-й экспедиции за 1828 г., коротко именуемое делом о «Гавриилиаде», содержащее письмо А. С. Пушкина с объяснением перед комиссией В. П. Кочубея, П. А. Толстого и А. Н. Голицына о своей непричастности к написанию «богохульной поэмы», а также дело «По письму А. С. Пушкина о дозволении надворному советнику Гончарову расплавить неудачно вылитую статую, изображающую императрицу Екатерину». Здесь имелись три письма Пушкина к Бенкендорфу с просьбой испросить высочайшего разрешения на переплавку статуи.

В деле № 3 за 1834 г. архива Штаба Корпуса жандармов «О выдаче заимообразно 20000 рублей камер-юнкеру Двора Его Величества Пушкину на издание „Истории Пугачевского бунта“» находились пять писем Пушкина об исходатайствовании разрешения Николая I на получение денег для напечатания книги и

выдачи ее тиража из типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Касались Пушкина, хотя и не содержали автографов: дела № 335 за 1827 г. по 1-й экспедиции «О стихах на 14 декабря 1825 г.» (следствие по делу «Андрей Шенье»), где имелся список стихотворения и записка о выяснении личности Пушкина, и дело № 199 за 1827 г. «О подозрительной виньетке, украшающей поэму Пушкина «Цыганы». В него была подшита книга 1826 г. с образцами виньеток, которыми пользовался Пушкин для украшения первых изданий своих сочинений³.

В секретных бумагах управляющих III Отделением сохранились два письма поэта к Бенкендорфу за 1831 г., к одному из них был приложен беловой автограф стихотворения «Моя родословная», другое содержало просьбу об издании некоторых поэм В. К. Кюхельбекера. Здесь же сохранилась и записка А. С. Пушкина 1831 г. о желании издавать журнал. При разборе секретного архива в 1917—1918 гг. Б. Томашевский в бумагах М. Я. Фон-Фока нашел подлинную записку поэта о Мицкевиче⁴. Тогда же в бумагах А. Н. Мордвинова А. С. Поляков обнаружил папку № 19 «Переписка по делу о смерти поэта Пушкина. Подлинные анонимные письма на имя Пушкина и других лиц, содействовавшие катастрофе». В папке находился анонимный пасквиль, письмо барона Геккерена Жоржу Дантесу-Геккерену об анонимном письме, письмо Дантеса-Геккерена председателю военно-судной комиссии полковнику А. И. Бреверну с «характеристикой поведения Пушкина в 1836—1837 гг». В той же папке находилась и некоторая переписка относительно розысков, предпринимаемых III Отделением в отношении авторов анонимного пасквиля, и переписка по поводу мер, принимаемых для предотвращения возможных беспорядков в столицах в день похорон поэта⁵. Вообще, в документах секретного архива имя Пушкина начинает фигурировать с начала 1826 г., т. е. до официального учреждения III Отделения, в донесениях агентов Висковатова, Бошняка, Локателли⁶.

До определенного времени в III Отделении хранились и некоторые автографы поэта, попавшие позже в частные руки. Так, в бумагах А. А. Ивановского, личного секретаря А. Х. Бенкендорфа, находилось восемь писем Пушкина к А. А. Бестужеву за 1822—1825 гг. и одно письмо Пушкина к К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г. К письмам А. А. Бестужеву были приложены три автографа стихотворений поэта, присланных для «Полярной звезды»⁷. В 1825—1826 гг. А. А. Ивановский находился при Следственной Комиссии по делу декабристов, а после ее закрытия остался на службе при А. Х. Бенкендорфе. Многие бумаги, не требующие доклада императору, шеф жандармов складывал в открытые ящики, стоявшие по обеим сторонам его кресла перед письменным

столом. Забывчивость Бенкендорфа была всем известна, часто он путал бумаги и просил секретарей разобрать ящики. Пользуясь этим, А. А. Ивановский и прихватил несколько понравившихся ему бумаг из стола своего патрона, уходя в 1829 г. в отставку⁸. Аналогичным образом еще четыре письма к Бенкендорфу, в том числе известное письмо от 21 ноября 1836 г., попали к другому секретарю — П. И. Миллеру, вышедшему в отставку в 1844 г.⁹.

Итого, в архиве III Отделения, считая автографы из указанных собраний А. А. Ивановского и П. И. Миллера, хранилось 60 автографов поэта — 54 письма за 1822—1836 гг., 4 стихотворения, 2 записки («О народном воспитании», «О Мицкевиче»).

Скажем несколько слов об архиве III Отделения, сохранившем так много пушкинских документов. Архив «голубого ведомства» был образован не сразу. Первоначально, каждая структурная часть (экспедиция) имела свой архив, а попросту место, где складировались оконченные делопроизводством дела. Важные секретные из них хранились в запираемых шкафах, прочие — в подвале. При поднятии уровня в реке Фонтанке¹⁰ подвал заливался водой, дела портились. Через 20 лет после учреждения III Отделения в экспедициях накопилось такое количество дел, что остро встал вопрос об их хранении.

В 1846—1847 гг. были начаты работы по организации общего архива — выделяется и оборудуется помещение, приобретается мебель, пожарный инвентарь. Общий счет на устройство архива составил 5000 рублей серебром. Дела из подвала были подняты наверх, разобраны, описаны. Тогда же была проведена экспертиза дел — были разработаны правила, какие дела подлежат «всегдашнему», а какие временному хранению. Архивариусы III Отделения имели высшее образование, знали несколько иностранных языков и делопроизводственную практику. Для быстрого наведения справок служил «Общий Алфавит делам», куда заносились все лица, проходившие по бумагам III Отделения. Имелись и дополнительные алфавиты: о происшествиях, об иностранцах, о политических преступниках. Документы в архиве хранились по принципу происхождения так, как были заведены в делопроизводстве, — по экспедициям, внутри — по хронологии. Секретные документы откладывались в кабинете управляющего и описывались так, как хранились: «Бумаги А. Н. Мордвинова», «Бумаги В. А. Долгорукова» и т. п.

Случаев обращения исследователей в архив III Отделения зафиксировано немного. Первая попытка проникнуть в архив принадлежит М. А. Корфу. В 1846 г. он направил в III Отделение письмо с просьбой ознакомиться с делом М. М. Сперанского. Просьба была отклонена¹¹. В 1856 г. М. А. Корф получил от Александра II разрешение на допуск «...во все архивы, гласные и секретные, с уполномочием брать из них к себе как реестры,

так и все нужные дела»¹² и уже в 1857 г. при подготовке третьего издания книги «Восшествие на престол Николая I» получил из архива III Отделения все необходимые справки. Значительно шире документы архива стали использоваться после упразднения в 1880 г. III Отделения. Пришедший на смену Департамент полиции МВД унаследовал не только функции «голубого ведомства», но и его архив. Уже в 1882 г. туда допускаются первые исследователи, а всего за период 1882—1916 гг. архив посетило свыше 50 человек.

Допуск в архив производился с разрешения министра внутренних дел, иногда требовалось «Высочайшее соизволение». Прежде чем допустить исследователя к материалам архива, Департамент полиции наводил справки о «политической благонадежности» просителя. Были разработаны специальные правила для работы исследователей в архиве. Исследователям не разрешалось пользоваться описями и указателями, дела по запрашиваемым темам выявляли чиновники архива. Дела не разрешалось выдавать во временное пользование в другие учреждения, а тем более отсылать исследователям на дом. Правда, следует отметить, что факт личного знакомства с министром внутренних дел или директором Департамента полиции часто служил причиной того, что из каждых правил делались исключения. Так, в 1900 г. Н. П. Барсуков в письме к своему приятелю, товарищу министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому, обратился с просьбой: «не имеется ли в архиве III Отделения сведений о доносе на Пушкина по поводу Гавриилиады»¹³. После наведения соответствующей справки в архиве Департамента полиции, дело, по распоряжению Святополк-Мирского, было отправлено Барсукову в подмосковное имение Вороново. Барсуков в ответном письме, выражая благодарность, писал: «Я просто обомлел, когда раскрыл Вашу посылку и увидел в благолепном виде Дело 3-го Отделения! Не нахожу слов выразить Вам мою благодарность за доверенность, которую подавлен. В деле нашлись драгоценнейшие сведения о Пушкине, и о результатах Вам будет сделан подробный доклад в Петербурге. По извлечении нужных сведений дело было тщательно запаковано и мною лично сдано в Михайловскую почтовую контору, в чем имеется и расписка...»¹⁴.

В некоторых случаях с дел разрешалось снимать копии. Если эту работу выполнял архивариус, то с исследователя взималась плата — 30 копеек за скопированный лист. Для опубликования сведений из дел архива требовалось представить гранки в Департамент полиции.

Темы работ исследователей можно условно разделить на три группы: первую, и самую многочисленную, составляли работы, посвященные истории литературы, журналистики и цензуры. Ко второй группе относились работы, связанные с общественным

и революционным движением. В третью входили работы по самым различным вопросам — истории полков русской армии, Отечественной войны 1812 г., истории университетов, железных дорог и т. п.¹⁵.

Первым, кто получил допуск к делам о Пушкине, был М. И. Семеновский. В 1875 г. ему было разрешено сделать выписки из архивных дел III Отделения. Впоследствии, при подготовке изданий сочинений поэта, в архив неоднократно обращались известные литераторы: М. И. Сухомлинов (1894, 1898), В. А. Саитов (1901), П. А. Ефремов (1902).

Пушкинские материалы из архива III Отделения впервые проникли в печать в 1874 г. В журнале «Русская старина» была опубликована статья «уже умершего тайного советника», сообщенная редакции П. А. Мухановым под заголовком «А. С. Пушкин»¹⁶. Автор в литературной форме изложил содержание всего архивного дела № 62, привел весьма обширные выписки из архивных документов. Позже автор статьи был установлен — им оказался чиновник III Отделения М. М. Попов. В собрании сочинений поэта, вышедшем в 1880—1881 гг., П. А. Ефремов опубликовал большинство писем Пушкина к Бенкендорфу, стихотворение «Моя родословная», записки поэта с просьбой издавать журнал.

В 1884 г. в журнале «Исторический вестник» появилась статья М. И. Сухомлинова «Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина»¹⁷. Помимо переписки поэта с шефом жандармов относительно драмы «Борис Годунов», впервые была опубликована записка Пушкина «О народном воспитании».

В 1906 г. специальным бесплатным приложением к журналу «Всемирный вестник» за 1905 г. вышла под редакцией С. С. Сухонина книга «Дела III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии об А. С. Пушкине». С. С. Сухонин, получивший в 1904 г. допуск к материалам о Пушкине, оставил интересные воспоминания о посещении архива Департамента полиции: «Странно я себя чувствовал. Я сознавал, что нахожусь в кабинете директора Департамента полиции, директора того учреждения, которое является тем же самым страшным III Отделением, только под другим наименованием, — того учреждения, которое самому Пушкину причинило так много вреда, обиды и огорчения; и сегодня я в кабинете начальника этого учреждения, и сию скорее не как у необычайного цензора, а у гостеприимного любезного хозяина, и провожу время в литературном споре... Все окружающее было так странно и, скажу откровенно, — мало понятно, что я иногда положительно забывал, что я в III Отделении, и только частые появления каких-то лиц в вицмундирах, которых Н. П. Гарин, отходя в сторону, выслушивал и что-то говорил, указывали мне на действительное мое пребывание»¹⁸.

С просьбой посмотреть дела о поэте в архив в 1907 г. обратился М. К. Лемке. Но его просьба была отклонена — Департамент полиции сослался на перемещение своих структурных подразделений¹⁹. А иначе говоря, революция пошла на спад, и двери архива, так широко открытые для Лемке в 1905 г., теперь закрылись. Очерк о Пушкине, приведенный в книге «Николаевские жандармы и литература. По подлинным делам III Отделения», написан со ссылкой на издание Сухонина.

Допущенный по ходатайству Академии Наук в 1905 г. к архиву П. Е. Щеголев тоже интересовался Пушкиным. На основе собранных материалов в № 1 журнала «Исторический вестник» за 1905 г. выходит его статья «Дуэль Пушкина с Дантесом (новые материалы)». В 1915 г. Щеголев желает вновь обратиться к материалам о Пушкине, но ходатайство его отклоняется, «принимая во внимание, что противоправительственная деятельность литератора из крестьян Воронежской губернии П. Е. Щеголева вполне установлена и что он, допущенный к литературным занятиям в архиве Департамента полиции, злоупотребил оказанным ему доверием»²⁰. И только после февраля 1917 г., став председателем Особой комиссии по разбору архива Департамента полиции, Щеголев получил доступ к интересовавшим его материалам.

Многочисленные публикации пушкинских документов из архива III Отделения не прошли незамеченными теми организациями, которые занимались собиранием пушкинских автографов. Самой известной такой организацией в начале XX века было Пушкинское Лицейское Общество. Образованное в год 100-летия поэта при Александровском Лицее, оно получило в ведение существующий там с 1879 г. Пушкинский музей и библиотеку, хранившие автографы поэта, его вещи, переданные родственниками, друзьями²¹. Пушкинское Лицейское Общество брало на себя обязанность «заботиться о пополнении этих собраний и об устройстве для них достойного помещения, открытого для публики»²². В музей поступали документы из архивов правительственных учреждений. Так, из архива министерства юстиции были переданы показания по делу об элегии «Андрей Шень», сюда же поступили письма-автографы из архивов министерства финансов и министерства народного просвещения.

После опубликования в 1903 г. переписки А. С. Пушкина под редакцией В. Брюсова председатель Пушкинского Лицейского Общества Д. Ф. Кобеко обратился к директору Департамента полиции А. А. Лопухину с просьбой передать автографы Пушкина в существующий при обществе Пушкинский музей. Переписка А. А. Лопухина с министром внутренних дел В. К. Плеве закончилась сравнительно быстро и имела положительный результат. Уже в июне 1903 г. Департамент полиции известил Д. Ф. Кобеко, что получено разрешение на передачу в Пушкинское Общество

77 документов, заключающих в себе 43 автографа писем Пушкина и относящуюся к этому переписку²³. С передаваемых бумаг сняли точные копии и подшили в дела, которые пока еще остались в архиве. После опубликования С. С. Сухониным в 1906 г. всех подлинных дел III Отделения о А. С. Пушкине Лицейское Общество вновь обратилось в Департамент полиции с просьбой отдать оставшиеся в архиве автографы в музей. И эта просьба была удовлетворена. В мае 1906 г. состоялась передача еще нескольких автографов.

Энергичную работу по выявлению документов поэта в архивах министерств и ведомств вел Пушкинский Дом²⁴. В 1911 г. президент Академии Наук в. к. Константин Константинович обратился к министру внутренних дел с просьбой о передаче из архива министерства в Академию Наук для приобщения к собранию Пушкинского Дома всех дел, связанных с именем Пушкина. Из архива Департамента полиции сообщили, что дела о Пушкине действительно в архиве имеются, однако все автографы поэта и переписка, относящаяся к ним, переданы в 1903 и 1906 гг. в Пушкинское Лицейское Общество. Вскоре дела о Пушкине, за исключением дела о «Гавриилиаде», были переданы в Пушкинский Дом, а в описи были сделаны соответствующие отметки.

Таким образом, документы о Пушкине из архива III Отделения оказались в двух местах: в Пушкинском музее при Александровском лицее и Пушкинском Доме при Академии Наук. Лицейский музей, бесспорно, обладал уникальной коллекцией автографов, и Пушкинский Дом еще в 1906 г. надеялся ее получить: «На заседании комиссии 22 сентября 1906 г. президент, извиняясь за нескромность, спросил Соломона (тогдашнего директора Лицея.— М. С.), отдаст ли Лицей свою коллекцию в Дом Пушкина. Соломон ответил, что это невозможно, и что Лицей ни за что с этой коллекцией не расстанется»²⁵. Коллекция Лицейского музея поступила в Пушкинский Дом в 1917 г. Тогда же сюда поступили из ликвидированного Департамента полиции документы секретного архива III Отделения, содержащие донесения агентов надзора, анонимный пасквиль 1837 г. и «Записку о Мицкевиче».

Примечания

1. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.- Л. 1937.

2. Письма Пушкина и к Пушкину. Под ред. В. Брюсова. 1903, С. 34—35.

3. О виньетке см.: Томашевский Б. Мелочи о Пушкине. Виньетка к «Цыганам» // Временник Пушкинской комиссии. Т. 2, М.-Л., 1936.

4. Томашевский Б. Записка Пушкина о Мицкевиче. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 36, 1922.

5. Подробное описание этих документов дано в книге А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Пг., 1922.
6. Модзалевский Б. Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. // Былое. 1918, № 1.
7. См. Якушкин В. К литературной и общественной истории 1820—1830 гг. // Русская старина, 1888, № 10, С. 155—156; Рукописи Пушкина... № 41, 50, 56.
8. Подробнее о собрании А. А. Ивановского см.: Русская старина, 1888, № 10. С. 149—157.
9. Эйдельман Н. Я. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 33. М., 1972. С. 280—320.
10. В 1826—1838 гг. III Отделение находилось на Гороховой улице, д. 58, с 1838 г.— на набережной реки Фонтанки, Д. 16.
11. ГА РФ. Ф. 109, секретный архив. Оп. 3. Д. 531.
12. 1-я экспедиция, 1856. Д. 266. Л. 1.
13. ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 318. Л. 103.
14. Там же. Л. 104—104 об.
15. Подробнее о работе исследователей в архиве см.: Сидорова М. В. Использование документов архивов органов политического сыска в сер. XIX— начале XX вв. // Советские архивы, 1991, № 6.
16. Русская старина, 1874, № 8. С. 683—714.
17. Исторический вестник, 1884, № 15. С. 55—87.
18. Цит. по: Эйдельман Н. Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826—1837. М., 1987. С. 128.
19. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 300. Д. 13. Л. 141.
20. Там же. Д. 14. Л. 174.
21. Подробное описание Лицейского музея см.: Аснаш С. М. Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея. СПб. 1899.
22. Устав Пушкинского Лицейского общества. ГА РФ, Ф. 102. Оп. 300. Д. 32. Л. 34—37.
23. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 300. Д. 32. Л. 32—33.
24. Об истории создания и собирательской деятельности Пушкинского Дома см.: Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.
25. В. А. Рышков. Дневник. Пушкинский Дом. Л., 1982. С. 139.

*Л. И. Петрушева,
заведующая архивохранилищем
Государственного архива
Российской Федерации*

А. С. ПУШКИН И РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

«О Пушкине сказано все:
Он — Солнце России,
Он — оправдание России,

Он вещий,
Он — исток всех певчих струн России.
Он — гений.

И еще одно надо бы сказать о Пушкине: Пушкин — чудо России.

Он единственный воистину любимый. Русские не всегда любят своих героев. Но вот есть на Руси и исключение. Есть и для нас Некто, кому мы поклоняемся и знаем, что должны поклоняться, и если кто не понимает, не чувствует, не может постигнуть величия этого «поклоняемого», тот берет его как догмат.

Этот Некто — Пушкин. Пушкин — чудо России». Эти слова Надежды Александровны Тэффи, опубликованные в Париже в специальном выпуске газеты «Пушкин. 1837—1937 гг.», посвященном 100-летию со дня смерти поэта, отражают не просто искреннюю любовь и уважение к нему, но и стремление русских эмигрантов остаться духовно связанными с Россией, символом которой для них был А. С. Пушкин.

История русской эмиграции, с первых дней своего бегства, связавшей себя с именем А. С. Пушкина, с достаточной полнотой отразилась в документах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), который по праву следует отнести к числу крупнейших центров хранения документальных материалов по истории Русского Зарубежья как в нашей стране, так и за рубежом. Здесь с января 1946 г. находятся на хранении документы двух архивохранилищ знаменитого Русского заграничного исторического архива в Праге, переданных в дар СССР в 1945 г. Правительством Чехословакии по случаю 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Кроме того, с начала 90-х годов ГА РФ предпринимаются серьезные усилия для пополнения комплекса документов по истории русской эмиграции архивами наших соотечественников, проживающих в разных странах мира. Возвращение архивной России является одним из приоритетных направлений в деятельности ГА РФ.

Среди фондов ГА РФ, в которых нашла свое отражение зарубежная Пушкиниана,— личные архивы многих крупных деятелей русской эмиграции, в том числе и исследователей жизни и творчества великого русского поэта, архивы многочисленных эмигрантских культурно-просветительских, научных и педагогических учреждений и организаций, газет и журналов, издававшихся в различных странах.

А. С. Пушкин не был для русской эмиграции лишь символом прошлого, о котором хотелось не только помнить, но в котором хотелось жить. Он стал частью их жизни. Как написал в своей статье «Источник воды живой» профессор С. В. Завадский: «Пушкин — наш современник»¹.

Лучшим подтверждением тому служит история создания первых русских эмигрантских школ и детских приютов, которые

для тысяч детей русской эмиграции оказались островком покинутой Родины. Здесь звучала русская речь, родная молитва, читали Пушкина, чьи произведения помогли им не только выжить в трудный период, но и остаться по духу и пониманию России русскими.

Огромная роль произведений поэта в воспитании молодого поколения эмиграции в духе сохранения традиций русской национальной культуры особенно стала заметна, когда число эмигрантов пополнилось детьми, родившимися за границей, духовное состояние которых сильно зависело от влияния культуры страны, давшей приют. Большой заслугой эмигрантской интеллигенции являлся поиск той формы воспитания молодежи, которая, противодействуя естественному процессу ассимиляции, позволила бы передать молодому поколению свои идеалы. К числу достижений в этом деле следует отнести организацию пушкинских праздников.

В 1924 г. русская эмиграция широко отметила 125-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Празднование юбилея было проведено во многих странах Европы, США и Китая. Составной частью юбилейных мероприятий стали детские праздники.

Празднование Пушкинского юбилея оказало огромное влияние на духовную жизнь всей русской эмиграции. Это было время, когда многие эмигранты из России еще пребывали в переездах из одной страны в другую в поисках работы и возможности дать детям образование. Еще не закончила складываться сеть культурно-просветительских учреждений и организаций. Этим в значительной степени объясняется причина того, почему Пушкинский юбилей в 1924 г. отмечался в большинстве стран более скромно, чем, например, 100-летие со дня смерти поэта, отмечавшееся в 1937 г. Тем не менее преуменьшать значение этого события в жизни русской эмиграции ни в коем случае нельзя. Именно оно в большей степени способствовало появлению стремления к организации общенационального русского праздника, который объединял русских эмигрантов и олицетворял их культурное единство.

10 февраля 1925 г. в Праге на совещании, в котором приняли участие представители Педагогического бюро по делам низшей и средней школы, Союза русских академических организаций в ЧСР, Объединения русских учительских организаций за границей, было принято решение «установить празднование общеэмигрантского дня русской культуры, избрав датой дня русской культуры 26 мая ст. ст. (день рождения Пушкина)»².

Идея установления Дня русской культуры отвечала духовным запросам русских людей, оказавшихся вне России. По этой причине праздник прочно вошел в жизнь эмиграции и ежегодно проводился во всех странах Европы, США и Китая вплоть до начала Второй мировой войны.

В памяти многих русских людей, оказавшихся в изгнании, навсегда остались воспоминания о Днях русской культуры, проводимых везде, где собирались эмигранты, — русских школах, приютах, детских садах, русских библиотеках, Русских Домах. Празднование Дней русской культуры широко освещалось в эмигрантской прессе, публиковавшей статьи, речи, доклады, воспоминания участников мероприятий, посвященные А. С. Пушкину, русской культуре, необходимости сохранить ее на чужбине.

Особенно остро свою связь с А. С. Пушкиным русская эмиграция ощутила в год 100-летия со дня его смерти. Стремление достойно отметить юбилей объединило эмигрантов во всех уголках земного шара независимо от их политических пристрастий.

Едва ли будет преувеличением, если сказать, что ни одному начинанию ранее не удавалось собрать вокруг себя такое число участников, как вокруг пушкинских дней 1937 г.

Желание почтить память А. С. Пушкина не было просто данью великому поэту. Скорее, это была потребность души русского эмигранта, который испытывал подъем чувства национальной гордости за Россию, которую он любил и помнил в изгнании.

Роль русской эмиграции как хранительницы национальных и культурных традиций огромна. Организация и проведение пушкинского юбилея в 1937 г. еще раз подчеркнули эту роль.

30-е годы — это особый период в истории послеоктябрьской эмиграции из России. Экономический кризис, охвативший большинство стран мира, еще более ухудшил ее положение. В большинстве стран средства, выделявшиеся из государственных и благотворительных источников для оказания помощи русским эмигрантам, убывали с каждым днем. Это привело к прекращению деятельности значительного числа эмигрантских организаций и учреждений. Закрывались русские школы, приюты, библиотеки, редакции газет и журналов. Стоит вспомнить и о сложной международной обстановке. К этому времени русской эмиграции уже не оставалось никакой надежды на возвращение в Россию. В предшествующие годы именно эта надежда нередко помогала пережить многие трудности и невзгоды беженцам скитаний.

В этих условиях, казалось, сама судьба дала русской эмиграции передышку и возможность почувствовать себя, как писала газета «Новое русское слово», «богатыми наследниками... такого общенародного сокровища»³, каким был А. С. Пушкин.

Подготовка к торжествам началась задолго до юбилея. Еще в феврале 1935 г. в Париже был создан специальный Пушкинский комитет, в задачи которого совместно с местными комитетами входила как организация и проведение мероприятий в самой Франции, так и координация деятельности Пушкинских комите-

тов, образованных в других странах, где проживали в тот период русские эмигранты. В состав Центрального юбилейного Пушкинского комитета вошли многие известные деятели русской эмиграции. Среди них председатель комитета М. М. Федоров, В. А. Макалов, П. Н. Милюков, И. А. Бунин, А. И. Куприн, С. М. Лифарь, А. В. Амфитеатров, Д. С. Мережковский, С. В. Рахманинов, И. С. Шмелев, А. В. Карташов, А. Н. Бенуа, М. Л. Гофман, В. Ф. Зеелер, Н. К. Кульман и другие.

К сожалению, установить точное число созданных в различных странах юбилейных Пушкинских комитетов не представляется возможным. Эмигрантская пресса того времени публикует разные сведения на этот счет, называя следующие данные: более 10, более 150 и даже более 200. Однако не вызывает сомнения тот факт, что организационные комитеты были образованы практически во всех странах, даже в тех, где русские были весьма малочисленны. Комитеты создавались не только в столичных городах, но и в провинциальных.

Безусловно, большой размах проведение пушкинских дней приняло в тех странах, где русские колонии были большими. Там же, где русских эмигрантов проживало мало, юбилей отмечался скромно. Нередко лишь участие в торжественной панихиде в русском православном храме и являлось той единственной возможностью почтить память великого русского поэта.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы и материалы эмигрантской прессы, празднование юбилея во многих странах растянулось по времени с зимы до лета 1937 г., когда по многолетней традиции отмечался День русской культуры, приуроченный, как отмечалось ранее, ко дню рождения А. С. Пушкина.

Примером тому может служить Франция, где в это время проживало около половины всей эмиграции первой волны. Во многих городах Франции и особенно в Париже Пушкинский юбилей отмечался очень широко и торжественно.

К числу самых значительных юбилейных мероприятий следует отнести открывшуюся в Париже в галерее Плейель выставку «А. С. Пушкин и его эпоха»⁴. Инициатором ее создания явился известнейший русский танцор, балетмейстер, собиратель пушкинских реликвий С. М. Лифарь. На его призыв принять участие в организации выставки откликнулись и многие другие коллекционеры из числа русских эмигрантов. В результате, как писали газеты того времени, в центре Парижа возник настоящий музей А. С. Пушкина.

На выставке экспонировались двенадцать подлинных писем поэта на французском языке с адресом по-русски «Ее Высокоблагородию М. Г. Наталии Николаевне Гончаровой в Москве в собственном Доме». Кроме того, зрители увидели рукопись «Пу-

тешествия в Арзрум», печать поэта, его документы о высылке в Бессарабию и др. В отдельной витрине были представлены экспонаты о его гибели — пистолеты Баранта, взятые у него Дантесом для дуэли, копия письма А. С. Пушкина к Геккерну и некоторые другие материалы. В витрине «Пушкин и декабристы» был представлен «Сибирский альбом», включавший в себя подлинные рисунки Давыдова и Поджио. Отдельные витрины были посвящены «Евгению Онегину», другим прижизненным изданиям А. С. Пушкина и изданиям поэтов пушкинского поколения. Широко на выставке были представлены живопись, гравюры, миниатюры того времени, которые помогли передать подлинный дух пушкинской эпохи. Посетители выставки увидели миниатюры портретов самого Пушкина работы Тропинина, портреты его родителей, Н. Н. Пушкиной, подлинные рисунки поэта, вещи, принадлежавшие его семье, которые помогли воссоздать атмосферу, в которой жил и творил великий русский поэт. Самостоятельным разделом были представлены издания, вышедшие к юбилею эмиграции и в Советском Союзе⁵. Как писал С. Лифарь в своих воспоминаниях «Моя зарубежная Пушкиниана»: «Здесь было сделано все, что можно было сделать вдали от Родины, вдали от наших русских музеев и архивов...»⁶.

Выставку открыл внук поэта Н. А. Пушкин*. После церемонии открытия в интервью газете «Последние новости» он сказал: «Я в совершенном восхищении от этой выставки, никогда не думал, что мы в эмиграции обладаем такими сокровищами и таким количеством реликвий, относящихся к моему деду. Выставка делает честь ее организаторам»⁷.

На открытие выставки съехался не только весь русский Париж, но и эмигранты из других стран. Кроме того, здесь присутствовали многие деятели зарубежной культуры, министры, дипломаты. Церемонии открытия посетили митрополит Евлогий и другие представители русского духовенства, И. А. Бунин, Н. Бердяев, А. Вергинский, А. Бенуа, М. Добужинский, М. Цветаева, М. Алданов, З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Шмелев, А. и И. Мозжухины, А. Ремизов, Н. Тэффи, В. Ходасевич, В. Сирин-Набоков, Н. Плевицкая, П. Н. Милюков, В. Л. Бурцев, адмирал М. А. Кедров, великий князь Андрей Владимирович с супругой светлейшей княгиней М. Ф. Романовской-Красинской, больше известной нам как выдающаяся балерина и педагог, воспитавшая в своей студии в Париже целое созвездие русских балетных танцоров, М. Кшесинская.

К концу дня выставку посетил внук Дантеса Жорж Геккерн. Как писали «Последние новости», уже в первый день выставку посетило до тысячи человек⁸.

18 марта 1937 г. также в галерее Плейель С. М. Лифарь при участии Тургеневской библиотеки и Русского народного универ-

ситета организовал балетный вечер, где многочисленным зрителям были представлены сцены из балета «Руслан и Людмила» и новый спектакль «Цыганы» в постановке С. М. Лифаря. Специально к спектаклю композитором П. И. Ковалевым была написана музыка, которую исполнил парижский симфонический оркестр⁹.

Союз русских дворян в Париже в особняке на улице Монфор провел торжественное собрание и музыкальный вечер, участники которого торжественно почтили память великого русского поэта. С речами выступили председатель Союза П. П. Менделеев, И. А. Бунин, И. И. Тхоржевский, А. А. Половцов. С большим успехом выступила артистка Мариинского театра А. Е. Яковлева, исполнившая русские романсы. На вечере присутствовали гр. В. Н. Ковцев, кн. и княгиня Мещерские, гр. Воронцова-Дашкова, кн. Н. Л. Оболенский, кн. Шаховская, баронесса Врангель, генерал Е. К. Миллер, адмирал М. А. Кедров, А. П. Столыпин, С. Д. Боткин, А. Ф. Гирс и др.¹⁰.

Безусловно, перечень торжественных юбилейных мероприятий, проведенных во Франции, можно было бы продолжить и далее.

Грандиозные юбилейные торжества были проведены и в другом центре русской эмиграции — Праге. Председателем Пушкинского комитета здесь был избран профессор Карлова университета Е. А. Ляцкий. Поэтому не случайно то, что активную роль в организации пушкинских дней в Чехословакии сыграли преподаватели этого университета, известнейшие русские ученые, которые уже в начале января 1937 г. в помещении Карлова университета провели целый ряд торжественных собраний, где выступили с докладом о А. С. Пушкине.

Одним из самых заметных событий среди пушкинских праздников, приуроченных к юбилею, стало торжественное собрание, проведенное 10 февраля 1937 г. в зале Карлова университета, которое посетили Президент Чехословакии Э. Бенеш, министр народного просвещения д-р Э. Франке, проф. Г. Горак. Собрание открыл хор Пражского радио, исполнивший кантату С. Глазунова¹¹. Вечером того же дня в Национальном театре состоялся спектакль-опера «Евгений Онегин»¹².

14 февраля в Пантеоне Национального музея была открыта выставка, посвященная жизни и творчеству А. С. Пушкина¹³.

19 февраля 1937 г. в Пражском государственном драматическом театре состоялась премьера драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»¹⁴.

Как и во Франции, пушкинские юбилейные мероприятия в Чехословакии проводились до июня 1937 г., когда отмечался День русской культуры. Так, 13 мая 1937 г. в Большом зале городской библиотеки состоялся торжественный вечер, на котором

выступил приехавший из Парижа И. С. Шмелев с докладом «Заветная встреча», прозвучали стихи поэта в исполнении известных русских артистов и музыка С. Рахманинова. Как отмечала пресса, вечер прошел с большим успехом, в нем приняло участие более 600 человек¹⁵.

Большой интерес у русских эмигрантов в Чехословакии вызвал художественный кинофильм «Дубровский», снятый на киностудии «Ленфильм» специально к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина и включенный в юбилейную программу в Праге. 5 марта 1937 г. состоялась премьера этого фильма, после чего он вышел на широкий экран. В информационном бюллетене русского свободного университета, преподаватели которого также внесли свой достойный вклад в организацию и проведение Пушкинских дней в Чехословакии, говорилось: «Этот фильм второй месяц не сходит с экрана в Париже. Его техническое совершенство, художественная постановка, сохранение духа и стиля эпохи, картины русской природы и, наконец, игра всех без исключения артистов, даже в маленьких ролях, позволяют без всякой натяжки назвать этот фильм подлинным шедевром советской продукции».

Конечно, не у всех фильм вызвал такое же впечатление. Некоторым он показался достаточно политизированным. Но в целом фильм «Дубровский» вызвал большой интерес у русских эмигрантов и был ими высоко оценен. В газете «Возрождение», выходившей в Париже, один из зрителей написал: «В нем есть все, чего мы с нетерпением ждем от любого русского фильма: русская природа, русские лица, русские голоса. Пожалуй, только смотря такие фильмы, мы чувствуем, насколько в эмиграции потеряна и чистота языка, и какая-то невесомая ценность русского слова»¹⁷. Хотя имевшие место связи между Советским Союзом и эмиграцией носили скорее случайный, чем закономерный характер, тем не менее приведенный факт является достаточно убедительным свидетельством того, что одинаковое понимание важности и уникальности личности А. С. Пушкина пусть и без осознания той и другой стороной продемонстрировало основанное на общих корнях и традициях единство русской культуры.

Касаюсь истории проведения Пушкинских дней в Русском Зарубежье, посвященных 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, необходимо отметить, что к юбилею в эмиграции вышло в свет большое число произведений А. С. Пушкина как на русском языке, так и в переводе на иностранные языки. Представители русской эмиграции много усилий приложили к тому, чтобы А. С. Пушкин был переведен на все европейские и другие языки мира. Таким образом, празднование Пушкинского юбилея стало заметным явлением в мировой культурной жизни XX столетия. В Париже к юбилейным дням под редакцией профессора Н. К. Кульмана было издано полное собрание сочинений, которое прода-

валось по достаточно низкой цене, чтобы быть доступным широкой массе русской эмиграции. Было выпущено в свет юбилейное издание сочинений поэта под редакцией М. Л. Гофмана. Были изданы и многочисленные исследования жизни и творчества А. С. Пушкина, в том числе и на страницах эмигрантской печати. Среди тех, кто в юбилейные дни посвятил свои исследования жизни и творчеству А. С. Пушкина, были Н. Бердяев, Н. Раевский, М. Гофман, П. Остроухов, Е. Шмурло, И. Шмелев, проф. Штейн и многие, многие другие.

Деятели русской музыкальной и театральной культуры специально к юбилею осуществили постановки спектаклей, балетных и оперных произведений.

Конечно, не все идеи, связанные с Пушкинским юбилеем, удалось воплотить в жизнь. Так, остался неосуществленным план установки памятника А. С. Пушкину в Париже, хотя для этого предпринимались серьезные шаги и собирались денежные средства¹⁸. Можно назвать несколько примеров того, когда Пушкинским комитетам удалось это сделать. 11 февраля 1937 г. памятник великому русскому поэту был установлен в Шанхае. В церемонии открытия памятника приняли участие большое число русских эмигрантов, проживавших в тот период в Шанхае. Под звуки марша мимо памятника прошли учащиеся русских эмигрантских школ¹⁹. Памятник-бюст А. С. Пушкину работы скульптора Дерюжинского был открыт в Лос-Анжелесе на участке, предназначенном для постройки здания Русского Дома. В Нью-Йорке 7 февраля 1937 г. на торжественном собрании в зале Мека-Темпл на сцене был установлен бюст А. С. Пушкина работы скульптора С. Коненкова²⁰.

Пушкинский комитет в Париже летом 1937 г. вынес решение об учреждении в Париже Музея материалов чествования памяти А. С. Пушкина, который, по мысли его организаторов, «со временем будет переведен в Россию»²¹. Комитет обратился к юбилейным комитетам других стран с предложением поддержать эту идею и присылать имеющиеся у них документы.

Дни памяти, посвященные 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, позволили русской эмиграции как никогда ранее почувствовать себя частью России. В своем выступлении 11 февраля 1937 г. на собрании в зале Иена в Париже И. С. Шмелев сказал: «Народ, имевший Пушкина, не может погибнуть»²².

Хочется думать, что эти пророческие слова могут быть адресованы и к сегодняшнему времени, когда гений А. С. Пушкина вновь объединит всех нас в России, Ближнем и Дальнем Зарубежье.

Примечания

1. ГА РФ. Ф. Р-5850, Оп. 1, Д. 9а, Л. 4.
2. Там же. Д. 1. Л. 1.
3. Новое русское слово, 13 февраля 1937 г.
4. Последние новости, 17 марта 1937 г.
5. Наше наследие. 1989, № 3. С. 27.
6. Там же.
7. Последние новости, 17 марта 1937 г.
8. Там же.
9. Последние новости, 13 марта 1937 г.
10. ГА РФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.
11. Там же. Д. 48. Л. 25.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. Д. 4. Л. 18 об.
16. Там же. Д. 48. Л. 4.
17. Возрождение. 1937, № 4064.
18. Рассвет, 30 ноября 1936 г.
19. Последние новости, 12 марта 1937 г.
20. Последние новости, 24 марта 1937 г.
21. Рассвет, 5 июня 1937 г.
22. Последние новости, 13 февраля 1937 г.

* После событий 1917 г. в эмиграции оказались некоторые из внуков А. С. Пушкина. Среди них Николай Александрович и Елена Александровна, дети Александра Александровича и его второй жены Марии Александровны (урожденной Павловой). Николай Александрович (1884—1964) окончил юридический факультет при московском императорском лицее в память цесаревича Николая. В годы гражданской войны — военно-морской следователь; выехал с семьей — женой Надеждой Алексеевной, детьми дочерью Натальей и сыном Александром из Севастополя в Константинополь, где Николай Александрович служил секретарем и переводчиком в оккупационном корпусе Французской армии, затем занимал должность инспектора и преподавателя французского языка в русской школе в Эрэнкее. В 1922 г. семья переехала в Королевство С.Х.С., где Николай Александрович служил секретарем Белградской миссии Лиги Наций и Международного Красного Креста. В декабре 1923 г. Пушкины переехали в Бельгию. Николай Александрович стал родоначальником бельгийских потомков поэта. Работал служащим в одном из брюссельских банков. Много времени и сил отдавал переводу произведений А. С. Пушкина на иностранные языки.

Елена Александровна (1889—1943) в 1918 г. вместе с матерью Марией Александровной выехала в Турцию, работала переводчиком русского посольства в Константинополе, в 1921 г. вышла замуж за Н. А. Розенмайера, в 1923 г. семья покинула Турцию, в последние годы Елена Александровна проживала во Франции.

*Т. С. Тугова,
заместитель директора
Центрального государственного
архива Московской области*

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ А.С.ПУШКИНА В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ

Период с 1917 по начало 90-х гг. нашего столетия — хронологические границы документов, находящихся на государственном хранении в Центральном государственном архиве Московской области, значительно удален от пушкинской эпохи. Тем не менее в результате кропотливой работы, проделанной нашими сотрудниками в ходе подготовки к юбилею А. С. Пушкина, были обнаружены любопытные документы, связанные с увековечением памяти поэта в Москве и Подмоскowie.

Содержащиеся в них сведения хронологически составляют две группы: документы 20-х годов и документы 70-х годов нашего столетия, возникшие в ходе подготовки к 90-летию и соответственно 140-летию со дня гибели А. С. Пушкина.

Среди документов первой хронологической группы четко прослеживаются два тематических направления:

— результаты обследований историко-архитектурных памятников Москвы и Московской губернии, связанных непосредственно с жизнью А. С. Пушкина, а также личностями, которых объединяют с ним родственные узы;

— результаты обширных историко-архивных исследований, проведенных Обществом изучения Московской губернии в лице специально созданной Пушкинской комиссии по проверке одной из версий о месте рождения поэта в Москве.

По первому сюжету большой интерес представляет письмо Музейного отдела Главнауки 1924 г., подписанное Ф. Пешковым и направленное в Московский отдел народного образования. Документ содержит описание дома-усадыбы «Ярополец» Волоколамского уезда, принадлежавшего на тот момент местной школе. Особое внимание обращается на плачевное состояние так называемой «пушкинской комнаты», в результате эксплуатации которой образовалась огромная трещина на потолке, а роспись стен начала XIX века постепенно уничтожалась учащимися. Музейный отдел указывает на необходимость принятия самых решительных мер по охране памятника. Причем копия письма была направлена в Волоколамский уездный исполком, о чем свидетельствует помета на документе.

Пытаясь защитить от разрушения и уничтожения здания, так или иначе связанные с пребыванием в их стенах выдающихся деятелей науки, литературы и искусства, Московский отдел народного образования по заданию Моссовета в том же году подготовил список таких объектов, расположенных на территории Москвы. Документ этот носит следующее название: «Дома и места, связанные с именами лиц исторического значения». «Лица исторического значения» расположены по алфавиту, против каждой фамилии указано, каким именно образом проявилось пребывание данного человека в помещении, расположенном по указанному адресу. Возглавляет сей список Сергей Тимофеевич Аксаков, который (цитирую): «жил и бывал» в доме Якунчиков в Малом Кисловском переулке. Седьмым по списку следует Н. В. Гоголь с пометой «умер» и указанием адреса — Никитский бульвар, д. 7. Против А. С. Пушкина, занимающего в списке 24 позицию, находим следующую запись: «родился на Немецкой улице (Баумана)». Далее следуют: Суворов, Скрябин, Толстой и завершает список 38-м по счету художник Левитан.

Аналогичная работа по обследованию исторических памятников, усадеб и концентрации музейного фонда Республики велась в масштабах Московской губернии под руководством Главнауки Наркомпроса РСФСР и при содействии Губмузея. Сохранились многочисленные документы, возникшие в ходе обследований, среди которых особый интерес представляет «Список усадеб, находящихся на учете Главмузея по Московской губернии». В этом списке перечислены 67 историко-архитектурных памятников, в том числе усадьба Мусина-Пушкина «Покровское» Рузского уезда, в сопровождении текста следующего содержания: «Из усадьбы вывезено в бывшее Строгановское училище, Исторический и Румянцевский музеи свыше 600 предметов художественно-исторического значения. Мебель и другие громоздкие вещи сложены были в кладовую и отданы на хранение управляющему усадьбы. Дом занят под школу.

Что касается изысканий Пушкинской комиссии при обществе «Старая Москва» по уточнению места рождения А. С. Пушкина, то следует сказать о концентрации этих документов в двух крупных фондах нашего архива. Первый из них — фонд Московского отдела народного образования — богатейший источник информации по истории московских улиц, памятников, музеев, подмосковных усадеб, архитектурно-парковых ансамблей. Среди приказов и распоряжений, актов передачи зданий под школы, детские дома, санатории для рабочих и крестьян, списков национализированного имущества были выявлены документы, также связанные с именем А. С. Пушкина. Это — переписка Общества изучения Московской губернии с МОНО о проделанной работе и необходимости закрепления полученных результатов. Специаль-

ная комиссия из пушкиноведов и представителей научных и общественных организаций Москвы, созданная обществом «Старая Москва», в ряде заседаний, проведенных в 1927 г., обсудив результаты проведенных изысканий, «признала всю правильность и исчерпывающую полноту произведенных исследований, установивших место рождения А. С. Пушкина во владении № 10 по ул. Баумана (бывшая Немецкая ул.), принадлежащем в 1799 г. сослуживцу отца поэта И. В. Скворцову» (ранее считалось, что Александр Сергеевич родился в доме № 27). Письмо за подписью председателя Пушкинской комиссии П. Н. Миллера содержит предложение отметить достойным образом место рождения поэта. Другой документ — протокол совещания специально созданной Художественной комиссии — содержит подробное описание как самого владения № 10, так и прилегающих к нему территорий. В результате осмотра, произведенного на месте, Комиссия приняла решение обратиться в Моссовет с конкретными предложениями, главными из которых были следующие:

— установить на месте владения № 10 мемориальную доску на специально сооруженной для этого стене;

— территорию указанного владения расчистить, сохранив имеющиеся зеленые насаждения (в том числе высокий старый дуб), и разбить сквер с последующим устройством общественного сада им. А. С. Пушкина.

Пушкинская комиссия в поисках поддержки своих инициатив обратилась с письмами, также подписанными П. Н. Миллером, в ряд учреждений: Отдел Московского коммунального хозяйства, Московский отдел народного образования. Причем везде предложения по увековечению памяти А. С. Пушкина встречали полное одобрение, о чем свидетельствуют обнаруженные документы.

Удачные находки подтолкнули архивистов ЦГАМО к дальнейшему поиску информации, связанной с именем поэта. В другом крупном фонде — Московского губернского совета профессиональных союзов (МГСПС) был найден еще один аналогичный документ — письмо Пушкинской комиссии, направленное в Культотдел МГСПС. В резолюции заведующего отделом также выражается полная поддержка проекта.

Несомненный интерес представляет комплекс документов 70-х гг., касающихся истории создания Пушкинского музея-заповедника «Захарово—Большие Вяземы». Эти документы отложились в фонде Московского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Сохранилось решение Одинцовского горсовета «Об установке мемориального памятного знака в селе Большие Вяземы», где неоднократно гостил поэт в свои детские годы (1805—1811), проводя лето в усадьбе Захарово, принадлежавшей бабушке А. С. Пушкина Марии Алексеевне Ганнибал, а также предложение Один-

цовского городского отделения ВООПИиК возбудить ходатайство перед Советом Министров РСФСР о включении усадьбы М. А. Ганибал в перечень памятников государственного значения и создания на базе Захарова и Больших Вязем историко-литературного заповедника. К документу прилагается историческая справка, составленная местным краеведом А. И. Виноградовым.

В этом фонде хранится еще один весьма любопытный документ — коллективное письмо в редакцию газеты «Сельская жизнь» жителей села Остафьева Подольского района, в котором располагалась усадьба Вяземских, где Н. М. Карамзин писал «Историю государства российского». Жители села активно протестуют против ничем неоправданного размещения промышленных объектов на исторической территории, уродующих неповторимый природный ландшафт, приносящих вред памятникам архитектуры. В письме содержится просьба оказать содействие в сохранении села Остафьева таким, каким оно было при А. С. Пушкине.

Сопоставление документов 20-х гг. и более позднего периода дают нам возможность еще раз убедиться в уникальности Пушкина как явления российской культуры. Во все времена соотечественников продолжает волновать творчество поэта, его личность, судьба всего, что связано с памятью Александра Сергеевича. Он действительно *наш* Пушкин.

*В. А. Викторovich,
заведующий кафедрой
Коломенского педагогического
института, д. ф. н., профессор*

АРХИВ ПУШКИНИСТА Д.С.ДАРСКОГО В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

«...где ни откроешь Вас — все «бьет в самый центр» дела, и так все звучно, музыкально. Вот как бы о Вас сказал Страхов: «пламень мысли, бегущей по строкам...», — так писал 5 мая 1916 года к Дмитрию Сергеевичу Дарскому (1883—1957) Василий Розанов¹. Дарование молодого критика-интуитивиста быстро со-

зревало от книги к книге: «Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева» (1914), «Маленькие трагедии Пушкина» (1915), «Радость земли. Исследование лирики Фета» (1916). В импрессионистско-философическом эссеизме Дарского заманчиво мерцали метафизические тайны творчества, обещающие новые горизонты для феноменологической критики. Представитель иного направления Б. Эйхенбаум в рецензии на вторую книгу Дарского, критикуя за эклектизм («скрещении» Мережковского и Айхенвальда), все же назвал ее этюдом к такому труду о Пушкине, «до которого вряд ли доработается наше поколение»².

Ожиданиям и впрямь не суждено было сбыться. Этюдами можно назвать все последующие книги Д. С. Дарского, писавшиеся уже после революции: о Розанове, Пушкине, Достоевском, Тургеневе, Чехове, о богочеловеческой природе Христа, о бессмертии... Все они остались в рукописях, значительная часть которых была сохранена другом Дарского Т. Г. Цявловской и затем передана в архивохранилище. Ныне это личный фонд Д. С. Дарского (Ф.2113) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Объективная оценка этого немалого наследия станет возможной, когда оно дойдет, наконец, до читателя (пока опубликованы лишь некоторые работы или отрывки)³. Первое же, что следует отметить, так это внутреннюю, «тайную свободу» автора, когда-то редактора тульской кадетской газеты, а в новое время скромного библиотекаря Государственного исторического, затем Государственного литературного музеев Москвы, библиотеки Московской Патриархии, а по существу внутреннего эмигранта. Его эмиграцией, способом «самостоянья» было писание в стол. И второе. Все работы Дарского производят впечатление эскиза, наброска, введения в какую-то очень значительную, но еще не разработанную область. Причиной тому не только внешние обстоятельства. Таково, очевидно, свойство автора как творческой личности.

Наиболее значительная часть рукописного наследия Дарского посвящена Пушкину. Когда-то (1915—1917) участник московского Пушкинского кружка (И. Н. Розанов, Б. А. Грифцов, В. Ф. Ходасевич, М. А. Цявловский), он в 1922 г. избирается действительным членом Общества любителей российской словесности (ОЛРС), а в 1924 г., по рекомендации Цявловского и Гершензона⁴, — членом Государственной академии художественных наук (ГАНХ). 5 февраля 1922 г. на заседании ОЛРС Дарский читает доклад о «Пиковой даме», 1 февраля 1923 г. — доклад «Пушкин и Достоевский» (текст хранится в архиве Дарского), а 22 апреля 1923 г. на Пушкинской комиссии Общества — главу из своей книги «Три любви Пушкина», вызвавшую бурную полемику, в которой участвовали Б. М. Соколов, М. А. Цявловский, Н. Н. Фа-

тов, В. Ф. Саводник, В. В. Вересаев⁵. По поводу последнего события через многие годы В. В. Набоков с некоторым изумлением скажет о «некоем Дарском, чья идея обсуждалась и была отвергнута беспросветно-холодным вечером 21 декабря 1922 г. (*ошибка в дате.* — В. В.) Обществом любителей российской словесности, героически заседавшим во мраке и холоде ленинского правления»⁶.

Книга «Три любви Пушкина» стала основным трудом Дарского-пушкиниста после революции. Бурную реакцию коллег вызвало последовательное развитие так называемого биографического метода применительно к поэзии Пушкина, предложенного М. О. Гершензоном под названием «искусства медленного чтения». Биографы Пушкина, утверждал Гершензон в статье «Северная любовь Пушкина» (1908, переиздания в 1912 и 1919), «оставили без внимания весь тот обильный материал, который заключен в самих стихах Пушкина. Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства, — надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину»⁷. Понимая рискованность такого чтения (лирическое «я» неадекватно биографическому), готовый слушать все «предостерегающие голоса», Дарский стремился при этом сохранить рациональное зерно в предложении Гершензона с помощью оригинальной поправки: «я только ограничиваю его научное значение, принимая его не как аксиому, а как рабочую гипотезу. Априорное и категорическое отрицание правомочности биографического метода было бы догматично не менее чем безоглядно-доверчивое им пользование»⁸. Кроме того, не предвидя универсального решения проблемы автобиографизма пушкинской поэзии, Дарский предлагал исходить из особенностей каждого отдельного произведения или поэтического мотива.

Спор «наивных биографистов» с «антибиографистами» продолжался сравнительно недолго. На малочисленной стороне первых выступил поэт-пушкинист В. Ф. Ходасевич (Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924). Б. В. Томашевский предложил ограничить биографическое прочтение случаями «императивного биографизма текста», сознательного мистифицирования читателя и выдвижения «литературной истории» произведения (Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925). Наиболее непримиримым противником биографизма выступил В. В. Вересаев (В двух планах. М., 1929)⁹.

На методологическом уровне как универсальный метод «биографизм» был разбит, но неизбежные осколки его сохранились во всем последующем пушкиноведении, так сказать, на эмпирическом уровне — в нескончаемых переборах прототипов и про-

тосюжетов. Едва ли не самой заманчивой оказалась тема «утаенной любви» Пушкина после того, как ее открыл М. О. Гершензон (в свою очередь, реанимировав старое высказывание А. И. Незеленова) в упоминавшейся статье «Северная любовь Пушкина». Книга «Три любви Пушкина» писалась Дарским в самый разгар полемики. Приняв тезис Незеленова—Гершензона о том, что «через жизнь Пушкина еще до ссылки прошла какая-то очень большая и серьезная, и вместе с тем несчастная неразделенная любовь»¹⁰, пушкинисты один за другим выдвигали своих претенденток взамен предложенной Гершензоном М. А. Голицыной: Марию Раевскую — П. Е. Щеголев (Утаенная любовь Пушкина, 1911, 1914; Мария Волконская. Пг., 1922) и его последователь Б. М. Соколов (Кн. Мария Раевская и Пушкин. М., 1922), Наталью Кочубей — П. К. Губер (Дон-Жуанский список Пушкина. Пг., 1923). Кроме того, оставались традиционные претендентки на «трон» — Елена и особенно Екатерина Раевские (работы Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского). Когда первый вариант книги Дарского уже был написан, увидела свет еще одна версия — Ю. А. Тынянова, предложившего на эту роль Е. А. Карамзину (Безыменная любовь, 1939). Одна из последних к нам по времени версия Ю. М. Лотмана была своеобразной реакцией на затянувшийся спор: «утаенная любовь» Пушкина, подытожил исследователь, не более как мистификация поэта¹¹.

Работу Д. С. Дарского, не опубликованную своевременно, следовало бы поставить в этот ряд. Его версия была, несомненно, оригинальной и в то же время носила синкретичный характер, объединяя и примиряя в себе предложения предшественников. Там, где видели одну сквозную тему, он предложил мозаику из трех: «северная любовь» (ее поэтический псевдоним у Пушкина — Лейла), «южная» (Эльвина) и «украинская». На роль Эльвины Дарский довольно неожиданно (гипотетически!) выдвинул компаньонку Раевских татарку Анну Ивановну, под «украинской» он подразумевал М. Н. Раевскую. Наиболее сложной, таинственной в этом трио оказывалась партия «северной любви», где тема умершей возлюбленной сопровождалась мотивом угрызений совести («мучительная тень»). В последнем случае Дарский отверг преувеличенное, на его взгляд, П. Е. Щеголевым значение А. Ризнич и отчасти приблизился к биографическому толкованию «Русалки» В. Ф. Ходасевичем.

«Мой главнейший аргумент, — писал Дарский, — единственно поэтического комплекса. Чем объяснить это единство? Общим сюжетом? Но откуда эта устойчивость и повторяемость сюжета? Нет, говорю я, не сюжет, а лицо. В сущности, моя работа сводится к тому, чтобы установить несколько рядов внутренне связанных произведений, закрепляя каждый ряд за тем или другим лицом.

Причем даже не важно, кто именно является этим лицом, а важна поэтическая история, с ним связанная»¹².

Гипотезы Дарского вызвали негативную реакцию далеко не у всех пушкинистов. Так, на упоминавшемся заседании Пушкинской комиссии его поддержал М. А. Цявловский, а чуть позже П. Н. Сакулин. Стремясь опубликовать свою работу, Дарский обратился к В. Я. Брюсову, который когда-то поддержал его книгу о Тютчеве. Приведем целиком письмо Дарского и отзыв поэта-пушкиниста, извлеченные из архива.

Д. С. Дарский — В. Я. Брюсову 13 января 1924 г.¹³.

«Мне хочется предложить на Ваше суждение свою работу, написанную с год тому назад. На мой взгляд, в ней есть нечто существенно новое и немаловажное в изучении Пушкина, а между тем я почти лишен возможности услышать мнение компетентных пушкинистов. Правда, я читал эту работу два раза в Академии Художественных наук и в Пушкинской комиссии, но читал в отрывках, так что полного представления нельзя было получить. Мои попытки пристроить в издательствах кончились все ничем. Не надо говорить, как тяжело держать вещь, которой дорожишь, в столе. Я был бы чрезвычайно признателен, если бы Вы познакомились с моею рукописью и еще более благодарен, если бы не отказались со мною поговорить. Известить меня можно в библиотеку Исторического Музея...»

В. Я. Брюсов. Отзыв о работе Д. С. Дарского «Три любви Пушкина»¹⁴.

«Работа Д. С. Дарского «Три любви Пушкина» является ценным вкладом в Пушкинскую литературу. С большим знанием дела, приводя доказательства по первоисточникам, автор разбирает несколько основных вопросов биографии Пушкина, тесно связанных с его творчеством. Этот разбор приводит к критике многих положений, до сих пор считавшихся более или менее твердо установленными. Автор вскрывает ошибочность, недостаточность или противоречивость доказательств, обычно приводимых в защиту этих положений, и тем ставит перед всеми будущими исследователями обязательство вновь пересмотреть их. Попутно автор выясняет некоторые детали биографии Пушкина. Менее бесспорна эта часть работы, где от критики своих предшественников автор переходит к самостоятельным построениям. Здесь многое остается в области догадки и гипотезы, поддерживаемых лишь некоторыми косвенными доказательствами. Таким образом, работа Д. Дарского не решает вопроса, но она вновь ставит его с новой точки зрения и показывает, что было бы ошибочно считать его решенным. Метод автора узко историко-литературный, но это вызывается самим существом предмета. Работа, конечно, не предназначается для широких кругов чита-

телей, так как по ней *знакомиться* с биографией и творчеством Пушкина нельзя, но она очень полезна для пушкинистов-специалистов и вообще движет вперед наши знания о Пушкине.

4 июня 1924 г. Валерий Брюсов».

Отзыв Брюсова не помог. Дарский впоследствии еще как минимум дважды пытался преодолеть предубеждение против него как «субъективиста» и «мистика»¹⁵: к пушкинским юбилеям 1937 и 1949 гг. Не помогло и переименование книги (в 30-е годы название ее звучит более нейтрально и научнообразно: «Поэзия Пушкина в биографическом освещении»), и положительные отзывы на нее А. К. Воронского, М. А. Рыбниковой¹⁶. Наиболее развернутый, скрупулезный разбор многострадальной рукописи предприняла в 1952 г. Т. Г. Цявловская. Суд строгого пушкиниста («Какая беллетристика!») соединился с восхищением читателя («Вы впечатляете как художник»). Итоговая оценка несостоявшейся книги была, впрочем, нелицеприятной: «у Вас два пути: или ограничить себя и выбрать наиболее продуманное, наименее безответственное — для статьи; или же перейти на рельсы беллетриста, которому все позволено. А так — это какой-то межумочный жанр. Обидно за Вас, за Вашу безусловную талантливость, за массу тонких, метких и глубоких наблюдений, которые тонут в пучине вымысла, увлекаемые на дно тяжелыми построениями»¹⁷.

Интересно, что гораздо выше оценила Т. Г. Цявловская пушкиноведческие работы Дарского, которые вполне можно было бы отнести к заклеянной «мистике». Дело в том, что Дарский, уже без всяких надежд на публикацию продолжал разрабатывать тему предреволюционной книги о маленьких трагедиях. Намечалось целостное исследование о произведениях Пушкина первой болдинской осени (1830); были написаны главы о повестях Белкина, о некоторых «болдинских» стихотворениях. Скорее всего, книга так и не была завершена. Приведем некоторые наиболее характерные отзывы Т. Г. Цявловской, глубоко постигшей специфику дарования своего друга и проистекавшую отсюда драму его замалчивания.

«Как я близорука! Никогда не сопоставляла замеченной Вами аналогии растоптания денег Самсоном Выриным и Снегиревым... Это хорошо: «Вообще, если Вы хотите хорошо услышать Пушкина, поставьте перед ним резонатор — Достоевского»... Эта глава — «Станционный смотритель» — особенно хороша. Может быть, потому, что все увидено понимающим сердцем. Все мудро и тонко. И я готова признать, что тут было «отталкивание» от образа отца Пушкина, оскорбившего блудного сына — Пушкина полным непониманием его в ответственную и важную минуту жизни.

...Вот ведь какая беда! Умный, талантливый, изощренно мыслящий человек находит для себя прекрасное поле деятельности. У Пушкина загадок без конца. «Буду разгадывать», — говорит он. Проверять нечем. — Кто верит, кто не верит его построениям. Но неверующим опровергнуть нечем.

...все неожиданно и прелестно. Я совсем не думаю, чтобы Вы тут раскрыли замысел Пушкина, но я воспринимаю Ваше творчество, как второй ряд, как Верди — Лист. Верди написал — оригинально, мелодично, трогательно, западает в душу. Почему же так увлекаются переложениями Листа? — Спросите их. Вы любите играть — переходить из вещественности в абстрактность... Эта игра для Вас — хлеб. Но боюсь, и даже уверена, что это не всегда понятно Вашему читателю. Отсюда — все последствия»¹⁸.

Замечательный пример такого «перехода» из вещественности в «абстрактность» (на наш взгляд, точнее было бы говорить об «овеществлении» абстрактного, свойственном эссеистскому стилю Дарского) дает размышление Дарского о пушкинской строке «Над вымыслом слезами обольюсь» («Элегия», 1830): «Что же это такое: есть ли все только психологический процесс, субъективный внутренний образ, произведение произвольной фантазии, заключенное в пределах ума, или вымысел поэта есть нечто сущностное, духовная реальность, субстанциальная идея, имеющая самостоятельное бытие рядом или над материальным миром, весть из иных миров, «призрак жизни неземной», «мечтанья неземного сна», как говорил сам Пушкин. В таком случае поэт *не создает* из самого себя свой вымысел, но в формах вымысла *усваивает* нечто из мира духовных сущностей, *приобщается* к иным реальностям. В Священном Писании для этого употребляется слово: *вкушает; вкушать, питаться* и всего чаще *есть*, так сказать *приобщаться*. В таком смысле поэт есть пророк. Но в то же время он *создает* свои видения. Он воспринимает неземной материал и придает ему земные формы. Но в таком случае вымысел не есть обманчивый фантом, а реальная тень. В особенности такую духовно-реальную тенью, имеющей самобытную жизнь, являются образы умерших людей»¹⁹.

Рассуждение явственно отзывается эстетически интерпретированными идеями Н. Ф. Федорова, последователем философии которого, судя по всему, был Дарский.

Еще один пушкиноведческий труд Д. С. Дарского, итоговый для него, но также оставшийся незавершенным, — «Поэзия и правда в жизни Пушкина». Сюда должны были влиться переработанные «Три любви Пушкина» вместе с такими работами, как «Пушкин в Одессе»²⁰, «Избыток воображения или причины высылки Пушкина в Михайловское»²¹. В первой из них автор предположил, что причиной ревнивой вражды М. С. Воронцова

к поэту было их соперничество в любви к О. С. Нарышкиной («Бешеная страсть к Ольге Нарышкиной — какая фантазия!» — Т. Г. Цявловская²²). Во второй — столь же мало аргументированное предположение, что причиной второй ссылки Пушкина была «Гавриилиада». При этом Дарский давал весьма нетрадиционную по тем временам трактовку отношений поэта и власти. Александр I, по мнению исследователя, поступил с Пушкиным вполне милостиво и даже дальновидно — дабы «успокоить избыток воображения, к несчастью, не всецело посвященного развитию русской литературы». И далее: «Как жестоко — сослали в имение! Но родители-то жили в имении без всякой ссылки, а все российское дворянство жило же по своим усадьбам. А Пушкин нигде себе места не находил... Где же тебе, батюшка, место? Везде кюхельбекерно, везде молдаванно, везде тоскливо. Так что с жалобами Пушкина из Михайловского можно считаться не более чем с другими»²³.

Темперамент критика, публициста прорывался иногда в весьма опасной степени. Так, говоря о том, что граф Воронцов хотел бы держать при себе Пушкина как придворного поэта, исследователь не удержался от попутного язвительного замечания: «Времена будут меняться, но и в новых условиях будет предъявляться к поэту требование прославления сильных, что также оплачивается орденами, окладами и путевками в жизнь»²⁴.

Всех перечисленных знаков отличия был абсолютно лишен сам Дарский, не оправдав своей фамилии. Отзвук личной горечи есть в острогах шутильной пьески «Пушкин-одессит», сочиненной им в 1937 г. в соавторстве с С. Н. Толстым. Там няня Пушкина успокаивает поэта: мол, все у него еще будет, и «леворюция», и «юбилей», и пьесу Паустовский напишет, и Благой доклад сделает (Елиза Воронцова при этих словах авторитетно добавляет: «и Еголин»), даже «сам Симонов докладет»²⁵.

Умер Д. С. Дарский в полной безвестности в клинском доме инвалидов, забытый почти всеми. Остался «пламень мысли, бегущей по строкам».

Примечания

1. Викторovich В. А. Надо провозглашать открыто и смело: В. В. Розанов и Д. С. Дарский/Литературоведение и литературоведы: Сборник научных трудов к 75-летию Г. В. Краснова. Коломна, 1996. С. 121. Подробнее о Д. С. Дарском см. также в нашей статье о нем в кн.: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2: Г-К. М., 1992. С. 87-89.

2. Русская мысль. 1916. № 4. Критическое обозрение. С. 1.

3. См. наши публикации статей Д. С. Дарского «О романе «Братья Карамазовы» (Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. Часть III. СПб.,

1993); «Пиковая дама» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. XV. СПб., 1995).

4. РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 177. Л. 1.

5. См.: Пушкин. Сборник первый. М., 1924. С. 310—314.

6. Набоков Вл. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» Пер. с англ. СПб., 1998. С. 166.

7. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. Томск, 1997. С. 177.

8. Дарский Д. Три любви Пушкина. Машинопись. М., 1949.//РГАЛИ. Ф. 2113. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5.

9. Современная точка зрения на эти споры изложена в статье: Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики южного периода.//Русская литература. 1987. № 1.

10. Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина.//Любовный быт пушкинской эпохи. 1. М., 1994. С. 46.

11. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 67—71. Версия Ю. М. Лотмана не завершила данный ряд. Может быть, самое поразительное предположение принадлежит уже нашему времени: переадресовка «утаенной любви»... Богоматери (См.: Пушкин и теоретико-литературная мысль. М., 1999. С. 353.

12. РГАЛИ. Ф. 2113. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 6.

13. РГАЛИ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 36. Л. 5.

14. РГАЛИ. Ф. 2113. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1.

15. Последнее обвинение, очевидно, наиболее «опасное», фигурирует в письме К. П. Богаевской к Т. Г. Цявловской 1932 г. о данной ей на прочтение рукописи: «Вы доставили мне колоссальное наслаждение! Это что-то сверхъестественное, замечательное! Я потрясена и не нахожу слов, такое открытие и как можно это оставлять в тайне, неопубликованным? Здесь ничего такого, чтобы помешало напечатать вещь. Где же мистика? Ничего особенного нет!» (Там же. Ед. хр. 33. Л. 1).

16. Там же. Ед. хр. 34.

17. Цявловская Т. Г. Заметки при чтении работ Д. С. Дарского. Там же, Ед. хр. 35. Л. 22.

18. Там же. Л. 70, 71, 78.

19. Там же. Ед. хр. 15. Л. 17.

20. Там же. Ед. хр. 20.

21. Там же. Ед. хр. 19.

22. Там же. Ед. хр. 35. Л. 63.

23. Там же. Ед. хр. 19. Л. 77.

24. Там же. Ед. хр. 20. Л. 176.

25. Там же. Ед. хр. 29. Л. 2.

*Т. В. Иванова,
начальник отдела Российского
государственного архива
фонодокументов*

ТВОРЧЕСТВО А.С.ПУШКИНА В ЗВУКОЗАПИСЯХ, ХРАНЯЩИХСЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ФОНОДОКУМЕНТОВ

В 1999 г. вся мировая общественность отмечает 200-летие великого русского поэта А. С. Пушкина. Обладая огромной коллекцией звуковых материалов, РГАФД не мог остаться в стороне от празднования этой знаменательной даты. Создание обзора «А. С. Пушкин. 200 лет» (IV выпуск «Звукового архива») является вкладом архива в чествование памяти поэта.

В архиве была проведена большая и кропотливая работа по созданию единого тематического обзора всех звуковых материалов, имеющих то или иное отношение к А. С. Пушкину. Его личность, его творчество настолько многогранны и многообразны, что нашли свое отражение практически во всех жанрах искусства — в поэзии, прозе, сказках, в опере, в вокальном жанре, в балете, театре, кинематографе. Предпринятая нами попытка объединить все творческое наследие поэта, отразившееся и сохранившееся в фонодокументах архива, стала как бы неким синтезом разных жанров искусства на фоне влияния поэзии А. С. Пушкина на творчество других великих личностей, творивших в этих жанрах (композиторов, певцов, актеров). Цель обзора — рассмотрение их творчества через призму гения поэта, его влияния на различные стороны культурной жизни России и всего мира.

Обратившись в нашей работе к составлению обзора фономатериалов «А. С. Пушкин. 200 лет», мы лишний раз убедились в том, насколько притягательна его поэзия для разных поколений творческих людей всего мира. На каждом новом витке истории А. С. Пушкин остается эталоном, мерилом их деятельности.

В данном обзоре мы постарались объединить все имеющиеся записи, связанные с именем А. С. Пушкина. Обзор состоит из трех выпусков. Отметим, что музыкальность стиха А. С. Пушкина всегда привлекала к себе музыкантов, начиная с той поры, когда их автор был еще юным лицеистом. В своей работе мы попытались как можно шире раскрыть определение «музыкальности» пушкинского стиха, показать его влияние на формирование творчества многих великих исполнителей, то колоссальное место,

которое пушкинский стих занимал и занимает в музыке большинства русских композиторов. В связи с этим можно отметить, что более 1000 композиторов (включая и современных поэтов) неоднократно обращались к его творчеству. Поэзия А. С. Пушкина оказалась своего рода «вечным двигателем» для музыки, в особенности для вокальных жанров романса и оперы. Поэтому первые два выпуска обзора «А. С. Пушкин. 200 лет» посвящены именно романсам и операм.

В первый выпуск обзора мы постарались включить все «пушкинские» романсы не только корифеев русской музыки, таких как М. И. Глинка, А. А. Алябьев, А. П. Бородин, А. С. Даргомыжский, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский и др., но и современных композиторов — А. Н. Александрова, Р. Г. Бойко, А. К. Власова, С. В. Рахманинова, Г. В. Свиридова и др. Сравнение произведений разных авторов, написанных на одни и те же стихи А. С. Пушкина, показывает, что каждый композитор «читает» эти стихи по-своему, тем самым открывая слушателям нечто новое и подчас неожиданное в знакомых с детства стихах.

Отметим также, что обаяние музыкальной поэзии А. С. Пушкина привлекало не только русских, но и национальных композиторов, таких как Д. И. Аракишвили, Э. Дарзинь, В. Х. Капп, Р. И. Лагидзе, В. И. Мурадели и др. Мы постарались собрать воедино записи их романсов как иллюстрацию всенациональности пушкинской поэзии.

Во второй выпуск обзора включены все записи оперной музыки, созданной на основе Пушкинианы, — записи лучших голосов русской и мировой оперной сцены: А. С. Пирогова, Ф. И. Шаляпина, И. С. Козловского, С. Я. Лемешева, И. К. Архиповой, Э. Карузо, Т. Руффо, Т. Скиппы и др.

В третий выпуск обзора «А. С. Пушкин. 200 лет» вошли записи пушкинских стихов, поэм, прозы, сказок, фрагментов спектаклей, теле- и радиопередач, записи вечеров, посвященных «пушкинским дням». Сюда также вошли записи балетов, камерных симфонических произведений и музыки к кинофильмам, снятым по произведениям А. С. Пушкина.

Лирика поэта, его поэмы, проза, сказки являются одним из самых значительных разделов нашего обзора. Поэмы «Бахчисарайский фонтан», «Борис Годунов», бессмертный роман в стихах «Евгений Онегин», от которого идет родословная русского героя и героини, составивших историю нашего века, «Руслан и Людмила», «Полтава», «Цыганы» звучали в исполнении корифеев русской сцены Е. Н. Гоголевой, А. П. Кторова, О. Л. Книппер-Чеховой, В. Н. Пашенной, А. К. Тарасовой, В. И. Качалова, Р. Н. Симонова, М. И. Царева, К. Н. Еланской. Лирика Пушкина

привлекала и привлекает и современных актеров. Прекрасные пушкинские стихотворения «Анчар», «Бесы», «Вновь я посетил», «Во глубине сибирских руд», «Деревня», «Для берегов отчизны дальней», «Зимняя дорога», «Муза», «На холмах Грузии», «Осень», «Узник», «Элегия», «Я вас любил» звучат в исполнении и более молодого поколения актеров — М. М. Казакова, В. Д. Ларионова, А. А. Консовского, И. М. Смоктуновского, С. Ю. Юрского. Всем памятные с детства пушкинские сказки «О золотом петушке», «О мертвой царевне и семи богатырях», «О попе и работнике его Балде», «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане» нашли свое отражение в творчестве таких прекрасных актеров, как И. В. Ильинский, В. П. Марецкая, О. П. Табаков, О. Н. Абдулов.

В завершение отметим также, что все три выпуска нашего обзора имеют свой справочный аппарат: краткие справки-биографии на авторов музыки, исполнителей, актеров, а также именные указатели авторов и исполнителей.

Надеемся, что проделанная РГАФД работа по составлению обзора «А. С. Пушкин. 200 лет» будет востребована исследователями творчества как самого поэта, так и выдающихся композиторов, музыкантов, исполнителей, чья деятельность была связана с именем великого поэта.

*А. С. Дерябин, главный
специалист Российского
государственного архива
кинофотодокументов*

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НЕИГРОВОМ КИНО

**(по материалам Российского государственного архива
кинофотодокументов)**

В замечательной книге Михаила Леоновича Гаспарова «Занимательная Греция» есть глава «Откуда берутся отрывки». Эта глава посвящена тем сохранившимся отрывкам древнегреческой

поэзии, на основании которых современные ученые судят о многих древнегреческих поэтах. Она начинается так: «Попробуйте представить себе страшную картину: во всем мире вдруг исчезли все издания сочинений Пушкина. И собрания сочинений, и отдельные издания, и давние, и недавние — все до одного. Что было бы тогда? Так и осталось бы человечество без Пушкина?»¹.

Далее он успокаивает читателя, предлагая мысленно заглянуть в учебники русского языка и литературы, хрестоматии — русские и на иностранных языках, книги по языкознанию, словари, всевозможные книги о Пушкине. Ведь из всей этой литературы можно выписать многочисленные цитаты из Пушкина, описания пушкинских произведений! И воображаемый филолог, который мог бы проделать такую работу, должен, по Гаспарову, еще долго и бережно сортировать и группировать этот пестрый материал, прежде чем на свет появится книга, на которой будет написано: «А. С. Пушкин. Отрывки». А по такой книжке, уверяет Гаспаров, будет все же возможно получить общее представление о Пушкине.

Опуская дальнейшие рассуждения ученого, мне хочется предложить вам сходный эксперимент. Если бы исчезли все издания сочинений Пушкина во всем мире, то какое представление о поэте мог бы получить наш воображаемый исследователь по фотографиям и документальным фильмам, хранящимся в РГАКФД?

В том, что этот человек составит какое-то представление о поэте, я не сомневаюсь: в РГАКФД хранится более 220 фотографий и 320 киносъемок, так или иначе связанных с пушкинской тематикой за период с 1900-х гг. до сегодняшнего времени. Это съемки пушкинских мест, многочисленных памятников поэту, празднований годовщин со дня рождения и со дня смерти поэта, чтения пушкинских стихотворений неизвестными школьниками, неизвестным Л. Хмарой и такими корифеями, как М. Яхонтов и М. Астангов, и многое другое.

Изучение всех этих материалов отнимет немало времени. Но постепенно довольно хаотичная и поначалу скучноватая из статичных и движущихся изображений и звуков картина оформится в какое-то подобие фильма — впрочем, вполне ясное и целостное. В этом фильме будет гораздо меньше тайны, чем в книге «А. С. Пушкин. Отрывки», он вызовет недоумение и иронию. Но объектом этой иронии станем мы и все то, что происходило в России в течение последних 80 лет и будет, по-видимому, происходить всегда.

Если заглянуть в уникальный по охвату материала справочник В. Е. Вишневого «Документальные фильмы дореволюционной России. 1907—1916»², то там не найдется ни одной киносъемки,

связанной с именем Пушкина. (При этом дореволюционное игровое кино создало массу экранизаций пушкинских произведений.)³ Пушкин появлялся на экране среди исторических персонажей игрового фильма⁴ 1913 г., посвященного 300-летию династии Романовых. Был даже биографическим фильм «Жизнь и смерть Пушкина»⁵, снятый в 1910 г.

Последующее десятилетие тоже не отличается вниманием документалистов к Пушкину. И только с 1927 г. имя Пушкина начинает регулярно появляться сначала в хронике, а потом и в документальных фильмах. В 1936—1937 гг., в связи с юбилейными торжествами, количество экранных обращений к Пушкину лавинообразно возрастает, поражая немыслимым разнообразием сюжетов. Здесь и школьники, рисующие иллюстрации к пушкинским произведениям, и работающий над скульптурой поэта С. Д. Меркуров, и печатание книг Пушкина на языках народов СССР, и изготовление юбилейной продукции Ленинградским фарфоровым заводом, и открытие памятников и мемориальных досок, и постановка «Сказки о золотом петушке» в детском садике, и, конечно же, торжественный митинг в Москве на Пушкинской площади. Вся страна охвачена юбилейной лихорадкой, отображенной в документальном кино с пафосом и размахом — как будто в недавно принятой Сталинской конституции был пункт об обязательном для каждого гражданина СССР поминании поэта. Но в общем хоре славословия, ритуальных деяний и мероприятий вдруг возникает невольная нотка самопародийности, ибо никакое другое искусство не может сравниться с кино по степени саморазоблачительности. Вот один пример.

Десятиминутка «Памяти Пушкина»⁶ (1937), сделанная малоизвестным режиссером Н. Соловьевым, строилась как добросовестный перечень основных мероприятий, связанных со столетием со дня смерти поэта. Менее всего претендуя на некие откровения, режиссер тем не менее обошелся без диктора и без указующих титров(!). Кадры митинга на Пушкинской площади в Москве режиссер и звукооператор совместили с музыкой увертюры из оперы М. Глинки «Руслан и Людмила» — и ораторы, и люди в президиуме сильно потеряли в пафосе, став почти нелепыми. Столь же нелепыми, как висящий среди экспонатов пушкинской выставки портрет Сталина (этот кадр тоже есть в фильме).

После 1937 г. официальная пропаганда несколько снижает свою мощь в насаждении культа Пушкина с экрана, но ненадолго. В 1948—1949 гг. документальные фильмы и киножурналы показывают празднование 150-летия со дня рождения Пушкина как событие международного масштаба (предваряющее, естест-

венно, 70-летие со дня рождения Сталина). Имена поэта и вождя звучат как равнозначные в выступлениях почти всех докладчиков на торжественном заседании в Большом театре, посвященном пушкинскому юбилею. Портрет Сталина снова включен в состав пушкинской выставки.

Кроме документальных съемок юбилейных празднеств в 1949 г. были сделаны интересные съемки Б. В. Томашевского за сверкой текста «Евгения Онегина», многих видных академиков, пушкинистов, писателей.

В 1937 г. был снят научно-популярный фильм «Рукописи Пушкина»⁸, сохранивший свое обаяние до сих пор. И после 1949 г. было много хороших и неплохих фильмов, например, трилогия А. Хржановского⁹. Только речь не об этом.

Если Виктор Гюго считал, что книга убила архитектуру, то многие считали и считают, что книгу убивают кино, телевидение, видео. Интересно, убивают ли творческое и духовное наследие Пушкина обращающиеся к нему документальные фильмы и хроника или хоть в чем-то следуют его традициям?

С середины 1950 гг. становится отчетливо видно, что документальное кино извлекает и показывает не столько духовные или даже пропагандистские выгоды из существования Пушкина, сколько выгоды материальные. Кинематографисты снимают бесчисленные делегации зарубежных стран, в официальную программу пребывания которых входит непременно посещение Большого театра. В Большом постоянно дают то «Бахчисарайский фонтан», то «Евгения Онегина», то «Пиковую даму». Иностранцы, среди которых Ж.-Б. Бокасса¹⁰ и С. Хусейн¹¹, смотрят представления, вручают артистам цветы и подарки. Налаживаются отношения с Китаем? Пушкин и тут как нельзя кстати: снимается фильм об открытии памятника в Шанхае, и оглашается (в том же фильме)¹² поданное А. Х. Бенкендорфу в 1830 г. прошение поэта о поездке в Китай. Надо освятить новинки научно-технической мысли? Чего проще в павильоне Всесоюзной промышленной выставки художник вытачивает из дерева на 8-шпиндельном копировально-фрезерном станке барельеф Пушкина¹³...

Нет нужды приводить еще какие-то примеры (тем более, что их предостаточно). Но возьмем еще Всесоюзные пушкинские праздники поэзии в Михайловском — их документалисты снимали особенно добросовестно. Не мое дело судить, насколько обогащенными — духовно! — разъезжались участники этих праздников, но скольким же людям эти мероприятия давали работу! Организаторам, участникам, написавшим об этом газетчикам, снявшим сюжет киношникам... Жители Пушкинских гор, Михай-

ловского и окрестностей вспоминают эти времена как благословенно счастливые и жалуется сегодня, что нет туристов, нет заработка, нет праздника.

Чтобы закончить свое выступление, мне — а вернее архиву — не хватает одного сюжета. Сейчас мало снимают на киноплёнку, а еще меньше — сдают в РГАКФД, но сюжет, о котором идет речь, должен у нас быть обязательно. Потому что сюжет этот сняли на видео и даже показали по телевидению в середине февраля 1999 г. В нем идет речь о нынешнем состоянии Пушкинских гор, чьи обитатели не верят уже никому и ничему. Один из этих людей, уже немолодой человек, говорит о том, что все устали от отсутствия газа, тепла и света. Он уповает только на Пушкина, называя поэта Кормильцем, и выражает надежду, что в нынешний юбилейный год горожанам хотя бы чуть больше дадут газа, электричества и тепла.

Вот так, в конце XX века парадоксально, естественно, подтверждается мысль о том, что «Пушкин — это наше все».

Документальное кино (как и любое другое, и видео, и телевидение) не «убило» поэта, да и никогда не убьет. В сюжетах и фильмах, хранящихся в РГАКФД, Пушкин-поэт скромно уступает место Пушкину-историку, Пушкину — историческому камертону. Обращаясь к нему, запечатленное на киноплёнке зримое время смотрится в безупречное зеркало, которое не только никогда не лжет, но и показывает нам все, что мы сами в состоянии разглядеть. Просматривая документальные фильмы и фотографии, мы можем слушать и слышать, и смотреть, и видеть, и читать, и задумываться. Существовать. Пока рядом с нами есть Пушкин!

П р и м е ч а н и я

1. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. М. 1996. С. 98.
2. Вишневатский В. Е. Документальные фильмы дореволюционной России. 1907—1916. М.: Музей кино, 1996.
3. См. Пушкинский кинословарь. М., 1999; Дерябин А. С. Пушкинская тематика в документах РГАКФД//Киноведческие записки, 1999, № 42.
4. 300-летие царствующего дома Романовых (1913), реж. А. Н. Уральский. Арх. № 22645.
5. Жизнь и смерть Пушкина (1910), реж. В. Гончаров. Фильм хранится в Госфильмофонде.
6. Памяти Пушкина (1937), реж. Н. Соловьев. Арх. № 3852.
7. Передвижка памятника А. С. Пушкину в Москве (1950), кинолетопись. Арх. № 22059.

8. Рукописи Пушкина (1937), реж. А. Егоров и С. Владимирский. Фильм хранится в Госфильмофонде.

9. Я к Вам лечу воспоминаньем (1977). И с Вами снова я (1981), Осень (1982), все — реж. А. Хржановский. Фильмы хранятся в Госфильмофонде.

10. Президент Центральноафриканской республики генерал Жан-Бедель Бокасса в СССР (1970), реж. В. Мусатова. Арх. № 15481.

11. Товарищ Саддам Хусейн в Москве (1977), реж. С. Пумпянская. Арх. № 10211.

12. Древнее и вечно юное искусство (1957), реж. Л. Кристи. Арх. № 1021.

13. На Всесоюзной промышленной выставке (1956), реж. М. Славинская. Арх. № 15701.

**ПУШКИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В АРХИВАХ РОССИИ**

**Материалы
научно-практической конференции
16 февраля 1999 г.**

ISBN 5-88253-042-3

Лицензия № ЛР 020858 от 15 февраля 1994 г.

Редакционно-издательский отдел ФА
Б. Пироговская, 17

Редактор *Н. Н. Дивакова*
Технический редактор *Н. В. Ганина*

Подписано в печать 29.06.2000. Печать офсетная. Изд. № 39.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем 8 п. л., вкладка 0,25 п. л. Тираж 300 экз. Зак. 3106—00.

Отпечатано в 12 ЦТ МО

